

Памяти умерших

ЕРУСАЛИМ
2005

RUSSIAN JEWRY ABROAD

***Shoah and
Resistance***

Essays and Memoirs

Jerusalem, 2005

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Памяти ушедших
(Катастрофа и Сопротивление)

Статьи, публикации, мемуары и эссе

Иерусалим, 2005

**Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ**

**Памяти ушедших
Статьи, публикации, мемуары и эссе**

Составители:

Михаил Пархомовский, Николай (Ариэль) Борщевский, Юлия Систер
Иерусалим, 2005

Электронная версия настоящей книги размещена
на сайте Ассоциации «Эхо»: www.oranim.ac.il/echo

© Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

© Составители

© Авторы статей

Research Center for RUSSIAN JEWRY ABROAD

Shoah and Résistance

Essays and Memoirs

Compiled by

Mikhail Parkhomovsky, Nikolay (Ariel) Borshevsky, Yulia Sister
Jerusalem, 2005

ISBN 965-222-911-3

На обложке: *Н.Бродская*. Портрет Раисы Блох.

К 60-летию победы во Второй мировой войне

Благословенна память о них

Щемящее чувство вызывают рассказы о погибших в годы войны, и, тем более, когда читаешь о жертвах Катастрофы.

В памяти слова Владимира Набокова: *«...невозможно было жить с мыслью о том, что эту изящную, хрупкую нежную молодую женщину, с этими ее глазами, с этой ее улыбкой, с этими садами и снегами за спиной, свезли в скотский лагерь уничтожения и убили...»*.

Больно ранят сердце строки поэтической исповеди погибшего в Бабьем Яре мальчика, написанные от его лица: *«Ах, я умер намного раньше, чем стал собой, / Чем я что-то увидел, чем понял я в жизни что-то... / Никем я не стал. И не стану»* (Наум Коржавин).

Глубокое уважение вызывают бессарабские евреи – бойцы французского Сопротивления (очерки о Тамаре Пагис и Ароне Бачкуринском – *докторе Франсуа*) и спасавшие евреев от палачей (Луи Рапкин, герои статьи Э.Н.Левиной).

Желая почтить память погибших от рук нацистов и поклониться людям, боровшимся с нацизмом и пережившим Катастрофу, мы решили издать статьи, эссе и воспоминания о них, опубликованные в наших книгах о русских евреях в зарубежье¹. Герои этих очерков – художники и бойцы французского Сопротивления, скульпторы и музыканты, поэты и писатели, библиофилы и врачи, ученые и общественные деятели. Особая прелесть этих очерков заключается, как нам видится, в том, что они рассказывают не столько об ужасах войны и Катастрофы, сколько о богатом творческом наследии и высоком духовном уровне жертв варваров XX века.

Составители

---

¹ Евреи в культуре Русского Зарубежья (Тома 1–5. Иерусалим, 1992–1996) и Русское еврейство в зарубежье (Тома 1/6–5/10/. Иерусалим, 1998–2003).

Памяти ушедших
Воспоминания Евгении Каннак
о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блох¹

*Подготовка текста, публикация и примечания
Александра Клементьева (Париж)*

Н.Бродская. Портрет Раисы Блох

М и р а е в – под таким псевдонимом они выпустили когда-то книжку стихов для детей². Миша и Рая, Михаил и Раиса Горлины, – кто в литературной среде Берлина до начала 30-х годов, а позже в Париже не знал этой «голубиной пары», как назвал их друг-поэт? Но минули десятилетия, сверстники их один за другим ушли навсегда, и, пожалуй, кроме меня, близко их знавшей, некому больше рассказать о жизни и гибели двух замечательных поэтов...

Родители Михаила Горлина покинули Россию сразу после революции, когда он был еще ребенком, несколько лет провели в Англии, потом поселились в Берлине³. Казалось, у Михаила были все основания позабыть об оставленной родине, пустить корни в стране, давшей пристанище его семье. Но случилось обратное – чем дальше, тем сильнее увлекался он русской литературой, зачитывался и классическими романами XIX века, и теми книгами, что выходили в России позже – в сравнительно свободную эпоху.

Родители очень гордились рано проявившимися способностями Михаила, баловали его и оберегали – пожалуй, даже слишком, – не позволяли сыну заниматься спортом, даже велосипед был ему воспрещен. Впоследствии это сыграло недобрую роль в его судьбе.

Я познакомилась с Михаилом Горлиным на одном литературном вечере в Берлине. Как я записала потом в юмористическом

очерке для нашего «Архива», Михаил обходил присутствующих и спрашивал: «Не пишете ли? Не сочиняете ли?» В сущности, так оно и было, — ему очень хотелось объединить начинающих литераторов, устраивать встречи, говорить о поэзии, представлять первые опыты суду друзей.

Литературный кружок был вскоре основан, и Михаил стал его бессменным председателем. Кроме «начинающих» — среди них София Прегель, Юрий Джанумов, Борис Бродский, Виктор Франк, — были там и люди постарше, начавшие печататься еще в России — Сергей Горный, Ирецкий. Бывали и авторы, успевшие уже, несмотря на молодые годы, заслужить известность — В.Набоков и В.Питровский (тогда еще не Корвин...). Заседания, в кафе или на частных квартирах, проходили весело, порою бурно. Допускалась строгая критика прочитанного, но, благодаря такту и остроумию Горлина, до ссор никогда не доходило, все заканчивалось смехом.

Кудрявый, круглолицый, сероглазый, небольшого роста, председатель наших собраний выглядел моложе своих лет, а было ему тогда не больше двадцати. Он учился в Берлинском университете, позже блестяще окончил курс, написав диссертацию на тему «Гоголь и Гофман»⁴. Поэзия и литературоведение были его неоспоримым призванием, ничем другим он не мог бы заниматься. Уже в то время, несмотря на юный возраст, Михаил обладал немалой эрудицией.

А его будущая жена, Раиса Блох, высокая, худощавая, стремительная, была лет на десять старше⁵. Из России она приехала вместе с братом Яковом, основавшим в Берлине издательство «Петрополис»⁶. Приехала на несколько лет позже нас, «первых эмигрантов», и, вероятно, поэтому переживала разлуку с Петербургом, с родиной, острее большинства моих однолеток. Мотивы тоски очень сильны в стихах из сборника «Мой город», увидевшего свет в Берлине⁷:

Принесла случайная молва
Милые ненужные слова:
Летний сад, Фонтанка и Нева,

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода...

Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке...

Это было, было и прошло,
Что прошло, то вьюгой замело,
Оттого так пусто и светло.

В Петрограде она окончила университет, стала специалистом по истории средневековья, в Берлине работала в архиве. Но больше всего ее привлекала поэзия. Первый сборник ее стихов, женственно-лирических, несмотря на боль и горечь, подчас в них звучащие, вышел еще в России⁸.

Познакомившись в нашем кружке, Михаил и Раиса быстро подружились: все сближало их, но особенно поэтический дар обоих и увлечение русской литературой и поэзией⁹. И, вероятно, ни той, ни другому не приходило поначалу в голову, что эта дружба сможет привести к прочному союзу на всю жизнь. Разница лет и жизненного опыта была слишком велика, к тому же Раиса тосковала еще по любимому человеку, известному переводчику Михаилу Лозинскому, оставшемуся в России, а у Михаила Горлина были свои юношеские мимолетные увлечения.

И все же, еще в 1932 году Раиса писала о нем:

Я тебя люблю, как бабушка внучонка,
О твоей любви не спорю, не томлюсь,
Но лишь стоит мне припомнить голос звонкий
Легче тишина и одолимей грусть...

И случилось так, что в 1933 году после прихода к власти Гитлера обоим пришлось оставить Берлин. Они оказались в Париже, и оба были одиноки – родители Михаила уехали в Польшу, брат Раисы и невестка – в Швейцарию. Это одиночество еще больше их сблизило, жить друг без друга, не деля разочарований и надежд, казалось уже невыносимым¹⁰.

Однажды Раиса спросила меня: «Как ты думаешь, будут здешние эмигранты смеяться над нами, если мы поженимся?» «Не все ли тебе равно? – ответила я. – Поговорят и перестанут. Ведь вы друг друга любите, вы будете счастливы – чего же еще желать».

Когда они поженились, немало было толков в русском Париже, многие недоумевали: помилуйте, такая разница в возрасте, да он и на вид еще совсем мальчик. Но на деле получился отличный брак – никогда между ними не было ни споров, ни недоразумений, и счастье их еще ярче засияло, когда через несколько лет родилась у них прелестная девочка Дора¹¹.

Особенность этого брака была в том, что роль главы семьи выпала на долю Раисы: это ей пришлось разыскивать квартиру,

подписывать деловые бумаги, добиваться разрешения на постоянное жительство во Франции. «Что поделаешь, – говорила она мне, вздыхая и улыбаясь. – Ведь у Миши нет ни капли практического смысла».

I

И все же именно Мише удалось скоро найти интересную работу. В Париже, благодаря рекомендации берлинского профессора Фасмера, он познакомился с Андрэ Мазоном, профессором русской литературы в Сорбонне. Тот вскоре оценил кудрявого мальчика, с таким увлечением говорившего о русской поэзии, и назначил его секретарем Славянского института при Сорбонне. Вскоре Михаил начал собирать материалы для магистерской диссертации¹². Андрэ Мазон заинтересовался уже первой его диссертацией и другими ранними работами (среди них был, помнится, остроумный набросок, теперь бесследно исчезнувший, как и многое, созданное Горлиным, – придуманное им окончание гоголевского «Утра делового человека»).

Н.Бродская
Портрет Михаила Горлина

Раисе же было не до научной карьеры, она заботилась лишь о том, чтобы прокормить увеличившуюся семью. Ведь, кроме Дорочки, была еще и старая русская няня, чуть ли не последняя представительница исчезающего племени, – старушка весьма норовистая, но за ребенком прекрасно ухаживавшая. И Раиса не отказывалась ни от каких предложений: переводила, давала уроки, брала машинописные работы. Писала она, когда удавалось их пристроить, исторические статьи. У меня сохранилась одна из них, помещенная в специальном журнале фармацевтов, – «Аптека в эпоху Карла Лысого»¹³.

Но и поэзия их не покидала. Еще в Берлине Раиса выпустила сборник «Мой город», а Михаил – сборник «Путешествия», кроме того, они участвовали в двух сборниках берлинских поэтов в 1931 и 1932 годах¹⁴. Продолжали они писать и в Париже.

Если Раиса оставалась верна заветам классической поэзии, то Михаил пытался найти свой путь, свой ритм, свои темы. У него

был особый, созданный им мир, его привлекала фантастика. От рифм и размера он часто отказывался. Характерно для него стихотворение «Шнуррелауенбург»:

Когда-то в детстве, начитавшись Гофмана и сказок,
Я рисовал красными чернилами, чтобы было покрасивее,
Веселый несуществующий городок Шнурренлауенбург.
Потом прошли года.
Я забыл, я совсем забыл про него,
И сегодня вдруг вспомнил снова.
Как ясен он передо мной!
Выйду и пойду бродить по его улицам.

Но были у него и другие стихи, тоже полные фантастики, но обложенные в иную форму:

Я сам себе совсем не верю,
Но птицы подымают гам,
Но ласковые ходят звери
По комнате, как по лугам.

<...>

Павлин расширил веер синий
И застилает потолок.
А день все тот же: легкий иней
Да солнечный прозрачный ток.

Все тот же город различаю
Я в чисто вымытом окне,
И ты мне наливаешь чаю,
Как будто это не во сне.

Мне думается, если бы не горькая судьба, так рано прервавшая их жизни, Раиса продолжала бы писать стихи, но Михаил от поэзии понемногу отошел бы. Он смог бы стать ученым-литературоведом — ведь его еще до начала «странной войны» известный лингвист Роман Якобсон звал в Вашингтон: «Приезжайте скорее, Вас ждет здесь работа». Но уехать не удалось.

Когда началась война и возникла опасность немецкой оккупации, Горлины, как это ни странно, не слишком взволновались. Им казалось, что они хорошо знают немцев, ведь в Берлине у них осталось столько друзей. «Не может быть, чтобы они так озверели», — часто слышала я.

Когда мой муж был мобилизован, я уехала с пятилетним сыном в Сан-Мало к недавно овдовевшему тестю. Это было в мае 1940 года. Раиса написала мне, просила найти в Сан-Мало квартиру для

них, что мне удалось сделать довольно быстро. Они опасались бомбардировки Парижа. Сначала Рая хотела перевезти только дочку с няней, но вскоре и они с Михаилом оказались в Сан-Мало. Сколько вспоминается мне прогулок по улицам старинного города, по пляжам. Сколько говорили мы об «эмигрантской поэзии», сколько возникало замыслов, планов на будущее... Все это прервалось немецким нашествием, оккупацией Франции. Мне навсегда запомнились немецкие солдаты, маршировавшие по улицам бретонского городка, – и их лица, эти лица казались зеленоватыми, вероятно, от усталости.

В Сан-Мало не было смысла оставаться, и все мы вернулись в Париж. Наступили тяжелые годы – небывалые материальные трудности, общее уныние. Потом – возрастающие надежды на перемену к лучшему, участие моего мужа в тайной организации Сопротивления. Мне случалось не раз принимать дома людей, которых разыскивало гестапо. И дни летели: по утрам – бесконечные очереди, по вечерам – передачи английского радио, которых оккупантам почему-то не удавалось заглушить окончательно. С Горлиными мы по-прежнему встречались, все у них, казалось, было благополучно, и вдруг – беда. Пришла Раиса, бледная, взволнованная, – Мишу арестовали¹⁵.

Это была страшная и, надо сказать, нелепая катастрофа. Именно нелепая, ибо имелась возможность ее избежать. Раиса была знакома с полицейским комиссаром их участка, и он пообещал, в случае появления опасности, предупредить их. И сдержал слово – накануне ареста он послал Мише повестку: явиться на следующее утро в участок «со сменой белья и одеялом».

«Но Рая, почему же он не уехал, не укрылся где-нибудь?» – спрашивала я. «Не захотел, боялся, что мне придется за него отвечать».

Наутро она проводила его в участок – а там полицейские уже окружали толпу взволнованных, громко протестовавших польских евреев; у Михаила был польский паспорт, а у Раисы – советский.

Вначале казалось, что нет оснований особенно отчаиваться. Арестованных увезли в лагерь Питивье, возле Орлеана. А так как французским полицейским, вероятно, не слишком приятно было стеречь по приказу немцев ни в чем не повинных людей, они охотно делали поблажки узникам – позволяли покидать лагерь, гулять днем по городу. И Раиса каждую неделю приезжала к мужу в Питивье, они заходили в городскую библиотеку, где Михаил работал с нужными ему книгами. Профессор Мазон, полюбивший его как

родного, писал в это время Мише: «Пользуйтесь свободным временем, работайте над Вашей тезой». До чего же наивны были тогда французы, даже ученые, несмотря на свой богатый жизненный опыт. Многие тогда убегали из лагеря, раздобыв велосипед. Но Михаил на это не решился, да ведь и ездить на велосипеде он не умел.

Когда однажды Раиса подошла к лагерю, то увидела, что ворота широко раскрыты, а лагерь пуст¹⁶. Узнавший ее сторож смущенно ответил, что немцы еще утром вывезли всех арестованных. Увезли в Германию; но он не знал, куда именно.

Какую страстную энергию проявила тогда Раиса, пытаясь спасти мужа. Две недели спустя она пришла к нам, показала фальшивый французский паспорт. Сказала, что едет с Дорочкой в Швейцарию, что брат Яша ей поможет, что, живя там, ей легче будет хлопотать за Михаила. Я просила ее быть осторожней, не попасть немцам в руки. «Я на Бога надеюсь, – отвечала Рая, – ведь нельзя же мне не знать, где Миша, что с ним».

Еще она рассказала, что в последнее время, уже в лагере, Миша снова начал писать стихи: «чудесные, лучше, чем все прежние». Но она не успела взять их. Эти стихотворения исчезли...

То была наша последняя встреча с Раисой. Она действительно уехала с дочкой, но по дороге Дорочка расхворалась, появился сильный жар, стало больно глотать. Раисе пришлось остановиться в приюте для беженцев: позвали врача – но было уже поздно. У девочки оказался дифтерит, и она умерла на руках у матери.

Свод торжественный, купол полный
Птичьим щебетом, Божьим звоном
И горячего ветра волны
По кудрявым сбегает склонам.

До реки, до травы высокой,
Незабудковой, бирюзовой,
Где над девочкой синеокой
Смерть насыпала холмик новый...

Преодолеть горе она была не в силах, ведь Дорочка стала ее единственным утешением, единственной радостью:

... Тихо кругом и сонно,
Что же который раз
Сердце неугомонный
Страшный твердит рассказ,
Страшный, неутолимый,

Неодолимый бред,
Что все прошло уже мимо,
Что ничего уже нет.

Но ведь оставался еще Михаил, о котором она ничего не знала, и, отчаявшаяся, измученная, она продолжала свой путь.

А на швейцарской границе ее задержали¹⁷ – фотография в паспорте показалась чиновникам подозрительной. После всего пережитого Раиса так похудела и изменилась, что выглядела на много лет старше. И швейцарская пограничная охрана, как ни горько об этом сказать, выдала ее немцам.

На этом заканчиваются сведения о судьбе Раисы Блох. Впрочем, нет, сохранилось еще последнее ее письмо, выброшенное из вагона поезда, увозившего ее из Парижа в Германию, и кем-то подобранное и отправленное по адресу. Так в последний раз прозвучал ее голос.

О ней мы больше ничего не узнали. Потом мне сказали, что ее увезли в Дранси. А Михаил, по слухам, был убит на соляных копях Силезии. Об этом я стараюсь не думать. Слишком страшно мне представить себе друзей молодости, поэтов, не приспособленных к житейским будням, в такой бесчеловечной обстановке.

Но они ушли не бесследно. О них осталась память, их книги: сборники стихов, научные статьи, выпущенные недавно стараниями профессора Мазона отдельным томом, в серии трудов Славянского института. Вышел также и стихотворный сборник двух удивительных поэтов — он был издан группой близких друзей: С.Ю.Прегель, художницей Ниной Бродской и мною — с помощью того же неутомимого Андрэ Мазона, который при нашей последней с ним встрече сказал мне: «Гибель Михаила Горлина — одна из самых больших горестей моей жизни».

---

¹ Воспоминания впервые опубликованы в кн.: Евреи в культуре Русского Зарубежья (далее — *ЕВКРЗ*): Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе. Т. I (1919–1939). Сост. *М. Пархомовский*; под общ. ред. *М. Пархомовского* и *Л. Юниверга*. Иерусалим, 1992. С. 242.

² Не совсем понятно, о какой книге идет речь. Так, 17 августа 1931 г. Р. Блох писала О. А. Добиащ-Рождественской, что вместе со своим другом (М. Горлиным) они пишут книжку для детей, в стихах, типа «Макс и Мориц», сочиняют в день по 50–60 строк. 4 сентября 1931 г. она вновь пишет

об этом: «...мы сделали приложение к Макс и Морцу (500 строк) и еще две детских книжки (на этот раз на родном языке)...».

³ Семья Горлиных выехала из России в 1919 г. и некоторое время жила в Англии и Франции. Михаил родился в Петербурге 11 июня 1909 г.

⁴ В Берлинском университете, под руководством проф. Макса Фасмера, Михаил Горлин подготовил и защитил диссертацию по истории литературы «N.V.Gogol und E.T.H.Hoffman». Leipzig, 1933 (Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Freidrich-Wilhelms-Universität Berlin). Одна из его работ того времени посвящена творчеству Гете. См.: Zeitschrift für slavische philologie. 1932–1933. Т. IX, X.

⁵ Раиса Блох родилась 17 сентября 1899 года в Петербурге.

⁶ Книготорговый кооператив «Петрополис» был создан в янв. 1918 г. в Петербурге. С 1921 г. началась его издательская деятельность. В 1922 г. было открыто отделение «Петрополиса» в Берлине. В России деятельность издательства прекратилась в 1924 г. из-за невозможности продавать через торговую сеть книги, изданные на Западе.

⁷ Блох Р. Мой город Берлин. 1928. 55 с.

⁸ Нам не удалось разыскать какие-либо сведения об этом сборнике.

⁹ В 1934 г. в томе LVI «Современных записок» Раиса Блох поместила стихотворение об этом кружке, созданном и руководимом Михаилом Горлиным.

Кружок поэтов (Берлин)

Горькой человеческой тоскою
До краев мне душу напоя,
Знал ли ты, что нежностью такою,
Верностью такой отвечу я.

И сама я, к тени принимая,
Призраком себя заполняю,
Разве знала, что желанней рая,
Грешный мрак желанней для меня.

Двумя годами позже Раиса Блох писала Е.Каннак: «<...> О Берлинском периоде вспоминаем с умилением, в особенности, когда общаемся со здеишими поэтами, как люди и граждане явление мало отпадное» (письмо от 8.VIII.1936, частное собрание, Париж).

¹⁰ Р.Блох и М.Горлин вступили в брак в конце 1935 г. 26 ноября Р.Блох послала О.А.Добиаш-Рождественской два уведомления о своем замужестве, второе – для М.Лозинского: «Наша фамилия – Горлин» (письмо от 26 ноября 1935 г.).

¹¹ Об ожидаемом рождении ребенка сообщается в последнем письме Горлиных к О.А.Добиаш-Рождественской от 1.2.1936. Об этом же читаем и в первом из сохранившихся писем их к Е.Каннак: «<...> *Постараемся изготовить достойного товарища твоему сыну. Занимаемся этим усердно и надеемся к сентябрю закончить. Было бы очень весело, если бы они вместе гуляли и вообще устроили бы клуб поэтов en petit. Чувствуем себя все трое хорошо, ходим в Bibliotheque Nationale, где младший из нас порой ведет себя бурно и сильно брыкается*». В следующем письме она сообщает о рождении дочери: «*Наша дочка Дора блондинка с серыми глазами, длинными ресницами и замечательным маникюром, который очень меня с Мишей удивляет и умиляет. Мы оба к ней относимся пристрастно, но и сестры в клинике и все знакомые признают, что это лучшее произведение Мираева. Я уже два дня дома. <... > 27-го приезжают Яша и Леночка знакомиться с племянницей*». Ниже рукой М.Горлина приписано: «<... > *Дора Михайловна родилась, как почти все в моей жизни, в последний момент; без пяти минут полночь. Со всем тем это – чудная девица*» (письмо от 20.IX.1936, частное собрание, Париж).

¹² В 1937 г. М.Горлин начал работу над докторской диссертацией по теме: «*La litterature moyenageuse en Russie à la fin du XVIII-e siècle et au début du XIX-e, ou La vieille Russie dans la littérature russe du XVIII-e siècle et du début du XIX-e*».

¹³ 22.12.1933 Р.Блох писала О.А.Добиаш-Рождественской: «*Сегодня вечером, например, буду служить переводчицей в Sociite d'histoire de la Pharmacie, куда приехал профессор-немец, говорящий по-французски*», а 27.1.1934 в письме тому же адресату, она сообщала «*Занимаюсь <...> историей фармацевтики в качестве секретаря при журнале "Revue de l'Histoire de la Pharmacie"*».

¹⁴ Горлин М. Путешествия. Берлин, 1936. 40 с.

¹⁵ Горлин был арестован 14 мая 1941 г.

¹⁶ Из лагеря Pithiviers он был депортирован в Германию 17 июля 1942 г.

¹⁷ Раиса Ноевна была арестована в ноябре 1943 г.

**Ю.С.Вейцман —
владелец берлинского антиквариата «Россика»¹**

Олег Ласунский (Воронеж)

История русского зарубежного библиофильства XX века исследована чрезвычайно слабо, а между тем она могла бы в немалой степени расширить наши представления о культурной жизни в среде отечественной диаспоры. Ведь собирательство, посильное изучение и пропаганда памятников национальной рукописной и печатной книжности в специфических условиях эмиграции нередко было той тоненькой, но прочной духовной нитью, которая связывала огромный беженский мир с покинутой родиной. Не слу-

чайно с таким напряженным вниманием подписчики парижской газеты «Последние новости» следили за циклом «Заметок старого книгоеда», который регулярно вел беллетрист и эссеист М.А.Осоргин. Читатели с обостренным внутренним чувством воспринимали эти лишенные политической злобы дня материалы. Антикварные издания, оттиснутые на типографских станах Москвы, Петербурга, Киева, становились как бы последним приветом с далекой, но по-прежнему любезной сердцу земли. Вообще библиофильство на «русском Западе» (а именно там оно приобрело в 1920–1930-х гг. особый размах) поневоле имело гораздо более эмоционально-напряженную окраску, нежели дома, в России.

Редкие и ценные отечественные книги разными путями накапливались за границей издавна, в течение XVII — начала XX вв. Что-то привезли с собой в изгнание и беженцы после 1917 г. В 1920-е гг., на фоне бытовых трудностей, которыми сопровождалась жизнь на чужбине, происходит перераспределение частновладельческого

фонда. Печатный антиквариат включается в общеевропейский букинистический оборот, экземпляры мигрируют из страны в страну, обретая новых хозяев. Наиболее яркие очаги книголюбительства складываются в интеллектуальных центрах русского рассеяния – в Берлине, Париже, Праге.

Велика роль в развитии отечественного библиофильства за рубежом берлинской антикварной фирмы «Россика». Ее услугами активно пользовались такие крупные собиратели и деятели книги, как Н.А.Рубакин, Б.И.Николаевский, С.П.Дягилев, С.М.Лифарь, А.С.Левенсон, Л.С.Багров, Ю.Б.Гене, Я.Б.Полонский, А.Я.Яценко и др. Фирма снабжала литературой и менее именитых любителей печатной древности. Ее не миновали сотни и сотни раритетных изданий, которые, попадая на полки истинных ценителей, были, таким образом, спасены от вероятной физической гибели. В условиях, когда в беженском лагере царили житейские неурядицы и редкие издания зачастую пребывали в страшном небрежении, важно было использовать цивилизованные формы книгораспространения. Как раз этим и занималась «Россика», унаследовавшая лучшие традиции московской и петербургской антикварно-букинистических школ.

Организатором и владельцем «Россики» являлся польский еврей Юлий Сигизмундович Вейцман. К сожалению, мы не располагаем достаточно обширными биографическими сведениями о нем и надеемся, что публикация настоящей статьи вызовет соответствующие отклики и тем самым поможет узнать побольше об этой незаурядной личности. Единственными источниками достоверных данных служат воспоминания видного таллинского собирателя и искусствоведа Юлия Борисовича Генса (1887–1957), опубликованные в «Альманахе библиофила» (М., 1976, вып. 3), а также двухтомный машинописный каталог вейцмановской библиотеки, хранящийся у автора этих строк.

Ю.С.Вейцман эмигрировал на Запад в 1919 г. из Москвы, оставив в первопрестольной большую и безалаберную подборку литературы по философии и поэзии, взяв с собой лишь томик стихотворений своего обожаемого Вл. Соловьева. До 1921 г. ему пришлось каждые несколько месяцев менять место пребывания: Варшава, Лодзь, Данциг, Париж и, наконец, – Берлин, где он бросил якорь. По свидетельству Ю.Б.Генса, Вейцман был человеком состоятельным и антикваром стал из «любви к искусству». Началось с того, что он надумал вновь составлять библиотеку, приобретая в евро-

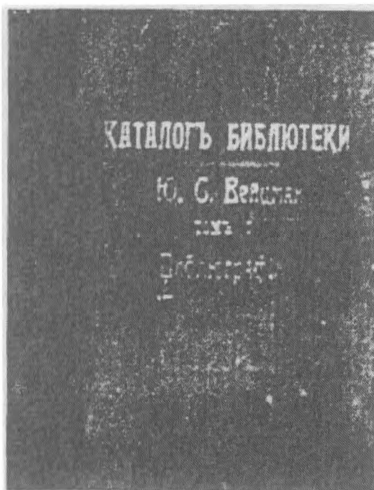
пейских городах редчайшие русские издания XVIII–XIX вв. Однако необходимой цельностью коллекция не отличалась и все более и более раздражала хозяина тематической пестротой. Следовало твердо определиться с предметом собирательской страсти. Вейцман, всегда любительно тяготевший к чистой логике, сохранил привязанность к философии. С поэтическими сборниками и другими печатными реликвиями он решил расстаться. Вероятно, это и навело на мысль основать антиквариат: необходимый для начала торговли запас уже имелся, а для дальнейшего расширения дела могли пригодиться завязавшиеся контакты с библиофилами и букинистами.

Итак, в 1921 г. берлинская «Росси́ка» заявила о своем существовании. Сперва книги находились на квартире хозяина (именно там и тогда с ним познакомился Ю.Б.Генс, и эта встреча переросла в их двадцатилетнюю дружбу), а позднее переехали в специальное помещение на Ранкештрассе. Уже в 1921 г. Вейцман выпускает первый каталог своего магазина – «150 книг русского библиофила». Затем каталоги стали появляться регулярно – один-три выпуска ежегодно. Рекордным оказался 1927-й год, когда вышло четыре тематических указателя: «История языка и литературы», «История России и славян», «Богословие, церковь и раскол» и «Повременные издания и словари». Они включали почти две тысячи названий.

Всего в 1921–1932 гг. было выпущено 23 каталога «Росси́ки», и можно утверждать (без риска впасть в преувеличение), что эта издательская серия имеет самоценное историко-культурное значение. Она дает сегодня возможность представить характер, объем и конкретный репертуар букинистической литературы, пользовавшейся спросом в кругу русских эмигрантских интеллектуалов. Отдельные указатели посвящены таким отраслям «отечествоведения», как археология, этнография, народная и древняя словесность, периодика, военная история, искусство, музыка, юриспруденция, политическая экономия, пушкинистика, русская литература XVIII–XX вв., история социального и революционного движения, театр и т.д. В среднем каждый выпуск содержал сведения о 350–400 изданиях предшествующих эпох. Качество библиографического описания (а занимался этим сам Ю.С.Вейцман) говорит о высоком профессионализме составителя, о его добросовестном и любовном отношении к скрупулезной работе регистратора.

Особо надо отметить эстетический уровень серии. Каталоги печатались на хорошей меловой бумаге, малым форматом, снабжались красивой обложкой. Эти изящные брошюры было приятно

взять в руки, и можно вообразить радость вейцмановских корреспондентов, получавших очередной номер каталога. 18-ю книжку «Россики» (сентябрь 1929 г.) предварял краткий очерк, принадлежавший перу художника Н.В.Зарецкого, – «Сергей Дягилев». В покойном С.П.Дягилеве Вейцман потерял преданного друга и постоянного клиента своего магазина. Очерк Н.В.Зарецкого о вкладе С.П.Дягилева в искусство, литературу и книгособирачество был издан отдельным оттиском в количестве 100 экземпляров. В библиотеке Вейцмана хранился экземпляр №1, с дарственной надписью автора.

В каталогах «Россики» отражалась книжная миграция в «постоктябрьской» Европе. Вейцман делал закупки в разных странах, свозил книги в Берлин, здесь их библиографировал, фиксировал в своих указателях, а затем они вновь расплылись – уже по всему миру. Вейцман как продавец имел дело не только с частными лицами, но и с публичными библиотеками. Это было время, когда в Европе и Северной Америке возник пристальный интерес ко всему русскому, и многочисленные славянские ин-

ституты и университетские семинары охотно покупали антикварную книгу, превращаясь в серьезного конкурента для индивидуальных собирателей.

Вейцман становится одной из ключевых фигур в этом процессе внедрения русской культуры в духовный обиход Запада.

Какие же личные собрания прошли через антикварную фирму «Россика»? В первую очередь книги из знаменитой библиотеки для чтения А.Ф.Смирдина, принадлежавшие магазину Н.Киммеля в Риге. Назовем также библиотеки: прибалтийского немца Оскара фон Скерста (русская библиография), С.Соболева (западная философия), священника Извекова (музыка и народное творчество), книгоиздателя А.Сыркина из Вильно, лидера меньшевиков Ю.О.Мартова, астронома и музыканта В.П.Энгельгардта, заядлого театралы И.И.Змигородского из Юрьева, профессора-лингвиста

И.Бодуэна де Куртене из Варшавы, М.Ратнера из Вены (западная философия), филолога В.Поржезинского из Варшавы и др.

По всей вероятности, «Россика» выступала также посредником между своими постоянными клиентами и советской внешнеторговой фирмой «Международная книга», которая в целях получения валюты выталкивала на западный рынок массу редчайших изданий, составлявших гордость национального книгопечатания. Вейцман с горечью констатировал, что «Межкнига», добывая свои богатства практически задешево, если не даром, профанировала цены и ценность памятников русской книжности. Вот пример: в отличие от первых изданий «Гамлета» или «Фауста», пушкинский роман «Евгений Онегин», выходявший отдельными тетрадями в 1825–1832 гг. и представлявший собой подлинную редкость, предлагался зарубежным любителям по заведомо заниженному курсу. Вейцман как мог, старался удержать достойный баланс между ценой и исторической ценностью экземпляра: конкретная коммерческая выгода никогда не заслоняла для него идейной стороны книгопродавчества.

Вейцман порой выступал в прессе со статьями книговедческого характера. Любопытна его работа в берлинском журнале «Русская книга за границей» (вышел лишь первый его номер – в 1924 году). В редакционную коллегию этого малоизвестного издания входили Я.Н.Блох, С.И.Гринберг, А.С.Каган и В.Н.Ракинт. По просьбе редактора, Абрама Сауловича Кагана, владелец «Россики» написал статью «Собирательство и библиография». Она примечательна тем, что со всей остротой ставит вопрос о культуре книжной торговли и библиофильства в русском зарубежье. Подлинное собирательство, настаивает автор, немыслимо без хорошо развитой библиографической базы. А между тем всегда отстававшая от Запада отечественная библиография сейчас и вовсе переживает упадок. В каталогах заграничных русских лавок отсутствует элементарная библиографическая дисциплина, господствует откровенное дилетантство. Понятие «антикварная книга» беспредельно и, главное, безосновательно расширилось, современные «библиофилы» потеряли вкус к художественности издания, не хватает справочников. Интерес к коллекционированию печатной старины нельзя поднять без более ответственного отношения к многообразной библиографической службе, – заключал Вейцман.

Но есть в статье и спорные утверждения о том, будто революция уничтожила сам тип усердного и упорного энтузиаста –

собирателя книг. Факты убеждают в противном. И на родине, и на чужбине уцелели такие энтузиасты, сохранившие верность прежнему рафинированному библиофильству. Достаточно напомнить о членах Русского общества друзей книги (Москва) и Ленинградского общества библиофилов или о членах парижского Общества друзей русской книги. Да и сам Вейцман, и многие из тех, кто обращался к помощи антиквариата «Россики», принадлежали к категории подвижников собирательства.

Здесь будет к месту рассказать о библиотеке Юлия Сигизмундовича Вейцмана. Это сделать тем более необходимо, что исследователи русской зарубежной темы располагают незначительной информацией о реальном содержании частных книжных коллекций.

Одним из направлений собирательской деятельности Вейцмана оставалась отечественная философия. К 1937 г. в этом разделе насчитывалось более 700 названий. Ни одной цельной библиотеки по данному предмету Вейцман за многие годы книгособирательства в эмиграции не встречал. Собственную сравнительно богатую подборку он образовал за счет единичных поступлений.

Хронологические рамки раздела довольно широки – от «Магазина свободно-каменщического...» (М., 1784) и еще одной редкой масонской книги – «Духовный рыцарь» (М., 1792) до самых новейших сочинений, появившихся на Западе. Хорошо представлены: коллекция литературы о Достоевском, толстовиана, специальная периодика, труды Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, М.О.Гершензона, А.П.Карсавина, Н.О.Лосского, Е.Н. и С.Н. Трубецких, Н.Ф.Федорова, С.А.Франка и др.

Особые симпатии питает Вейцман к именам В.С.Соловьева, В.В.Розанова и П.А.Флоренского. Более полусотни названий посвящено В.С.Соловьеву. А открывают этот подраздел две рукописи: в одной содержится 19 стихотворений поэта (из них 4 ненапечатанных и 6 известных лишь в вариантах), а в другой – запись речи В.С.Соловьева, сказанной 30 января 1881 г. на Высших женских курсах по поводу смерти Ф.М.Достоевского. Эту запись Ю.С.Вейцман поместил в сборнике «Статьи и материалы из чтений в Круге любителей русской старины» (Берлин, 1932, с. 25–27).

Под маркой своего антикварного заведения Ю.С.Вейцман выпустил двухтомник «Опавших листьев» В.В.Розанова, представляющий собою точное воспроизведение издания 1913–1915 гг. Первый «короб» напечатан в количестве 500, а второй – 300 пронумерованных экземпляров. Весь тираж распространялся через «Россику».

О сочинении П.А.Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914) говорили, что такие книги появляются раз в столетие. Поэтому когда берлинский «Петрополис» обратился к Ю.С.Вейцману с предложением переиздать на паях работу П.А.Флоренского, содержатель «Россики» охотно на это согласился. Договорились воспроизвести «Столп» фотомеханическим способом и ограниченным тиражом – 99 нумерованных экземпляров (реально получилось 105). В течение месяца все издание разошлось (более половины по предварительной подписке) через вейцмановский антиквариат.

...Как обычно случается с букинистами, необходимость ежеминутно иметь под рукой библиографические пособия привела Вейцмана к поискам «книг о книгах». Наряду с русской философией, эта тематика становится для него стержневой. Целеустремленность быстро дала плоды, и уже к началу 1935 г. на полках стояло 1138 названий. Это была крупнейшая специальная библиотека на «русском Западе». Соперником Вейцмана выступал, пожалуй, лишь его приятель из Эстонии Ю.Б.Генс.

Все достижения русской библиографической и книговедческой науки XIX – начала XX вв. были блестяще представлены у Вейцмана. Назвать хотя бы классические труды Н.Ф.Бокачева, С.А.Венгерова, Г.Н.Геннади, Н.В.Губерти, У.Г.Иваска, В.С.Иконникова, Н.М.Лисовского, В.И.Межова, А.В.Мезьер, Н.П.Смирнова, В.С.Сопикова, Д.В. Ульянинского, В.М.Ундольского и др.

Своей главной собирательской ошибкой Вейцман считал то, что, сосредоточившись на разыскании раритетов, он не уделял должного внимания текущей библиографической продукции. А ведь в свои первые годы русская эмиграция – от Берлина до Харбина, от Парижа до Шанхая, от Праги до Нью-Йорка, от Белграда до Вильно – дала жизнь множеству справочно-библиографических изданий. Конечно, они не в состоянии соперничать со старыми фундаментальными работами, но как примета эпохи, как показатель духовного быта имеют право на память. Впрочем, основной периодикой в этой области заведующий «Россикой» все же располагал.

Объектом особого библиофильского пристрастия были для Вейцмана описания ярких персональных собраний. Причем не пренебрегал он и машинописными копиями. Так, у него сохранялись подобные перечни, посвященные библиотекам философа и социолога М.Яковенко (Берлин, 1927), искусствоведа Ю.Б.Генса

(Тарту, 1925; Тарту, 1928–1930). А содержимое библиотеки театрала И.И.Змигородского было даже переписано в трех тетрадях от руки (Юрьев, 1923). Не удержался Вейцман и от соблазна закаталогизировать собственные сокровища. Первую попытку он осуществляет в 1926 г., когда в трех экземплярах отстукивает на машинке указатель своего библиографического раздела. На 33 листах писчей бумаги уместилось всего-навсего 169 названий, размещенных в алфавитном порядке и не совсем точно проаннотированных.

Через семь лет Вейцман, многократно увеличивший размеры своего собрания, опять садится за машинку. С 1933 г. он начинает перепечатывать заранее подготовленные картотеки. В первом томе нового каталога регистрировалась литература по библиографии и книговедению. Однако непредвиденные внешние обстоятельства вторглись в размеренный строй жизни антиквара и библиофила. К власти пришел Гитлер, и из-за «расовых неприятностей» (выражение Ю.С.Вейцмана) пришлось срочно покинуть Берлин. Магазин закрылся, имущество было наспех сложено в чужом гараже. Вейцман перебрался в Лодзь, откуда был родом, а позднее в Варшаву. Как спасти книги, оставшиеся заложниками в фашистской Германии? Ведь это около 6000 экземпляров. По предложению Ю.Б.Генса, их заколотили в ящики и доставили в Таллинн. Все «изюминки» выбрали местные коллекционеры, а остальное приобрел эстонский букинист Булатов.

Работа над первым томом каталога продолжилась в Лодзи, а завершилась в январе 1935 г. в Варшаве. Один из четырех пронумерованных экземпляров, переплетенный в полукожу и снабженный лестной дарственной надписью, отправился к Юлию Борисовичу Генсу. Этот экземпляр и оказался много лет спустя в собрании автора настоящих строк. На форзаце наклеен книжный знак «Россики».

В 1937 г. к Генсу пришел и второй том каталога вейцмановской библиотеки – «Русская философия». И тоже с автографом: «Дорогому другу, славному передовому соратнику и тезке». «Передовой соратнику» – эта странная словесная формула, похоже, означала признание исключительных заслуг Генса как библиофила. К середине 1930-х гг. Вейцман убежден, что в русском зарубежье нет другого частного собрания, могущего конкурировать с библиотекой Ю.Б.Генса.

Двух Юлиев связывали теплые, душевные отношения. Кстати, Генс составлял коллекцию иудаики, и содержатель берлинского

антиквариата, судя по всему, в этом ему энергично помогал. В течение двадцатилетней переписки у обоих скопились сотни писем. Вейцман обладал живым слогом, не чурался юмора; в его эпистолах отразилась вся кипучая деятельность русских издательств в немецкой столице 1920-х гг. Письма Вейцмана пропали вместе со всем архивом и библиотекой Ю.Б.Генса (это вполне самостоятельный и драматически окрашенный сюжет).

А что случилось с ответными письмами Генса? С уверенностью можно утверждать: они погибли в годы Второй мировой войны. Сам Вейцман оказался в еврейском гетто в Варшаве и, скорее всего, нашел там смерть от рук нацистов. Во всяком случае, после 1945 г. никаких сведений о нем не появлялось. Ему было тогда чуть более пятидесяти лет.

Юлий Сигизмундович Вейцман отнюдь не относится к выдающимся личностям. Но именно такие люди всегда нужны, чтобы не угасал огонь в костре духовности. Вейцман занял свою, пусть скромную нишу в громадном здании русской зарубежной культуры. Бескорыстный труженик просвещения, пропагандист знаний, материализованных в книге, он сделал все, на что был способен, чтобы поддержать достаточно высокий уровень интеллектуальности, свойственный в целом эмигрантскому обществу. Берлинский антиквариат «Россика» являлся на протяжении десяти с лишком лет важнейшим перевалочным пунктом на пути, по которому прошли шедевры российского книгопечатания. Благодаря Юлию Сигизмундовичу уцелели сотни памятников человеческого ума и сердца.

Все это дает безусловное право внести Вейцмана в перечень имен, не подлежащих забвению.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.1. Иерусалим, 1992. С.193.

Художники Русского Зарубежья – жертвы Катастрофы¹

Марина Генкина (Иерусалим)

Владимир Сагал. Пятеро интернированных
(1941)

Мы помещаем в нашем сборнике имена художников-евреев Русского Зарубежья, погибших в Катастрофе или чудом спасшихся из нацистских лагерей. Одни из них были заметными фигурами в искусстве; другие пользовались известностью лишь в узком кругу; об одних имеются достаточно полные сведения, о других – лишь не-

сколько строчек. Но какими бы разными они ни были, их объединила общая судьба: все они эмигрировали на Запад, чтобы стать художниками, и все они явились жертвами Катастрофы.

Строго говоря, этот список можно было бы расширить: те, кому удалось избежать лагерей смерти, тоже подвергались лишениям только потому, что были евреями. Они скрывались, прятались у друзей, оставив свои дома и свои работы; то, что они не были арестованы, – лишь счастливая случайность. Хаим Сутин избежал лагеря, но, когда у него открылось язвенное кровотечение, его пришлось везти в Париж из-под Турина, где он скрывался, спасаясь от нацистов; и везли его проселочными дорогами, сделав огромный крюк, – из-за опасности облав. Время было упущено, и на следующий день после операции, 9 августа 1943 года, Сутина не стало. Лазарь Воловик тоже не был в лагере, но в покинутой им на время оккупации мастерской поселились нацисты, и все его работы погибли. Таких примеров, к несчастью, можно привести много.

Однако мы решили ограничиться списком прямых жертв Катастрофы, узников нацистских концлагерей, почтив память тех, кто погиб, и радуясь за тех, кто выжил.

В этой работе были использованы каталоги выставок, посвященных памяти художников – узников нацистских лагерей, и

документы музея «Яд ва-Шем»², любезно предоставленные научным сотрудником Анатолием Кардашем. Редакция приносит Анатолию Кардашу свою благодарность.

Мы обращаемся с просьбой к нашим читателям: если у Вас есть сведения о других художниках, не упомянутых в нашем списке, или дополняющие приведенные нами данные, сообщите, пожалуйста, по телефону или адресу, указанному в книге. Заранее благодарим.

Абрахам Берлин. Родился 5 октября 1894 года в Нежине. В возрасте 19 лет отправился в Париж изучать искусство. Учился в Школе изящных искусств, одновременно работал таксистом. Был известен преимущественно как пейзажист, участвовал в крупных парижских выставках – «Салон Тюильри», «Осенний Салон», «Салон независимых», показывал свои работы в галереях. После оккупации Франции гитлеровцами Берлин примкнул к движению Сопротивления. Был арестован в Париже в мае (по другим сведениям – в марте) 1941 года и отправлен в лагерь Компьень, где провел 17 месяцев. Из Компьеня отправлен в пересыльный лагерь Дранси, затем в Аушвиц. Погиб в 1942 году.

Леопольд Бернштейн-Синаев. Родился 4 декабря 1867 года в Вильно. В возрасте 14 лет уехал в Париж. Учился у Далу и Родена, известен как скульптор. (Несколько его работ находятся в Третьяковской галерее в Москве.) Был арестован и отправлен в лагерь Дранси. Погиб 3 февраля 1944 года.

Давид Брайнин. Родился 25 августа 1905 года в Харькове в семье портного. В возрасте 14 лет эмигрировал с родителями в Палестину. Через пять лет семья переселилась в Париж. Брайнин учился в Академии изящных искусств и одновременно занимался хореографией, поддерживал связь с русской балетной труппой. Во время оккупации был арестован и отправлен в Компьень, откуда 5 июня 1942 года был переведен в Дранси. В Компьене Брайнин сделал много рисунков, в основном – сцены лагерной жизни. Из Дранси отправлен в Аушвиц. Погиб.

Осип (Иосиф) Вайнберг (Вейнберг?). Родился в 1900 (по другим данным – в 1903) году в Нижнем Новгороде. Учился в Академии художеств в Петрограде. После Октябрьской революции эмигрировал в Берлин, продолжал там обучаться живописи. В

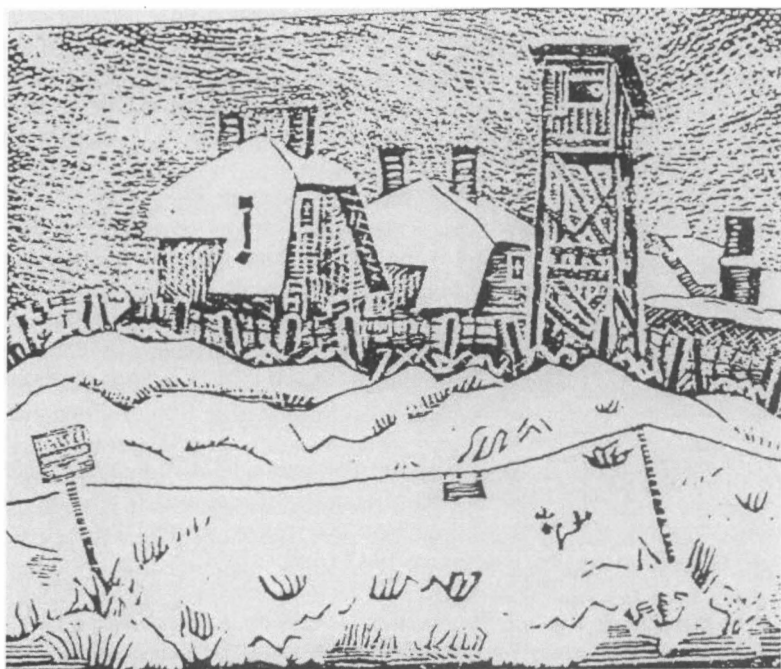
1928 году переехал в Париж и поступил в Свободную Академию на Монпарнасе. Жил во Франции без гражданства. В июле 1942 года был арестован и отправлен вместе с матерью и другими членами семьи в лагерь. Погиб.

Абрахам (Альберт) Вейнбаум. Родился в 1890 году в Каменец-Подольском. Детство его прошло в Лодзи, затем он переехал в Краков и учился в краковской Академии художеств. Вернувшись в Россию, учился в Одессе. С 1910 года жил в Париже. Живописец. Писал натюрморты с цветами, портреты. Во многих работах – еврейские типажи. Часто выставлялся, в том числе и на персональных выставках. Был очень заметной фигурой на Монпарнасе. После объявления войны вступил во французскую армию. В 1940 году Вейнбаум с семьей бежал в Марсель. В январе 1943 года они были арестованы, отправлены в Компьень, затем в Дранси. А.Вейнбаум погиб в Аушвице.

Юлиус Гордон. Родился 26 декабря 1908 года в Иркутске. После революции его семья эмигрировала в Париж. С началом войны вступил во французскую армию, служил в свободной зоне на юге Франции. Принимал участие в отправке еврейских детей в Швейцарию на французско-швейцарской границе. В 1944 году был схвачен гестапо и отправлен в Компьень, затем в Мелк (Австрия). Погиб.

Яков Готко (Янкель Готковский). Родился в 1900 году в Одессе. В 1905 году, после погромов, семья эмигрировала в Париж. Учился в Школе изящных искусств. После окончания школы сначала работал как архитектор, затем стал художником театра и кино; продолжал также занятия живописью. Участвовал в выставках («Осенний салон» и др.). В 1939 году был арестован как лицо без гражданства и отправлен в Компьень как советский гражданин – несмотря на то, что прожил во Франции почти всю жизнь. В сентябре 1942 года, вместе с группой из 147 русских евреев, переведен в Дранси. В Компьене и в Дранси Готко пробыл меньше года; много писал, рисовал. 31 июля 1943 года был депортирован в Аушвиц (Биркенау), где встретил мать и сестру. Все они погибли.

Самюэль Грановский. Родился 5 октября 1889 года в Екатеринославле. Учился в Академии художеств в Одессе. В 1900 году отправился в Париж. Занимался скульптурой и живописью –

Яков Готко. Фронт Сталаг 122 (1942)

в основном писал народные сцены. Среди монпарнасской богемы Грановский считался одной из самых колоритных и духовных фигур. Был арестован в июле 1942 года и отправлен в лагерь. Погиб.

Эли Гринман. Родился 8 апреля 1875 года в Киеве. Учился у И.Репина. В 1927 году эмигрировал в Париж. Арестован 12 апреля 1944 года. Погиб.

Эрна Дем (Вольфсон). Родилась в 1899 году в Киеве. В доме ее родителей собиралась русская и еврейская интеллигенция. Частыми гостями были Бялик, Шолом Аш. Эрна Дем занималась скульптурой, керамикой, живописью. Училась в Академии художеств в Мюнхене, затем жила в Париже. В 1914 году вернулась в Россию и училась два года в Академии художеств в С.-Петербурге. В 1920 году вновь уехала в Париж. Участвовала во многих выставках. 17 июля 1942 года была арестована. Погибла.

Мадим-Леон (Леви) Зардинский. Родился в 1902 году в Вороновиче на Украине. В 1920 году эмигрировал в Палестину, учился в школе искусств «Бецаэль». В 1925 году уехал в Париж, поступил в Школу изящных искусств. Работал как декоратор, занимался оформлением интерьеров. Погиб 22 июля 1942 года (Аушвиц?).

Иосиф (Осип) Любич. Родился в России в 1908 году, уехал в Париж совсем молодым. Принадлежал к так называемой Парижской школе. Был арестован во время облавы в квартале художников и отправлен в Дранси. Оказавшись в последнем транспорте, направлявшемся в Аушвиц в августе 1944 года, Любич организовал побег заключенных и остался жив. Ему удалось сохранить значительное количество рисунков, изображающих повседневную жизнь в Дранси.

Абрахам (Абрами) Мордкин. Родился в 1874 году в Екатеринославле. В 1917 году уехал в Париж. Сведений о нем очень мало – известно лишь, что он был арестован, отправлен в Дранси. Погиб, очевидно, в феврале 1943 года.

Владимир Сагал. Родился в 1898 году в Витебске, в семье известных интеллектуалов Сагаловичей. В 1915 году, спасаясь от погромов, семья переехала в Цюрих, где Владимир начал изучать медицину. В 1922 году он переехал в Берлин, чтобы заниматься искусством. В 1933 году бежал от нацистов во Францию. В 1939 году, после объявления войны, вступил во французскую армию. В 1940 (41?) году был арестован и отправлен в пересыльный лагерь Сан-Сюльпис, недалеко от Тулузы, в южной части Франции, находившейся под юрисдикцией правительства Виши. В 1943 году Сагалу чудом удалось бежать в Швейцарию. В 1956 году он вернулся в Цюрих. Делал рисунки для крупных швейцарских газет. Писал портреты знаменитых еврейских лидеров – Усышкина, Бен-Гуриона, Жаботинского и др. Умер в Цюрихе в 1969 году.

Александр Фазини (Фасини?) (Шауль Фаинзилбер). Родился в 1892 году в Одессе. Учился в Одесской Академии художеств. В 1922 году эмигрировал в Париж. Участвовал в выставке «Салон Тюильри». Кроме живописи занимался фотографией; его работы экспонировались на Международной выставке в Париже в 1937 году. 20 июля 1942 года был арестован вместе с женой. Они были отправлены в Дранси, а затем в Аушвиц. Погибли.

Айзик (Адольф) Федер. Родился 16 июля 1887 года в Одессе. Принимал активное участие в еврейском революционном движении, вступил в партию «Бунд». Спасаясь от преследований и погромов, вынужден был эмигрировать из России. В 1909-10 гг. изучал живопись в Берлине, Женеве и, наконец, в Париже. Учился в Академии Жюльена и в студии Матисса. Принадлежал к так называемой Парижской школе, поддерживал отношения с Модильяни, Сутиным, Липшицем, участвовал во многих выставках. В 1926 году Федер посетил Палестину, из этой поездки он привез много живописных работ. Был арестован милицией Петена и отправлен в Дранси, оттуда в ноябре (декабре?) 1943 года — в Аушвиц. Погиб.

*Айзик Федер. Читающий смелой звездой
(1942 – 1943)*

Рафаэль Шварц. Родился в 1874 году в Киеве. В возрасте 18 лет отправился в Париж изучать искусство, посещал Школу изящных искусств. Поддерживал тесные связи с французской аристократией. В 1921 году выпустил альбом портретов — Андре Жид, Пуанкаре, Дебюсси, Роден и другие деятели французской культуры и политики; предисловие к альбому было написано Анатолем Франсом. В августе 1942 года Шварц, не выдержав постоянного напряжения в ожидании ареста, повесился в своей одежде с желтой звездой незадолго до прихода нацистов в дом.

Савелий Шлайфер. Родился 30 сентября 1881 года в Одессе. Учился в Одесской Академии художеств, затем в студии И.Репина в Петербурге. В 1905 году отправился в Париж для участия в выставках «Салон Тюильри» и «Салон независимых». В 1907 году вернулся в Россию, работал художником в Троицком театре в Петербурге. В 1914 году был призван в русскую армию и направлен в специальную «камуфляжную бригаду». Во время революции вернулся в Петербург, открыл школу искусств и преподавал там рисунок и живопись; позднее стал профессором декоративного искусства в Ленинградской Академии художеств и

Савелий Шлайфер. Еще живы (1943)

вел спецкурсы для художников театра и кино – театральный грим и костюм в кинематографе. В 1927 году уехал в Париж, работал как живописец и художник кино. 22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, Шлайфер был арестован как советский гражданин и отправлен в Компьень. Большая часть из огромного числа сделанных им там портретов, натюрмортов, лагерных видов не сохранилась. В сентябре 1943 года Шлайфер был переведен в Дранси и через неделю отправлен в Аушвиц (Биркенау). Погиб.

Литература

1. Memorial exhibition. Jewish artists who perished in the Holocaust. Catalogue. Tel-Aviv, Tel-Aviv Museum, 1968, April-May.
2. Blatter J., Milton S. Art of the Holocaust. London, Pen Books, 1982.
3. Eichenbaum P. Jewish artists who perished in the Holocaust. Tel-Aviv, Tel-Aviv Museum.

4. *Novitch M.* Resistenza Spirituale (Spiritual Resistance). 120 drawings from concentration camps and ghettos. Milano. Comune di Milano, 1979.

5. *Spiritual Resistance.* Art from concentration camps. A selection drawings and paintings from the collection of Kibbutz Lohamei Haghetat, Israel. New-York, Union of American Hebrew Congregations, 1978.

6. *Spiritual Resistance.* Art from concentration camps. A selection drawings and paintings from the collection of Kibbutz Lohamei Haghetat, Israel. With essays by M. Novitch, C. Dawidowicz and T. Freudenheim. Lohamei Haghetat, 1981.

7. *Testimony art of the Holocaust.* Catalogue of exhibitions. Curator of exhibition and author of catalogue Irit Salmon-Livne. Jerusalem, Museum Yad Vashem, Winter, 1982.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.3. С.24.

² Отсутствие в списке точных сведений – дат, мест учебы и т.д. – означает, что в имевшейся в нашем распоряжении литературе этих сведений нет.

«Конец прекрасной эпохи» (Война, Холокост и конец первой русской эмиграции в Париже)¹

Борис Носик (Париж)

В. Смоленский и Ю. Мандельштам

Война, угроза расового и политического нацистского погрома, лишения, террор и, наконец, Катастрофа нанесли непоправимый урон русской эмигрантской колонии в Париже, тому уникальному явлению, каким была (несмотря сравнительную свою малочисленность) первая русская эмиграция.

Хотя остались в живых многие эмигранты, хотя возвратились с юга Франции, из Швейцарии и Америки беженцы, великая эпоха русской эмиграции в Париже закончилась с войной и Катастрофой. Оставались еще в Париже русские, что-то писали, издавали, о

чем-то спорили, но не было больше той атмосферы, взаимосвязи и инфраструктуры, того общественного мнения и кодекса чести (немало расшатанного, в частности, нацистской и советской пропагандой и инфильтрацией). Одной из причин исчезновения прежнего эмигрантского общества явилась трагическая гибель еврейской интеллигенции – равно и творцов и потребителей культуры, и ее покровителей-меценатов. Рассеялся отравленный запахом крематорского дыма «особенный русско-еврейский воздух». Оставшиеся увидели руины. Бегство из Франции продолжалось и после войны...

В печи лагерного крематория погиб Илья Исаевич Фондаминский, о роли которого немало написано в этом издании, отдавший себя помощи «эмигрантскому народу», поискам Истины и Бога. Историк, публицист, редактор, он отличался необыкновенной добротой, терпимостью, бескорыстием, стремлением помочь слабому

и страждущему, и роль, которую он играл в русских эмигрантских движениях, стала особенно ощутимой после его гибели. Один из участников и авторов журнала «Круг» (созданием которого Фондаминский хотел помочь молодым обездоленным русским литераторам) Василий Яновский вспоминал: «Для себя лично Фондаминский... никаких выгод не желал, что ставило его в роль почти беспристрастного арбитра... было совершенно ясно, что без этого замечательного человека все немедленно... разойдутся... Что и случилось после войны... Ценность Фондаминского стала понятной только теперь. Такие люди необходимы для возникновения культурного центра с положительной иерархией и руководящим общественным мнением. Их нам недостает, пожалуй, больше, чем Бердяевых или Герценов». Яновский отмечал и «всепоглощающую, бескорыстную, утомительную деятельность» Фондаминского на ниве эмигрантской культуры. Другой писатель тогдашнего «незамеченного поколения», Владимир Варшавский, писал, что после гибели Фондаминского «моральный и творческий уровень эмигрантской жизни трагически понизился».

В начале войны Фондаминский находился в свободной (неокупированной) зоне Франции и мог ехать дальше, но вернулся в Париж. У него было ощущение, что только теперь и можно взяться за настоящее дело, за то, к чему он всю жизнь себя готовил, – речь идет о борьбе, о спасении людей, о самопожертвовании... Так он попал в лагерь. Но и там он отверг предложение о побеге. Мысль о том, чтобы бежать, оставив обреченных на смерть, казалась ему непереносимой, и он предпочел страдание.

Немало было сказано об утопичности попыток Фондаминского возродить в своем окружении, в созданных им «Круге» и «Новом Граде» благородные идеи «Ордена русской интеллигенции». Владимир Варшавский отмечал, что с началом войны «все годные к службе в строю участники этого “ядра будущего ордена” пошли во французскую армию»: «Фондаминский достиг своей цели – сумел передать эмигрантским сыновьям мистическое вдохновение орденского жертвенного подвижничества. В созданной им маленькой зачаточной ячейке нового ордена произошло... чудо восстановления оборвавшегося преемства». Говоря о преемниках из близкого окружения Фондаминского, Варшавский имеет в виду Елизавету Скобцеву (в первом браке Кузьмину-Караваеву, в монашестве мать Марию), бывшую эсерку, бывшую декадентскую поэтессу, а позднее подвижницу-монахиню и богослова. Это она в довоенные годы привозила из «чрева Парижа» на тележке

даренные овощи и мясо, чтобы накормить голодных и заблудших («Пронзила великая жалость / Мою истомленную плоть», – писала она тогда).

И это она в начале войны бросилась на помощь тем, кому было страшнее всего, – евреям. Она помогала Сопротивлению и прятала еврейские семьи. «Ну а ворвутся немцы и спросят, есть ли евреи? – пугали ее, и она отвечала: «Я отвечу – да, есть. И покажу им образ Божьей Матери с Младенцем». В эти страшные дни она не только прятала, но и пыталась ободрить своих подопечных, возродить в них гордость. Она писала в страшном 1942-м:

Два треугольника – звезда,
Щит праотца царя Давида,
Избрание, а не обида,
Великий дар, а не беда.

Израиль, ты опять гоним,
Но что людская воля злая,
Когда тебе в грозе Синая
Вновь отвечает Элогим!

Пускай же те, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научатся душою вольной
На знак неволи отвечать.

31 марта 1945 года мать Мария была отправлена в печь крематория – вместе с теми, кого не успела спасти... В лагере погибли ее сын Юра и отец Дмитрий Клепинин – праведники из окружения Ильи Фондаминского.

Из молодежного «Круга» вышел и Борис Вильде, поэт, ученый-этнограф, основатель группы «Сопротивление», по свидетельству многих, пустивший в обиход и само слово «резистанс» (сопротивление). О высочайшем духовном уровне этого младшего воспитанника «Ордена» Фондаминского свидетельствуют его предсмертные письма и героическое его поведение во время расстрела на холме Монт Валерьен 23 февраля 1942 года. На доске, прикрепленной у входа в парижский Музей человека, рядом с именами погибших сотрудников музея Анатолия Левицкого и Деборы Лифшиц, имя Бориса Вильде...

В нацистском лагере смерти погиб молодой поэт, прозаик, эссеист Юрий Владимирович Мандельштам. Арестованный немцами 10 марта 1942 года, он был заключен в лагерь Дранси, затем в лагерь около Орлеана и переведен снова в Дранси. В июле 1943 года Ю.Ман-

дельштам отправлен в Германию, «в неизвестном направлении». Дата его смерти точно не установлена (предположительно 1943 год)².

Юрий Мандельштам родился в Москве в 1908 году. Двенадцатилетним мальчиком уехал с родителями в эмиграцию. Он крестился, единственный в семье, но фамилию менять не хотел. В 1925 году окончил в Париже русскую гимназию, а в 1929 – филологический факультет Сорбонны. В том же году Ю.Мандельштам начал печататься – в «Возрождении», «Круге», «Числах», «Современных записках». Критика отмечала в его стихах неизменный мотив любовного страдания и одиночества, но колебалась в выборе источников влияния. Одни сближали Ю.Мандельштама с французскими парнасцами (Л.Кельберин), другие – с классической традицией русского акмеизма. Юрий Мандельштам успел выпустить два сборника стихов в Париже («Остров», 1930, и «Верность», 1932) и один в Берлине («Третий час», 1935)³. В Шанхае был опубликован сборник его статей «Искатели», посвященный творчеству Данте, Бальзака, Паскаля, Свифта, Гете, Моцарта, Бетховена.

Справедливо будет предположить, что Мандельштам не успел написать своих лучших и главных книг.

Более популярным автором «Круга», «Чисел» и «Современных записок» был арестованный нацистами на границе Швейцарии в 1943 году и, вероятно, в том же году погибший прозаик и эссеист Юрий Фельзен (настоящее имя Николай Бернгардович Фрайденштейн). Он родился в Санкт-Петербурге в 1895 году в семье врача, в России получил юридическое образование, в 1924 году через Ригу и Берлин добрался до Парижа, где жила его сестра. Работал в банке, но главным и любимейшим его занятием была литература. Он писал статьи и рецензии (о Джойсе, о новых французских писателях Шардоне, Ланкретеле, Шадурне и, конечно, о своем кумире Прусте), а также художественную прозу (то ли романы, то ли повести, то ли дневники) в стиле «потока сознания», с длинными периодами и фразами, без фабулы и даже без точек, «вязкую», как отмечали рецензенты «Чисел» и «Современных записок», «оранжевую», очищенную от конкретных реалий, свободную от читательских требований, однако «искреннюю и свободную от литературных шаблонов» – «экспериментальную» прозу, отмеченную «упорной и страстной добросовестностью», стремлением освободиться от «литературности».

Юрий Фельзен был весьма популярен в русских литературных кругах. В 1935 году его избрали председателем Объединения по-

этов и писателей. Мемуарист В.Яновский отмечал джентльменство Фельзена, сравнимое только с джентльменством Осоргина, его сдержанность, умение вести беседу, образованность. Когда Фельзену был задан вопрос: «Что вы думаете о Ленине?» («Числа», 1932, №6), он ответил:

Деятельность Ленина часто сравнивают с деятельностью Петра Великого. На мой взгляд, эти люди на редкость противоположны. Петр собственными глазами видел ту европейскую жизнь, которая ему казалась лучшей и выше русской и которую он хотел в России ввести.

...Ленин пытается изменить, перевернуть весь русский быт по выдуманным, книжным теориям, чужим и своим, и верит, будто Россия укажет миру новые пути и по ней мир перестроится. Большой национальной и личной самонадеянности представить себе нельзя.

У Фельзена, используя его собственное выражение, «был роман» с Лермонтовым:

...мой первый детский «роман с писателем», менее других поверхностный и случайный <...> – по-видимому, неисчерпанный роман с Лермонтовым...

...эта связь со всем моим прошлым, со всем, что меня задевало, это постоянное возвращение в трудные минуты, эта верность доброго и старого друга, все это для меня в Лермонтове, в его презрительной гордости, в его отстраняющей каждого неподатливости, неожиданно переходящей... в признательную нежность, в откровенность, столь возвышающую

**Сарра-Ариадна и Довид Кнут
в начале войны**

собеседника или друга и для него головокружительно лестную («Письма о Лермонтове», письмо шестое).

Критика отмечала, что в «Письмах о Лермонтове», как и в других произведениях Фельзена, для автора важнее всего понять самого себя.

Перед самой войной проза Фельзена получила похвалу из уст, которые редко отверзались для похвалы. Речь идет о рецензии В.В.Сирина–Набокова на альманах «Литературный смотр» в 70-м (последнем) номере «Современных записок».

Отрывок Фельзена – единственное украшение сборника. Хотя, вообще говоря, этого автора можно кое в чем упрекнуть (в том, например, что он тащит за собой читателя по всем тем осыпям, где авторская мысль сама прошла, то начиная обстраиваться, то бросая недостроенное, и, наконец, с последним отчаянным усилием находя себя в метком слове, к которому читателя можно было привести и менее эмпирическим путем), это, конечно, настоящая литература, чистая и честная.

В том же номере «Современных записок» напечатана рецензия на польский двухтомник, посвященный Пушкину. В рецензии отмечено, насколько жива в польской поэзии и литературоведении память о Пушкине. Написал эту рецензию молодой русский поэт и подающий надежды славист Михаил Горлин. Всеобщему любимцу, веселому, кудрявому Мише Горлину суждено было вскоре погибнуть в немецком концлагере. Чуть позже погибла в лагере его жена, поэтесса Раиса Блох⁴.

Молодому рецензенту берлинского «Руля» Владимиру Сирину пришла однажды несчастливая мысль обругать на страницах газеты новые стихи Раисы, и, как знать, не вспоминалась ли Набокову эта женщина через два десятка лет, когда он описывал переживания Пнина, вспоминающего о Мире Белочкиной, погибшей в нацистском лагере:

*...если быть до конца честным с самим собой, то никакая сознательность и совесть, а стало быть, и никакое сознание вообще не могли существовать в мире, где возможно что-либо вроде Мириной смерти. Приходилось забыть – потому что невозможно было жить с мыслью о том, что эту изящную, хрупкую, нежную молодую женщину, с этими ее глазами, с этой ее улыбкой, с этими садами и снегами за спиной, свезли в скотский лагерь уничтожения и убили...*⁵

Впрочем, может, Набокову вспомнилась и какая-нибудь дру-

гая, такая же прелестная интеллигентная еврейская женщина из образованной петербургской семьи – сколько унесла из Парижа Катастрофа!

Широкой известностью пользовалась погибшая в концлагере парижская беллетристка Ирэна Немировская. Она писала по-русски и по-французски (романы «Добыча», «Иезавель»). Особенно широко был известен ее роман «Давид Гольдер» (написанный по-французски и опубликованный в русском переводе в 1930 году в Риге).

Особняком среди погибших стоит героиня Сопротивления Сарра-Ариадна Скрябина. Посмертно она была награждена французским орденом и медалью, в Тулузе ей установлен памятник. Эта женщина безудержных страстей и многих талантов, дочь композитора Александра Скрябина, вышла замуж за одного из наиболее известных поэтов Монпарнаса Довида Кнута и перешла в иудаизм. Вместе с Кнутом она издавала по-французски еврейский журнал и громче других предвещала евреям грядущую опасность. Ее подруга Эва Киршнер (она и сегодня живет на бульваре Бен-Гурион в Тель-Авиве и ждет в гости серьезного историка) рассказала мне, что многих раздражали неистовые пророчества Сарры-Ариадны: до последнего дня парижские евреи, уже нашившие желтую звезду, согнанные в лагеря и сборные пункты, не могли поверить, что *такое* может с ними случиться. Ариадна (как, впрочем, отчасти и Кнут, писавший до войны: «О, мир, где с каждым часом холодней») предвидела все беды. С первых дней войны она была в еврейском Сопротивлении, потом – в маки – помогала переправлять еврейских детей до испанской границы. За месяц до конца войны ее застрелили сидевшие в засаде французские полицейские-коллаборанты. Сам Довид Кнут, тоже участник еврейского Сопротивления, был своевременно переправлен в Швейцарию.

Немногим довелось дожить до конца войны. Не пережила этой трагедии и сама русская эмиграция в Париже, в которой русские евреи играли столь заметную роль. Не было больше в Париже высокоинтеллектуального, может быть, единственного в мире эмигрантского сообщества, не было прежней атмосферы, не было аудитории, иступленно любившей и поддерживающей родную литературу, не было щедрых русско-еврейских меценатов, воспитанных на этом, даже не всем понятном благоговении перед культурой.

Наступил «конец прекрасной эпохи».

Литература

1. *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.
2. *Яновский В.* Поля Елисейские. Книга памяти. Серебряный век. Нью-Йорк, 1983.
3. *Носик Б.* Привет эмигранта, свободный Париж! М., 1992.
4. Современные записки. 1936-40. №46, 51, 62, 70.
5. Числа. 1930. №2-3, 4, 6, 7-8.
6. Круг. 1937. №1.
7. Встречи. 1934. №6.
8. *о. Гаккель С.* Мать Мария. Т.1 и 2. ИМКА-Пресс, 1992.
9. Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки. ИМКА-Пресс, 1992.
10. *Федотов Г. П.* Новый град. Нью-Йорк, 1952.
11. *Райт-Ковалева Р.* Человек из Музея человека. М., 1987.
12. Русская мысль. 1992, 8 мая.
13. *Довид Кнут.* Насущная любовь. Париж, 1938.
14. *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1971.
15. *Носик Б.* «Эта неистовая, нетерпимая, добрая, нежная Ариадна...» (Довид Кнут и Ариадна Скрябина) // Русская мысль. 1992. 31 июля.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.3. 1994. С.33.

² См. вступительную статью к сб.: *Ю.Мандельштам*. Годы. Париж, 1950. – (*Прим. ред.*).

³ «Четвертый сборник («Годы»), составленный Ю.Мандельштамом из стихов 1937-41 гг., вышел в Париже в 1950 году (*прим. ред.*).

⁴ О Михаиле Горлине и Раисе Блох см. также публикации А.Клементьева и В.Кельнера в 1-м выпуске нашего издания. – *Прим. ред.*

⁵ *Вл. Набоков*. Пнин / *Пер. Б.Носика* // Романы. М.: Худож. лит., 1991. С.274.

Годы войны 1939–1945

Фрагмент из автобиографии Сергея Гессена «Моя жизнь»¹

Публикация и примечания Андрея Рогачевского (Лондон)

Сергей Гессен

Автобиография «Моя жизнь» была написана С.И.Гессеном в Лодзи в 1947 году. Это ценный источник по истории конца XIX – первой половины XX в., где рассказано о многих знаменательных событиях, политических и общественных деятелях – Г.В.Плеханове, П.Н.Милукове, В.Д.Набокове и др., многочисленных коллегах С.И.Гессена по университетам разных стран. Важное место занимают в воспоминаниях философские и педагогические идеи автора (на фоне соответствующих им современных концепций), его неосуществленные замыслы и погибшие в войну труды. К сожалению, в русскоязычном машинописном варианте, который

хранится в библиотеке *School of Slavonic and East European Studies* (шифр – BC 511) и которым мы пользовались, отсутствуют главы «Университет», «Логос», «Начало преподавательской деятельности», «Годы войны» (Первой мировой. – А.Р.) и «Революция». Нам известно также о существовании более полной версии мемуаров на польском языке (неопубликованной и в настоящее время недоступной), итальянский перевод которой вышел в 1956 году в Риме (см.: *Hessen S. Autobiografia. La pedagogia russa del XX secolo. A cura di L.Volpicelli. Roma: Avio, 1956. P.9-62*). Предлагаемый читателю фрагмент «Моей жизни» (с. 39–54 упомянутой выше машинописной рукописи) – первая публикация воспоминаний С.И.Гессена на русском языке. Минимальная редакторская правка, а также приведение оригинального текста в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации специально не оговорены.

Война меня застала в Варшаве. Вернувшись с летнего отдыха, я спешил закончить статью о педагогике в государствах тотальных, заказанную мне редакцией лондонского Year Book of Education². В своем легкомысленном оптимизме я был убежден, что все как-то образуется, а война будет в последний момент предотвращена³. Уже через неделю после начала военных действий нам пришлось переехать в центр города (к сестре жены⁴). Когда после сдачи Варшавы мы вернулись на свою квартиру, то нашли ее нетронутой внутри, но с выбитыми стеклами и поврежденными рамами окон и дверей от осколков снарядов. К тому же центральное отопление не действовало из-за полного отсутствия кокса и угля, электрическая станция и водопровод были разрушены. Кое-как прожили мы в нашей квартире до конца ноября. Наступала зима, деньги все вышли, заработков не было никаких (все высшие учебные заведения были немцами закрыты, а здание Wszechnicy⁵ с прекрасной библиотекой, в том числе превосходной библиотекой моего семинария, сгорело во время военных действий). Жена настояла на моем отъезде в деревню, нашедши мне место домашнего учителя в семье знакомого деревенского мельника в 60 км от Варшавы и 12 км от станции железной дороги. Сама же решила остаться в Варшаве, живя у своей сестры и работая в польской организации самозащиты. В кухне нашей (единственном теплом помещении с целыми окнами) остался жить мой сын⁶, которому удалось убежать из лагеря военнопленных (он пошел добровольцем на войну и попал в плен после капитуляции). Жена несколько раз в неделю приходила домой, готовила сыну обед, а весной начала понемногу с помощью сына приводить квартиру в порядок, ремонтировать окна, стены и т.д. Я тем временем готовил дочку мельника на аттестат зрелости, а сына его и племянницу в первый класс гимназии. Раз в 3–4 недели я приезжал в Варшаву, привозя жене и сыну деревенские продукты. Хотя в деревне условия жизни были вполне сносные (главное, чудесная природа и полное отсутствие немцев), я был так ошеломлен происшедшим, что не мог приняться за работу над своими темами и в глубине души с удовольствием сам учился со своей милой и способной ученицей физике, химии, польской литературе, всеобщей истории и другим предметам, входящим в программу экзамена на аттестат зрелости, с особенным наслаждением я решал задачи по математике и физике. В июне жена приехала ко мне в деревню, а в июле мы вернулись на нашу квартиру, тем временем совсем уже отремонтированную. За месяцы моего отсутствия жизнь в Варшаве как-то наладилась. Жена получила работу в учреждении, в котором

она работала до войны (Институт общественного хозяйства) и которое, замаскировавшись в легальном комитете самопомощи, занималось социологическим обследованием жизни варшавского населения под немецкой оккупацией. Академическое начальство (нелегальное) начало выплачивать профессорам скромное жалование, а студенты дополнительно платили за участие в начавшихся *комплексах* (группах в 5–15 человек) и за экзамены⁷. У меня появились еще несколько учеников средней школы (средние школы были тоже закрыты немцами). Сын же мой специализировался на уроках немецкого языка. После более чем полугодового бездействия (в своей области) в деревне я жадно принялся за работу: в течение двух месяцев я написал большой очерк (давно уже мною задуманный и лежавший несколько лет без движения в подробном конспекте) «Философия религии Достоевского». Написал я его вчерне по-русски, потом по-немецки, а потом начисто по-русски. Из всех моих работ о Достоевском эта, несомненно, была наилучшая. Я намеревался издать ее как последнюю главу книги, в которую вошли бы все мои статьи о Достоевском, Вл. Соловьеве и Льве Толстом⁸. До окончания этого очерка я тотчас же принялся за писание большого очерка «Платоновские и евангельские добродетели» (доклад на эту тему я прочел весной 1939 г. в Варшавском историческом обществе). Очерк этот я написал вчерне по-русски, потом по-польски и потом начисто по-русски. Из всех копий обеих этих моих работ сохранилась только польская копия «Добродетелей». Я собираюсь ее в ближайшее время заново пересмотреть и дополнить, издатель для нее уже есть⁹.

Зима 1941 г. (почти все время без электричества при карбидовой лампе, при железной печурке в одной комнате) была тяжелая. Но мне уже не хотелось покидать Варшавы, где были ученики, были последние новости (не только немецкие газеты, но и нелегальные бюллетени, начавшие уже регулярно выходить¹⁰), были жена и друзья. Зимой этой организовался собиравшийся у нас в квартире семинарий, в котором принимали участие некоторые мои ученики, коллеги жены и мой коллега, проф. Суходольский¹¹. В этом семинарии я изложил свою теорию развития социализма от утопического социализма до гильдеизма и свою концепцию марксизма. Дискуссия расширила рамки моего изложения: я включил в него разбор итальянского фашизма и немецкого национал-социализма, так же как и развитие советского хозяйства.

Постепенно в уме моем складывался план большого труда, состоявшего из трех частей: 1. Мнимое и подлинное преодоление

капитализма, 2. Упадок демократии и ее возрождение, 3. Духовный кризис и его преодоление. В мае 1941 г. группа моих бывших слушательниц (учительниц и руководительниц движения молодежи) обратилась ко мне с просьбой изложить мои мысли о плановом хозяйстве, демократии, организации школы. Так начались мои лекции на указанные выше темы, имевшие очень большой успех в варшавском обществе. Каждая лекция, на которой присутствовало от 6 до 20 участников *тайного комплекта*, длилась 2–3 часа (я говорил 1,5–2 часа, причем лекция перемежалась вопросами и дискуссией, бывшей более или менее оживленной в зависимости от состава слушателей).

Обыкновенно квартира менялась, чтобы не вызывать подозрений немецкой полиции и шпионов. Чаще всего я укладывал весь курс в 12 лекций (четыре на каждую из трех частей), но были *комплекты* в 9 и в 15 лекций. За все время я провел более 20 таких *комплектов*. Состав слушателей был очень разнообразный: были *комплекты* студенческой молодежи, учителей, писателей, общественных работников и иных. Один *комплект* я провел в деревне – в нем участвовали сельские учителя и хозяева (крестьяне). Другой – в салоне графини С., участниками его были представители варшавской аристократии (впрочем, очень левого радикального умонастроения). За каждую лекцию (2–3-часовую) я получал от 20 до 30 злотых, а так как очень скоро я уже почти ежедневно имел *комплект* (или на тему «моего» курса или университетский – на педагогическую или философскую тему), я ежемесячно зарабатывал более 500 злотых, что было уже в то время большим подспорьем. Разумеется, вознаграждение это было совершенно несоизмеримо ни с трудом, ни, главное, с опасностью, связанной с нелегальными лекциями. Часто приходилось тащиться в переполненных трамваях и пешком по затемненным улицам на другой конец города с риском наткнуться на немецкий патруль, обыскивающий всех проходящих и арестовывающий в зависимости от интуиции офицера. Неожиданный перерыв в трамвайном сообщении мог вызвать задержку и несоблюдение «полицейского часа» при возвращении домой (всех прохожих, не имеющих специального пропуска, патрули задерживали после полицейского часа, который устанавливался на 8, а иногда на 9 или 7 часов вечера, в зависимости от вдохновения коменданта Варшавы). Обыкновенно лекции назначались на 4–7 часов вечера, так как большинство слушателей работали, утренние *комплекты* были редкостью. Несколько раз я был уже на границе ареста, но какая-то интуиция опасности меня хранила. Два раза я

только благодаря случаю не пришел в условленную квартиру, где неожиданно немцы устроили обыск. Несколько участников этого *комплета* были арестованы и отправлены в лагерь, такая же участь постигла бы и меня, если бы не перерыв в трамвайном сообщении, благодаря которому я не смог приехать в условленное время, во второй раз меня успели предупредить об обыске. Несмотря на все это, я с удовольствием ходил на *комплеты*, на которых всегда можно было услышать какую-нибудь военную или политическую новость, а вопросы слушателей и дискуссии очень помогали мне при разработке моего курса, а впоследствии и при писании книги.

Из *комплетов* этого года особенно удачным был один в предместье Жолибож, куда трамваем надо было ехать три четверти часа. Участниками его были члены организации бойскаутов¹². Все они принадлежали к боевой организации, и трое из них вскоре погибли в уличном бою с немцами. Руководитель организации был организатором и заведующим подпольной типографией, издавшей, между прочим, и его собственную книгу «*Kamienie па szaniec*»¹³ о борьбе скаутской организации с немцами. Книга эта была сенсацией во время оккупации. Он усиленно убеждал меня написать конспект моих лекций на 100 страницах мелкой печати, чтобы издать его в подпольной типографии, обещал мне за него солидный гонорар. Но я уже начал в это время писать задуманный двухтомный труд на тему моих лекций, так что должен был отказаться от его предложения. Сейчас А.Каминский¹⁴ (настоящее его имя, известное мне до этого по изданным им до войны прекрасным книжкам о скаутском движении, я узнал только после войны) состоит ассистентом Лодзинского университета, является моим ближайшим сотрудником, и год тому назад я имел удовольствие быть руководителем его докторской диссертации.

Я принялся за писание первого тома «Мнимое и подлинное преодоление капитализма» в мае 1942 г. При работе я пользовался кроме собственной библиотеки библиотекой Института общественного хозяйства, часть которой была укрыта в нашей квартире, а также богатой библиотекой Высшей коммерческой школы, которая хотя и была под надзором немецкого чиновника, но фактически оставалась в распоряжении польского персонала, хорошо меня знавшего. Работа пошла очень быстро. К ноябрю 1942 г. было уже написано 150 страниц (Глава 1. Обострение внутренних противоречий в финансовом капитализме. Глава 2. Фашизм и нацизм мнимо преодолевают капитализм для его поддержания. Глава 3. В СССР компартия в бешеном темпе «переваривает» одну шестую

часть земного шара в котле капитализма, одновременно стремясь к его реальному преодолению. Глава 4. Процесс преобразования собственности в последней фазе капитализма. Глава 5. Что такое подлинная социализация собственности?). Последние две главы я написал в деревне около Седлец, где провел несколько недель в гостях у своего ученика И.Петрончука, выдающегося крестьянского деятеля (сельского учителя), уже после войны убитого политическими бандитами за то, что, вступив в Польскую рабочую партию, он своим большим авторитетом поддерживал польское правительство, образовавшееся в Люблине¹⁵. Смерть этого любимого моего ученика и близкого друга была большим для меня ударом.

Опасаясь все возрастающей популярности моих *комплетов*, жена решила увезти меня в деревню. К тому же жизнь в Варшаве очень вздорожала, и наших заработков не хватало на пропитание. Наконец, в нашей квартире мы укрывали сына моего друга и коллеги, погибшего в начале войны, профессора Змигридера-Конопки¹⁶, которого я в течение годичного его пребывания у нас подготовил на аттестат зрелости. В связи с участвовавшими обысками в поисках укрывавшихся за границами гетто евреев очень возросла опасность, что нападут на след и нашего Юрека, и тогда бы нам несдобровать (хозяев квартиры, в которой находили укрывавшихся евреев, обыкновенно расстреливали на месте). Мы знали, что Юрек, выдержав в нелегальной комиссии экзамен зрелости, вступил не только в университетский *комплет*, но в подпольную боевую организацию, что увеличивало шансы его ареста и обыска в нашей квартире. В конце ноября 1942 г. мы выехали в деревню в 60 км от Варшавы, сняв комнату у местного учителя за обучение его детей всем наукам в объеме 4-го класса гимназии. В нашей квартире остался хозяйничать Юрек (сын мой, недавно женившийся, еще раньше уехал от нас). Через несколько месяцев и он оставил нашу квартиру – после того, как гестаповцы, арестовавшие его товарища, пришли к нам с обыском, но, к счастью, никого не застали дома и ничего не нашли подозрительного. Юрек погиб во время Варшавского восстания с оружием в руках как офицер подпольной армии. Это была не первая и не последняя жертва войны среди моих учеников и друзей¹⁷.

В Грабове (так называлось село, где мы поселились, время от времени приезжая в Варшаву за книжками и новостями), а потом в соседнем лесничестве мы прожили почти год, зарабатывая уроками (платили частично деньгами, частично натурой). Раз в неделю я выезжал на лошадях в соседнее лесничество, где тоже была группа

молодежи. Жена учила польскому и французскому языкам, географии, истории. Я учил латинскому и немецкому языкам, математике, физике. Все свободное время я работал над своей книгой и закончил ее в конце августа. Пять новых глав, написанных в деревне, были: Гл.6. Эволюция предпринимательских организаций. Гл.7. Эволюция профдвижения рабочих и служащих. Гл.8. Эволюция кооперативного движения (потребительской кооперации). Гл.9. Эволюция сельскохозяйственной кооперации. Гл.10. Что такое плановое хозяйство?

Мое обоснование в этой книге «правового социализма» (G.D.H.Cole¹⁸, концепция которого более всего приближается к моей, пользуется термином «liberal socialism») охватывало не только богатый конкретный материал, но и включало несколько теоретических экскурсов (о понятии ценности, о прибыли, о проценте, о соотношении хозяйства и права): Один из моих учеников, прочитавший впоследствии машинописный экземпляр моей книги, назвал ее «курсом политической экономии для гуманистов». Мне самому по написании ее казалось, что я мог бы с успехом занять кафедру «общей» политической экономии в университете. Среди слушателей моих *комплетов* были экономисты, разговоры с которыми только увеличивали мою уверенность в себе.

Пребывание наше в Грабове кончилось трагически. Вскоре после экзамена учеников *комплетов*, происходившего в лесничестве в присутствии приезжего члена подпольной школьной инспекции, лучший из моих учеников, 16-летний юноша, сын нашего хозяина, был убит немцами во время облавы. Он был убит почти на моих глазах, и только хладнокровие спасло меня от подобной же участи. Вскоре после этого мы переехали в лесничество, где условия жизни были превосходны. Мы были на полном пансионе у наших учеников и заняты были в нашей «школе» только по утрам (от 9 до 1 ч.). Идиллия эта была прервана новой облавой, во время которой все обитатели лесничества были арестованы и, вместе с сотнею других арестованных, перевезены в тюрьму в Радоме. Что же ну и меня после нескольких дней пребывания в тюрьме выпустили на свободу (тогда как нашего милого хозяина и его жену, вместе с большинством арестованных во время облавы, отправили в концлагеря, где [они] оба умерли), я рассматриваю до сих пор как необъяснимое для меня чудо. Гестаповец, отдельно допрашивавший меня и жену, по-видимому, знал меня по моим сочинениям или лекциям. Может быть, это был мой слушатель из Немецкого университета в Праге¹⁹, а может быть, из отделения Wszechnicy в

Лодзи, где среди студентов была группа местных немцев, преимущественно учителей начальных школ (польских и немецких), отношения между ними и их товарищами-поляками до войны не оставляли желать лучшего. Забрав из лесничества наши вещи, в том числе и нетронутую рукопись моей книги (немцы искали оружие, радиопередатчик, печатный станок, а книги и рукописи их не интересовали), мы вернулись в Варшаву в твердом убеждении, что оставаться в Варшаве все же безопаснее, чем в деревне.

Последний год перед Варшавским восстанием (1943–44) прошел в напряженной работе над вторым томом моего труда. В течение 9 месяцев, прошедших от начала работы над ним до восстания, мне удалось написать первые 6 глав из следующих 10, из которых должна была слагаться вся книга: 1. Историческое определение демократии как третьего этапа в развитии правового государства. 2. Концепция демократии по Руссо и судьба ее в развитии современной демократии. 3. Диалектика борьбы партий в современных демократиях. 4. Симптомы вырождения традиционных демократических учреждений. 5. Ослабление пульса демократии в концепциях ее новейших теоретиков. 6. Отрицание демократии в фашизме и нацизме – не преодоление демократии, а усугубление всех отрицательных факторов, разлагающих демократический строй. 7. От отрицания демократии к ее утверждению в СССР. 8. Симптомы возрождения и преобразования демократии в западно-европейской практике и теории. 9. Опыт характеристики преобразенной демократии как четвертого этапа в развитии правового государства. 10. Существо и назначение права.

Оба тома были куплены у меня издательством Кооперативно-го института, организовавшего переписку на машинке первого тома и сдаваемых мною по мере написания глав второго тома, а также выплачивавшего мне ежемесячно в счет гонорара по 1000 злотых. Немедленно по окончании издательство предполагало приступить к печатанию моего труда. Увы! Из всех глав его сохранилась только глава 5-я, случайно оставленная мною в квартире свояченицы. Две копии первого тома и шесть переписанных глав второго, хранившиеся у издателей, так же как копии, хранившиеся у меня в квартире, погибли в огне восстания²⁰.

В течение 1943–44 г. я возобновил свои *комплеты*, хотя и в меньшем количестве и преимущественно *комплеты* в рамках подпольного университетского преподавания. В начале лета я вследствие ареста двух участников университетского *комплета*, имевших при себе рефераты, приготовленные для прочтения в моем

семинарии, выехал в имение Института психической гигиены около Варшавы, где меня просили прочитать курс педагогики. Я там отдохнул, как на даче, а перед самым восстанием вернулся в Варшаву. Мой неисправимый оптимизм опять жестоко обманул меня. Поспешный уход немцев с правого берега Вислы, напоминавший бегство, я принял за их уход из Варшавы, по слухам, будто бы окружаемой уже советскими войсками. Поэтому я не последовал приглашению своих учеников поселиться у них в Ченстохове или в Ловиче, а остался в Варшаве.

От своих учеников я узнал о предполагаемом восстании и был даже предупрежден, что восстание начнется 1 августа. Но, как и все участники восстания, с которыми мне пришлось говорить, я был убежден, что оно начнется поздним вечером, в сумерки. В 16 часов жена, я и наш жилец (мой ученик) пошли на наш огородный участок (полчаса ходу от дома), чтобы на всякий случай запастись на несколько дней картофелем, овощами и фруктами (у нас в саду росли превосходные вишни и ягоды). Восстание началось в 17 часов, и так как все улицы, ведущие к Мокотовскому полю, где был наш огородный участок, попали под жесточайший обстрел, мы уже не могли вернуться домой. 10 дней мы оставались на огороженном поле вместе с 70–80 товарищами по несчастью, застигнутыми, как и мы, во время работы на своих участках. Все это время мы питались овощами и фруктами и спали в беседке, прикрываясь соломой. На 6-й день нашего сидения банда озверелых власовцев ворвалась через сетчатый забор, огораживавший наши участки. Они ограбили нас полностью (часы, кольца, деньги) и всех не перебитых сразу мирных жителей погнали на расстрел. Спасли нас в последнюю минуту (я уже простился с женой, ожидая залп из пулемета) трое немецких солдат-летчиков из расположенного по соседству дивизиона. Они уже до этого приходили на наши участки за фруктами и ягодами и знали, что мы не повстанцы, а застигнутые восстанием мирные жители. Увидев наставленный против нас (в нашей группе были и малые дети) пулемет, они быстро отбросили его в сторону, а банду власовцев прогнали. Похоронив убитых, мы оставались еще несколько дней на нашем участке, а потом перешли в находящийся поблизости дом, в котором жила подруга жены. Таким образом, мы все время оставались на территории, занятой немцами, и наблюдали систематическое уничтожение ими Варшавы. Дом, в котором мы нашли убежище, был в одном из лучших, новостроенных районов города. Из нашего дома мы видели, как немцы выгоняли население, забирая все ценное, что можно

было унести, а потом поджигали дом. Так как почти все дома были в этом квартале бетонные, дом выгорал, но каркас оставался, а пожар не перекидывался на соседний дом. Были дни, когда почти нельзя было дышать от чада и гари. Здесь я пережил первый страшный приступ, длившийся более десяти часов (впоследствии я узнал, что это был первый приступ моей болезни – грудной жабы). Через три дня после приступа очередь дошла до нашего дома, и все жильцы его, так же как соседних домов, нашедшие в нем убежище, были выгнаны немцами. Огромная процессия, растянувшаяся на километр, – старики, женщины, дети, здоровые и больные – медленно двигались, неся на плечах чемоданы и мешки, в направлении сборного пункта для выселяемых из Варшавы жителей. Мы ничего не несли, так как у нас не было никакого имущества. Благодаря счастливой случайности нам удалось избежать страшного пересыльного лагеря в Пруткове под Варшавой, откуда неминуемо нас отослали бы в концлагерь или на работы в Германию, и после двух дней пути мы благополучно, хоть и с приключениями, достигли именина наших друзей в дачной местности. Положение наше было, казалось, безвыходное. У нас ничего не было – ни денег, ни платья (приближалась уже осень), ни белья. Кое-что нам дали друзья, сестра жены, вынеся из своего дома в Варшаве кое-какие деньги и драгоценности, и Комитет помощи варшавским беженцам.

Оправившись физически и пришедши в себя после всего пережитого, мы решили поехать к старшей сестре жены, жившей в Челяди около Катовиц. Она и муж ее настойчиво приглашали нас к себе, обещая устроить в своем скромном хозяйстве. Челядь, как и Катовице, находилась в границах так называемой «Третьей Империи», и переход (нелегальный) границы из «Генерал-Губернаторства» в «Drittes Reich»²¹ был сопряжен с большими трудностями. Счастливо преодолев их, мы достигли Челяди, где за взятки местным немецким властям нас согласились прописать на временное жительство. Жена была записана как работница в хозяйстве шурина (бывшего президента города Томашова, укрывавшегося под видом «Landwirt'a»²²), а я был прикреплен как служащий к складу металлических изделий одного «Volksdeutsch'a»²³. Работа эта, в значительной мере фиктивная, не отнимала у меня много сил. Сидя в складе по утрам от 8–9 до 1 часа пополудни, я проверял счета и бухгалтерские книги на арифмометре, но большую часть времени читал и даже писал конспект своей новой работы «Существо права и его назначение». После обеда мы с женою давали уроки группе девочек, среди которых была и племянница жены. В Челяди

я еще надеялся, что копии моих работ, находившихся у издателей, сохранились. Не имея под руками ни своих записок, ни библиотеки, я решил приняться за обработку последней главы второго тома («Существо права»), теоретической по содержанию и давно сложившейся в голове. Во время писания ее глава разрослась, и когда уже в Лодзи я узнал, что все копии моих работ погибли, я решил обработать эту главу как отдельную книгу. В Лодзи я узнал не только о гибели всех моих рукописей и всех копий последних своих работ, которым я придавал такое значение, но и о том, что все жильцы нашего дома и случайные гости, застигнутые в нем восстанием, были частью перебиты, частью вывезены в Освенцимский концлагерь. Только немногие из них вышли из этого страшного лагеря живыми.

---

¹ Впервые опубликован в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.3. Иерусалим, 1994. С.282.

² Вероятно, имеется в виду статья С.И.Гессена *Education and Economic Life // The Year Book of Education*. London, 1949. P.47–86.

³ Ср. сходную самооценку в главе «Возвращение в Петербург и выезд за границу»: «...я не раз еще жестоко поплатился за свой легкомысленный оптимизм, который соблазнял меня выдавать собственные желания за реальную действительность...» (*Гессен С.И. Моя жизнь... С. 17*).

⁴ Внучка раввина и дочь известного невропатолога, почетного члена многих научных обществ и заслуженного деятеля науки РСФСР Лазаря Соломоновича Минора (1855–1942); вышла замуж за С.И.Гессена в 1909 году; погибла в гитлеровском лагере уничтожения в 1942 (?) году.

⁵ *Wszechnica* (польск.) – университет. Независимое высшее учебное заведение, дипломы которого приравнялись к университетским.

⁶ Младший сын Дмитрий после окончания пражской гимназии в 1937 году переехал в Варшаву. Изучал там славистику в университете, участвовал в боевых действиях польской армии против гитлеровских оккупантов, после войны сотрудничал в отделе культуры связей со славянскими странами польского министерства иностранных дел, в театральном отделе польского министерства культуры и искусства; автор «Большого польско-русского словаря» (2 т. М., 1979; вместе с Р.Стыпулой).

⁷ Подробнее о деятельности польских ученых и преподавателей в годы Второй мировой войны см.: *Walka o oświatę, naukę, kulturę w latach okupacji 1939–1944. Zebraли i opracowali S.Dobraniecki i W.Pokora*. Warszawa, 1967.

⁸ См.: «Избранная библиография работ С.И.Гессена на русском языке (1923–1935)».

⁹ См.: *Hessen S. Le virtù platoniche e le virtù evangeliche*. Roma: Avio, 1952.

¹⁰ Свод данных о нелегальной польской прессе в годы гитлеровской

оккупации см.: *Dobroszycki L.* Centralny katalog polskiej prasy konspiracyjnej. 1939–1945. Warszawa, 1965.

¹¹ Суходольски Богдан (р. 1903) – ученый-педагог, историк культуры, получил образование в университетах Польши, Франции, Германии и Швейцарии. Автор множества научных трудов, в том числе «Uspotecznienie kultury» (1937), «Wychowanie dla przyszłości» (1947).

¹² Скаутское движение существовало в Польше с 1910 года. У истоков его стояли Анджей Малковски, Ольга Драгановска-Малковска, Ежи Гродыньски, Евгениуш Пясецки и др.

¹³ «Камень для бастиона» (польск.).

¹⁴ Каминский Александр (1903–1978) – педагог, историк, активист скаутского движения. В 1939–1944 годах главный редактор нелегального «Информационного бюллетеня» – центрального органа Армии Крайовой (тираж этого издания доходил до 43 тыс. экземпляров). В 1943 году под псевдонимом Юлиуш Горецки выпустил книгу «Камень для бастиона». Впоследствии – профессор Лодзинского университета.

¹⁵ Имеется в виду польское Временное правительство, существовавшее с 31.12.1944 по 28.07.1945. Премьером его стал Е.Осубка-Мозавский, а вице-премьерами – В.Гомулка и С.Януш. Первоначально, до освобождения Варшавы, правительство находилось в Люблине.

¹⁶ Змигридер-Конопка Зджислав (1897–1939) – специалист по истории античности. Учился в Варшаве, Берлине, Риме, Неаполе. С 1937 года профессор *Wolnej Wszechnicy Polskiej*, автор трудов «*Oblicze prawne ekspansji rzymskiej*» (1934), «*Dyktatura i cezaryzm*» (1935).

¹⁷ В годы Второй мировой войны в гитлеровских лагерях погибли также первая жена С.И.Гессена, его старший сын и сводный брат Роман, а в 1943 году в Нью-Йорке умер отец.

¹⁸ Коул Джордж Дуглас Ховард (1889–1959) – крупный английский историк, экономист и социолог, автор многочисленных трудов, в том числе монументальной «Истории социалистической мысли» (1953–1960).

¹⁹ В начале 1930-х годов С.И.Гессен читал лекции по русскому языку в Немецком университете в Праге.

²⁰ Вот список трудов С.И.Гессена, погибших во время Варшавского восстания: «Философия религии Достоевского» (80 страниц; в двух вариантах – по-русски и по-немецки), «*Istota demokracji*» (40 страниц), «*Rzeczywiste a urojone przezwyciezanie kapkalizmu*» (300 страниц), «*Upadek i odrodzenie demokracji*» (12 глав; случайно уцелела лишь одна).

²¹ «Третий Рейх» (нем.).

²² Фермер (нем.).

²³ Этнический немец (нем.).

Слово о погибшем скульпторе¹

Любовь Латт (Иерусалим)²

Пусть ореол мученичества жертв Катастрофы не мешает нам разглядеть реальных людей – художников, которые до нацистских зверств жили, творили, восхищаясь жизнью, ее красотой, отражали ее своим воображением, каждый по-своему... любовь и ненависть, радость и печали, надежды и разочарования.

Д-р Хаим Гамзу

Впервые я узнала о Моисее Когане из книги писателя Хила Аронсона «Сцены и образы Монпарнаса», когда готовила статью о скульпторе Хане Орловой, но, увлеченная ее творчеством, этой могучей полифонической симфо-

нией пластики, не услышала тихого и нежного соло Когана.

Зимой этого года мне посчастливилось увидеть его оригинальную бронзу в Хайфе, в Музее Мане-Каца на выставке «Парижская школа. Еврейские художники на Монпарнасе между двумя войнами», открытой в честь столетия знаменитого живописца.

Фигура «Стоящая обнаженная» (47,5 см) поразила одухотворенностью, предельной простотой и целомудрием; это ощущение создавалось чистотой контуров и мягкой светотенью, обволакивающей тело. И совсем неожиданным для скульптуры оказалось выражение лица. Едва уловимый наклон головы и опущенные веки, прячущие взгляд, выдают что-то глубоко интимное, словно искру, сверкнувшую между двумя людьми: художником и его моделью? Моделью и зрителем? Лицо с высоким лбом и непропорционально маленьким подбородком и весь облик, трепетный и юный, вызывают радостное чувство и очаровывают.

В каталоге выставки, включавшем двадцать восемь имен еврейских художников знаменитой школы, краткая биографическая

справка о Когане завершалась страшными словами: «Моисей Коган погиб во время Катастрофы в концентрационном лагере».

Что известно о жизни скульптора? Существует ли сколько-нибудь полная биография или хотя бы альбом с пространной статьей о его творчестве? Таких изданий не было ни при жизни скульптора, ни после его трагической гибели. И, тем не менее, он не принадлежит к числу неизвестных художников. Напротив, его имя вошло в солидные биографические словари художников, фигурирует в каталогах не менее чем полтора десятков групповых выставок, отмечено в капитальном труде о еврейском искусстве Сесилия Рота. За его творчеством следили и регулярно писали о нем критики, начиная с немецкого журнала «Deutsche Kunst und Decoration» и заканчивая русским журналом «Аполлон». Все это позволяет воссоздать его биографию, как мозаику из драгоценных камней и смальт.

* * *

В 1955 году в Париже в галерее Зак на Rue de l'Abbaye состоялась первая мемориальная выставка Когана. Там было представлено множество рисунков, гравюр и скульптурных произведений художника. Предисловие к каталогу написал один из крупнейших искусствоведов современности Джон Ревалд³. Его небольшая статья о Когане пронизана такой любовью и нежностью к художнику, таким искренним признанием его значимости, какое не всегда найдешь в объемистой монографии.

«Я не был лично знаком с Моисеем Коганом, — пишет он, — но его работы произвели на меня сильное впечатление... Впервые я

**Обложка каталога выставки
М.Когана в 1955 году**

обратил внимание на его изящные статуэтки в Музее Гамбурга, а позднее увидел большую витрину с его скульптурой в Музее декоративного искусства в Париже, когда он еще не был знаменит. Я много раз приходил сюда любоваться ими, а позднее представился случай приобрести их и наслаждаться у себя дома... они завораживали меня каким-то исходящим от них волшебством... я подолгу смотрел на них, стремясь проникнуть в тайну их изысканного изящества... Простые позы, грациозные формы, они кажутся созданными из горячей и живой плоти. В специально заведенную папку, где я хранил статьи и фотографии работ Майоля, я складывал и статьи и репродукции работ Когана».

«Он жил в своем собственном мире, – рассказывает Ревалд, – не стремясь обратить на себя внимание, которого заслужил. Я вспоминаю, что Майоль рассказывал мне о Когане с уважением и нежностью». Далее Ревалд дважды повторяет сожаление о том, что, ежедневно любуясь творениями рук Когана, не познакомился с ним лично.

Из этой же небольшой статьи узнаем о его посещении – вскоре после войны – последней мастерской скульптора, куда Ревалда привел его друг Райкис, который, вероятно, был также другом Моисея. Райкис намеревался организовать ретроспективную выставку скульптора (видимо, ту самую, которая была осуществлена лишь в 1955 году). «Это был трогательный визит. Маленькая некомфортабельная квартирка скульптора, где мы застали вдову Когана, массу незаконченных или разбитых работ, спасенных фрагментов, множество рисунков... И еще больше – грустных воспоминаний».

Обращаясь к тем материалам, которые мне удалось найти о М.Когане, я хочу напомнить о том, что миф о «юго-восточном захолустье», «убогом еврейском местечке», с которым сталкиваешься, читая некоторые статьи современников скульптора, давно развеян. И мы не станем удивляться появлению замечательного художника из этих краев.

* * *

Моисей Коган родился 24 (12) мая 1879 года в г. Оргееве, неподалеку от Кишинева. Здесь спустя два десятилетия появится на свет еврейско-русский поэт Довид Кнут, воспевавший Кишинев, где жил когда-то Пушкин и где даже воздух пропитан поэзией. В Кишиневе прошли гимназические годы Моисея.

Семья Когана была респектабельной и религиозной, и мальчик получил традиционное еврейское образование в хедере. Как сообщает Габриэль Тальпир, одним из предков Когана был раби Эфраим Слантер (1810–1881), родоначальник движения «Хамусар» («Нравственность»). Семья Коганов дала немало талантливых писателей, художников, поэтов.

У мальчика с детства обнаружились недюжинные способности к рисованию, но родители решили дать сыну практическую специальность и по окончании им гимназии, в 1897 году, отправили восемнадцатилетнего юношу в Одессу изучать химию.

Максимилиан Волошин называл Одессу «последним сосредоточием русской культуры и умственной жизни».

Одесса! Воспетая десятками поэтов, отстроенная знаменитыми архитекторами, Одесса, с ее широкими бульварами и шумными набережными, напоенная запахами моря и акаций; с ее символом – «Дюком», памятником герцогу Ришелье, и ее гордостью – величественной Потемкинской лестницей. Таков город, где будущему скульптору предстояло провести шесть лет.

Кто не знает о возникновении южно-русской литературной школы в Одессе! Самые популярные и читаемые писатели: В. Катаев, Евг. Петров, Илья Ильф, В. Инбер. И современники Когана – Ахад-ха-Ам, Х. Н. Бялик, Зеэв Жаботинский. Одесситы зачитывались фельетонами Жаботинского в «Одесских новостях», любители театра смотрели его пьесы в Одесском театре.

Мимо всего этого не мог пройти студент Моисей Коган. Как не мог он и не посещать «четверги» в особняке на Княжеской, 27, где собиралась вся интеллектуальная Одесса.

Хозяин недавно построенного дома, художник Евгений Иосифович Буковицкий, предусмотрел в нем мастерские для художников, комнаты для гостей, зал для бесед и диспутов. Многие, в том числе художник и критик П. А. Нилус, писатель Иван Бунин и другие, подолгу живали у этого человека, которого называли южно-русским Третьяковым. Немало посетителей дома Евгения Иосифовича, да и сам хозяин оказались прототипами рассказов Чехова, Куприна, Бунина. Особняк на Княжеской был неофициальным центром культурной жизни Одессы.

Среди многочисленных автографов в альбоме для посетителей есть имя В. В. Кандинского. Видимо, здесь и состоялось знакомство Моисея Когана с Кандинским и Явленским, переросшее в продолжительную дружбу. Эти художники, уехав учиться в Германию, ежегодно появлялись в Одессе. Не под их ли влиянием у

Моисея и его брата Шнеера Когана⁴ созрело решение посвятить себя искусству? Во всяком случае, в 1903 году они отправились в Мюнхен и поступили в мюнхенскую Академию изящных искусств.

* * *

В конце XIX – начале XX столетия Мюнхен стал художественным центром Европы, притягивавшим талантливых художников, главным образом из стран Восточной Европы, и играл роль, которую спустя десятилетие уступит Парижу.

В Мюнхене была большая колония русских художников. В девяностых годах сюда приехали Игорь Грабарь, Д.Н.Кардовский, М.В.Веревкина – сестра В.В.Веревкиной, ученицы И.Е.Репина, блестящий кавалерийский офицер в отставке А.Явленский. Они стали учениками известного педагога Антона Ашбе⁵, аутсайдера, не связанного с Академией.

После 1896 года в Германию проникает стиль, который во Франции назывался *арт нуво*, в России – *модерн*; здесь он получил название *югендстиль* по журналу «Югенд». Его основная концепция требовала проникновения искусства в сферу повседневного быта, эстетизации последнего. И как следствие этого – орнаментальное оформление интерьера и экстерьера приобрело большое значение, выдвинув на передний план прикладное искусство.

Незадолго до приезда Моисея Когана в Мюнхен здесь с большим успехом прошла выставка прикладного искусства; особенно на шумела экспозиция монументальных вышивок и ковров Г.Обриса, одного из ведущих представителей югендстиля наряду с Ф.Штуком.

Двадцатипятилетний Моисей целиком погрузился в эту деловую творческую атмосферу и начал пробовать себя в самых разных видах прикладного искусства⁶. Он режет геммы, отликает медали, создает декоративные терракотовые вазы, делает рисунки для ковров и вышивок и сам же их исполняет. В отличие от Г.Обриса, Моисей тяготеет к формам не монументальным, а камерным, рассчитанным на небольшое помещение и обращенным к отдельному человеку.

* * *

В 1908 году состоялась совместная выставка Берлинского и Мюнхенского Сецессионов⁷, где любители изящного увидели три

небольших бронзовых рельефа (17х9 см) работы Моисея. После этой выставки он сразу приобрел известность.

Моисей Коган. Группы девушек среди деревьев
Гравюра на дереве

В следующем году в Мюнхене создается Новое объединение художников – детище Василия Кандинского. Его Манифест (1909), отпечатанный на двойном листе и размноженный в нескольких экземплярах, громогласно объявил о создании новой организации и ее художественном кредо, которое в основном сводилось к поискам новых форм выражения и признанию за художником права не столько отражать впечатление от окружающей реальности, сколько выражать внутренний импульс мастера. Через два года это приведет к возникновению абстрактного искусства и появлению нового объединения «Синий всадник» (1911). В выставках этого общества участвовал Коган.

Вспоминая об этом времени спустя почти столетия, немецкий писатель и искусствовед Карл Витт, дружба которого с Моисеем началась в эти годы, отвергал факт принадлежности Когана к организации, созданной родоначальником абстракционизма.

«Хотя Моисей и общался, – пишет он, – с Кандинским и особенно с Явленским, тем не менее не имел ничего общего с их революционными установками, очень отличался от них и был целиком одержим своими идеями».

Действительно, трудно представить себе более противоположные натуры, чем Кандинский, о котором один из его друзей сказал, что этот человек может двигать горы, и Коган, тихий, мечтательный, не помышляющий о славе и богатстве. Но факт его уча-

ствия в Новом объединении художников подтвержден. В 4-м номере (1910) петербургского журнала «Аполлон» было опубликовано «Письмо из Мюнхена» Кандинского: он назвал имена членов Нового объединения художников, среди которых, наряду с М.В.Веревкиной, В.Бехтеевым, А.Явленским, упомянуто имя М.Когана. Тогда же, используя свой опыт искусного мастера рельефов, молодой скульптор отлил из бронзы медаль (диаметр 2,9 см) в честь знаменательного события – рождения Нового объединения. Он исполняет ее не в абстрактном стиле, не в духе отвлеченной символики, но в традициях античного низкого рельефа, насколько можно судить по нечеткому воспроизведению в книге «Кандинский в Мюнхене»⁸.

В следующем «Письме из Мюнхена», присланном Кандинским в том же году в «Аполлон» (№7), сообщается, что обстановка в Мюнхене изменилась. С одной стороны, пользовались заслуженным успехом несколько выставок французского искусства, но с другой – усилились националистические тенденции, и некоторые галереи закрыли свои двери перед иностранными художниками. Весьма вероятно, это обстоятельство и послужило причиной переезда Когана в Париж. Тем не менее все последующие годы вплоть до Первой мировой войны он продолжал участвовать в выставках в Мюнхене, Берлине и Дрездене, а в 1914 году, как сообщает Тиме-Беккер, украсил рельефами стены здания немецкой промышленной экспозиции.

* * *

Еще в Германии Коган познакомился с известным немецким скульптором Вильгельмом Лембруком, своим сверстником, который приблизительно в то же время оказался в Париже. В отличие от Когана, Лембрук тяготел к монументальной скульптуре, экспрессивным и произвольно удлинённым пропорциям. Но при всей несхожести, их объединяла верность природе, отказ от бездуховности и неприятие абстрактных форм. Коган не оставил никаких письменных свидетельств своих взглядов, но, полагаю, он мог бы подписаться под словами Лембрука, сказанными в одном из его писем: *«Тот, кому враждебна природа, кто полагает, будто можно превзойти ее или во все уничтожить волевым усилием, – всегда проигрывает. Ибо природа – это жизнь, а жизнь... это чувства и мысли...»*

Ближе всех Когану был Аристид Майоль. Но, отдавая дань глубокого уважения великому ваятелю, преклоняясь перед его поч-

ти языческими статуями, напоёнными земными соками, он не стал подражать старшему современнику. Коган выбрал свою тропу, и по ней он отправился в путь, никуда не сворачивая.

* * *

Обнаженное женское тело – единственная тема произведений Когана. Но, изображая его, он передавал самые разнообразные оттенки человеческих эмоций. Он воспевал красоту, не идеализируя ее, выражал вечное и одновременно оставался современным. Его героини – женщины XX века, но без приземленности и бытовизма, создания из плоти и крови, и вместе с тем – олицетворение возвышенной духовности. Певучий ритм округлых форм, легкая светотень, трепещущая на поверхности, естественные простые и грациозные движения являли ту теплоту и поэтичность, которые приводили в восхищение современников – свидетелей этого бесхитростного артистизма.

Джон Ревалд и Хил Аронсон вспоминают о восторженном отзыве Майоля, пояснявшего, что скульптура Когана возникла на базе его совершенных рисунков. «Чтобы стать настоящим скульптором, – говорил Майоль, – нужно беспрерывно рисовать». Коган был страстным рисовальщиком. О мастерстве Когана-рисовальщика можно судить по помещенному в статье рисунку: контурная линия мягко обегает тело, не задерживаясь на деталях, скользит, выявляя основные формы, и буквально поет нежную мелодию во славу юности. Почти незаметная растушевка создает едва уловимую игру светотени, наполняет живым дыханием все существо молодой женщины, черты лица которой типичны для женщины 20–30-х годов XX века.

* * *

Коган избрал для себя жанр мелкой пластики. Может быть, потому, что ее камерность, ее обращенность к отдельному человеку позволяла передавать ту доверительную интонацию, которая была свойственна его натуре. Очевидно, в этом и заключается секрет «волшебного действия» статуэток Когана, о котором писали многие. Покой и гармония, служение красоте в век прямых линий, угловатых или вовсе абстрактных форм были для большей части любителей искусства равносильны откровению.

Маленькая гипсовая статуэтка сидящей обнаженной девушки – очевидно, одна из наиболее ранних работ Когана в области круг-

лой скульптуры – находится в Музее Израиля в Иерусалиме. Это дар Райкиса⁹, того самого друга Джона Ревалда и Моисея Когана, который намеревался организовать первую мемориальную выставку художника вскоре после окончания войны.

В движении фигуры – скованность и неуверенность. Параллельно поставленные ноги с приплюснутыми ступнями наводят на мысль о сознательном подражании примитиву, а боязливое движение прижатых к животу рук придает изображению трогательное обаяние. Это движение скульптор повторил в рельефе 1927 года, изобразив женщину, оглядывающуюся на ходу.

Некоторые писавшие о скульптурах Моисея Когана находили их схожими с танагрскими¹⁰ статуэтками. Это скорее поэтическая метафора, ибо стиль Когана неотделим от ментальности XX века; сравнение же, видимо, основано на том, что Коган предпочитал небольшие размеры, аналогичные Танагре (чаще всего от 17 до 48 см). Но были и исключения. На выставке «Памяти художников – жертв Катастрофы», организованной Музеем Тель-Авива к двадцатилетию Государства Израиль, в числе шести произведений Моисея Когана была фигура «Стоящая обнаженная» высотой 85 см. Поколенная бронзовая скульптура выдержана в ином ключе – мажорном, если не сказать больше – героическом. Чеканный силуэт с отведенными назад руками, вдохновенное, подчеркнуто индивидуализированное лицо с прямым носом, тонкими дугами бровей, сросшихся у переносицы, выпуклыми веками и маленьким ртом – все это свидетельствует о поисках нового идеала красоты и сильного характера.

Наряду со статуэтками Моисей Коган любил делать «женские головки». Они были очень разнообразны и с античным идеалом красоты имели еще меньше общего, чем статуэтки. Чаще всего это лица средиземноморского типа с большими миндалевидными глазами, светящиеся умом и внутренней красотой. Пропорции лица не идеальны: высокий чистый лоб и маленький, иногда раздвоенный подбородок, широкий разлет глаз под тонкими дугами бровей. Воспроизводимая им голова не портретна, она создана поэтическим воображением художника и передает определенный семитический тип красоты. Крупный нос и пухлые губы гармонично сочетаются со стилизованными в духе греческой архаики волосами.

* * *

Процесс создания скульптурного произведения у Моисея Когана был сугубо индивидуальным, никем не применявшимся.

Обычно скульпторы выполняют модель чаще всего в глине или пластилине. Затем, обволакивая ее гипсом, делают форму, в которой статуэтка отливается в плавком материале. Коган же начинал с изготовления формы и резал в ней негативный объем. Создавая увлекший его образ, он вгрызался в твердую форму все глубже, его руки осторожно удаляли лишние куски материала, до тех пор пока пальцы не нащупывали точные контуры, которые он сверял со своими многочисленными рисунками. Это и позволяло достигать большей общности, чем при лепке¹¹. Метод, в котором он экспериментировал, требовал аб-

Моисей Коган

солютного владения скульптурной техникой, он означал также отказ от академических правил, что вообще характерно для европейского искусства XX века. Конечно, пользуясь таким трудоемким методом, не заботясь о скорейшем завершении произведения, скульптор создал сравнительно небольшое количество работ. Критик Хуго Кубш писал в «Кунствандере» в 1929 году, что за 15 лет творчества Коган создал немного, «но то, что он сделал, принадлежит к значительнейшим и красивейшим созданиям нашего времени».

С самых первых шагов в искусстве Моисей Коган был отмечен всеми как превосходный график. В одной из его ранних гравюр «Группы девушек среди деревьев» заметна связь с югендстилем. Рука мастера подчиняет себе движение резца, и он, скользя по плоскости, выводит на ней то угловатые, то закругленные контуры фигур, вплетенные в декоративный узор.

В русском журнале «Среди коллекционеров» (1922, №11–12) была напечатана статья, подписанная Р.Е.¹² Говоря о большом интересе к творчеству русских художников за рубежом и начиная с Осипа Цадкина, автор пишет: *«Другой русско-еврейский скульптор, пользующийся за границей успехом, Моисей Коган, выступил*

теперь в качестве графика с серией гравюр на дереве. Последняя в количестве двенадцати листов иллюстрирует поэму "Изо" немецкого писателя Карла Витта... Поэма эта выпущена галереей Флехштейм в Берлине в серии роскошных библиофильских изданий, украшенных выдающимися графиками и отпечатанных в ограниченном количестве экземпляров. Судя по некоторым воспроизведениям, Коган в иллюстрациях к виттовской поэме показал себя настоящим мастером гравюры».

Когда в Дюссельдорфе в галерее Вёмель готовилась мемориальная выставка Моисея Когана (1964 год), Витт написал предисловие к каталогу. Помимо оценки творчества, автор рассказал о Когане как о человеке. Он представлял друга очень разным. Чаще всего утонченным мечтателем, не заботящимся о славе и материальных благах, целиком погруженным в свое искусство; иногда беспечным художником, представителем богемы, даже бродягой; но всегда фанатично влюбленным в женскую красоту, которой он преданно поклонялся. Карл Витт раздобыл фотографию Когана, которую поместил на страницах упомянутого каталога. Во всем облике художника ощущается уверенность и достоинство европейски воспитанного человека, погруженного в свою работу.

* * *

Репутация Когана как скульптора была настолько бесспорной, что в 1925 году он был избран вице-председателем Осеннего салона в Париже по скульптуре – честь, которой редко удостоивались иностранцы.

Только по наименованию техник, в которых работал Коган, только по количеству каталогов выставок и произведений, им созданных, можно понять, какой неистовой работоспособностью он обладал, как самозабвенно был поглощен искусством. Трудно перечислить музеи, которые хранят его терракотовые и бронзовые статуэтки, рельефы и плакетки, медали, рисунки и гравюры. Упомяну лишь Музей современного искусства в Париже, а также Музей Людвига в Кельне, в путеводителе которого, наряду со скульптурой Александра Архипенко, Генри Мура, живописью Оскара Кошки, Маурицио Утрилло и др., названы десять произведений Моисея Когана конца 20 – начала 30-х годов.

В скульптуре Когана – восхищение самым совершенным творением природы: телом юной женщины. Созданный им мир – мир красоты и поэзии, Песнь песней пластики.

Песнь оборвалась на самой высокой ноте...

Он был так поглощен своей работой, что не пожелал покинуть Париж даже в смертельно опасной ситуации. Его схватили полицейские-вишисты, когда он вышел на улицу из своего убежища, и отправили в лагерь Дранси. Это было в феврале 1942 года, а 3 марта 1943 года¹³ Моисей Коган исчез в газовой камере Освенцима.

Использованная литература

- Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции. (1917–1941): Биографический словарь. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994.
- Среди коллекционеров. М.: «Росси́ка», 1922, №11–12. С.27–28.
- Кандинский В.* Письмо из Мюнхена // Аполлон. 1910. №4. С.28.
- Кандинский В.* Письмо из Мюнхена // Аполлон. 1910. №7. С.12.
- Грабарь И.* Письма. Т.1. 1891–1917. М.: Искусство, 1962.
- Тальпир Г.* Художники-евреи в Париже за последние сто лет. Оттиск из издания «Гешер». Т.3–4. №36–37. Год не указан (иврит).
- Зальцман З.* Вильгельм Лембурк. Музей В.Лембурка в Дуйсбурге (Выставка в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Декабрь 1982–январь 1983) Пер. с нем.
- Jewish Artist who Perished in the Holocaust. Tel-Aviv, 1968.
- Смирнов В., Грабовский Б., Баранова Н.* Одесса: ТПП «Хайтех», 1993.
- Aronson Chill.* Scenes et visages de Montparnasse. Preface de Marc Chagal. Paris, 1963. P.250 (идиш).
- Dr. Rewald J.* Moise Kogan. Sculptures – Dessines, gravures. Galerie Zak. Paris. 1955.
- Dr. With K.* Ausstellung Moissey Kogan. Galerie Alex Vómel. Dflsseldorf. 1964.
- Thieme-Becker.* Allgemeines Lexicon d. Bildenden Kunstler. Leipzig. 1927. V.21.
- Roth Cecil.* Jewish Art an Illustrated History. Tel-Aviv: Massada. P.875. Pl.410.
- Wilhelm-Lembruck-Museum der Stadt Disburg. Pariser Begegnungen. 1904–1914.
- Handbuch Museum Ludwig. Kunst des 20 Jahrhunderts. Museum der Stadt Köln. 1976. S.384.
- Museum of Contemporary Art Paris. Sculpt. Depart. 1925.
- Michel Wilhelm.* M.Kogan // Deutsche Kunst und Decoration. B.61. Okt. 1927 – Martz 1928. S.290–295, 336.
- Kubsch Hugo.* Der Bildhauer Moissey Kogan. Der Kunstwanderer. Feb., 1929. S.258–260.
- Kalender der Judischen Kunst. Juni 1935–36. Lehrhilfe. Berlin. S.35.
- Sheffler K.* Kunst und Kunstler. 1929. B.27. S.242–244.
- Kandinsky in Munich, 1894–1914. Guggenheim Museum. S. 252, 253.

---

¹ Впервые опубликовано в *ЕВКРЗ*. Т.4. С.7.

² Сердечно благодарю за помощь в сборе сведений о жизни Моисея Когана писателя Анатолия Когана (племянника скульптора, живущего в Кишиневе), художника Леонида Балаклаву (Иерусалим), доктора Моше Краковского (Тель-Авив), Беллу Берникову (Иерусалим), доктора Захара Давыдова (Беэр-Шева), Аркадия Зельцера (Иерусалим), писателя Ефрема Бауха (Тель-Авив).

³ Автор десятка книг, известный русскоязычному читателю по фундаментальным томам «История импрессионизма» и «Постимпрессионизм».

⁴ Брат Моисея, Шнеер Коган, после окончания мюнхенской Академии возвратился в Кишинев и организовал там художественную школу.

⁵ Позже Кандинский покинул школу Антона Ашбе и перешел в мюнхенскую Академию изящных искусств.

⁶ Работы Когана в области прикладного искусства находятся в Музее искусств и ремесел Гамбурга, в Монетном кабинете Мюнхена, в Фолькванг-музее в Эссене, в Городском музее в Наал и в Кунстхалле Бремена.

⁷ Сецессион – буквально «отделившийся», «отклонившийся». Как правило, на этих выставках экспонировались произведения художников югенд-стиля.

⁸ См. список использованной литературы в конце статьи.

⁹ Из трех скульптур Моисея Когана, хранящихся в Музее Израиля (Иерусалим), – одной бронзовой и двух из гипса, – две последние являются даром г-на Райкиса.

¹⁰ Статуэтки из обожженной глины, отлитые в форме, распространенные в Древней Греции в конце IV – начале III в. до н.э., изготовлялись в разных городах, получили свое название по главному центру производства – городу Танагра.

¹¹ Существуют два способа изготовления скульптуры: а) лепка в мягком материале. Объем создается путем его наращивания, увеличения. Отсюда термин «пластика» (от латинского *plasso*); б) высекание из твердого материала. Образ создается уменьшением материала, объема. От *sculpere* – «высекаю», «вырубаю». Отсюда термин «скульптура», или русское – «ваяние». Может быть, индивидуальный метод работы Когана объясняет, почему его статуэтки, обладая утонченнейшими контурами спереди и с боков, сзади менее закончены.

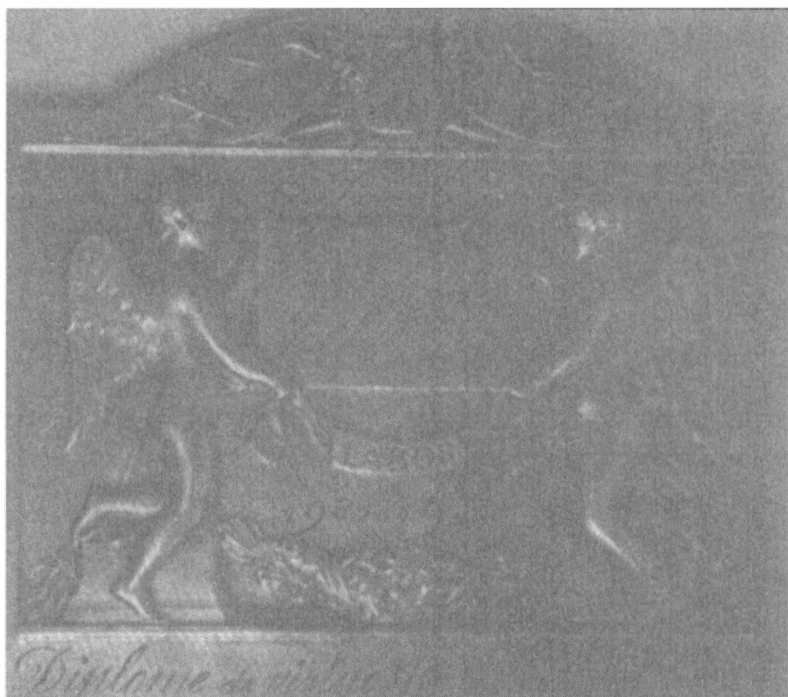
¹² Этими латинскими инициалами подписывался известный искусствовед Павел Эттингер.

¹³ В картотеке Яд ва-Шема указываются две даты: арест и отправка в Дранси – февраль 1942 г.; гибель в Освенциме – март 1943 г.

Эфраим Зельцман¹

Фредерика Роголь (Иерусалим)

В то время как в далеком Аушвице и во всем мире отмечают пятидесятилетие² со дня освобождения этого – страшнее нет в истории человечества – лагеря уничтожения, где звери в человеческом обличье сжигали мучеников, я в миллионный раз мысленно возвращаюсь к трем погибшим в этой страшной мясорубке братьям моей покойной матери и, как смогу, попытаюсь рассказать об одном из них – пианисте Эфраиме Зельцмане, прославившемся в последней предвоенной декаде и превратившемся на 39-м году жизни в пепел и дым в печах Биркенау.

**Золотая медаль, полученная Э.Зальцманым
в 1932 г. по окончании Льежской консерватории**

Эфраим Абрамович Зельцман (Фройка) родился в 1905 году в бедной еврейской семье в Кишиневе, на ул. Минковской, что в нижней части города, где проживало в своеобразном гетто большинство малоимущих евреев. Его отец Абрам Зельцман пытался, и весьма unsuccessfully, заниматься торговлей, в частности, привозил сукно из Лодзи в Кишинев, но на мало-мальски обеспеченную жизнь так и не сумел заработать. Мать – Эйдя (Адель) вышла замуж в 14 лет, не овладев грамотой, и родила мужу 8 детей. Была она крепкая, красивая и волевая женщина.

Фройка был седьмым ребенком, но к моменту его рождения двое старших детей умерли. После него родился еще один сын, ставший впоследствии известным и очень уважаемым врачом в Кишиневе.

Бедняки Абрам и Эйдя дали практически всем шестерым детям высшее образование. Музыкой в семье занимались все. Старшая дочь – Фанни (моя мать) прекрасно пела, вполне могла стать профессиональной певицей, но предпочла поступить на медицинское отделение Одесских высших женских курсов. Занятия ее были прерваны после 7-го семестра из-за исторических событий 1918–1919 гг., в их числе – захват Бессарабии Румынией.

Старший сын Йехезкель играл на духовом инструменте (кажется, валторне), а образование получил в Бельгии, на экономическом факультете Льежского университета.

Младшая дочь Этя закончила Кишиневскую консерваторию и стала преподавательницей музыки (фортепиано). Младший сын, как уже сказано выше, стал врачом. Ну а Фройка?

Фройка в детстве (и юности), в отличие от других братьев, был спокойным, робким мальчиком, не озорничал, не лазал по заборам, не принимал участия в драках со сверстниками. Фройка играл на рояле. Он любил в жизни только это! У бабушки с дедушкой в маленькой, бедной и плохо обставленной квартирке, где еще в ранние годы моего детства горели керосиновые лампы, стоял старый рояль – гордость семьи. И Фройка играл. После окончания гимназии, а затем музыкального училища Эфраим Зельцман уезжает в Бельгию, в город Льеж, где к тому времени учился его старший брат Йехезкель.

Чтобы прокормиться и платить за учебу, братья работали вагоновожатыми трамвая. Никогда никакой денежной помощи Эфраим из дома не получал, тем более что менее чем через год после его отъезда из Кишинева отец Абрам Зельцман скончался от инсульта.

Но робкий и тихий Фройка, оказавшийся чрезвычайно талантливым и целеустремленным, умел добиваться своего. Поступив в

1928 году на фортепианное отделение Королевской музыкальной консерватории в г. Льеже, он блестяще заканчивает ее в 1932 году, награждается Золотой медалью (медаль по сей день хранится в семье) и удостоивается чести представлять Бельгию на конкурсе имени Шопена в Варшаве. Перед отъездом в Варшаву он получает бельгийское гражданство, которое давали в те годы очень немногим. Так, например, его брат Йехезкель, сражавшийся во время войны в рядах бельгийского Сопротивления, не был признан гражданином этой страны; гражданство получили лишь его дети, родившиеся в Бельгии и проживающие там до сих пор, — Ирен Зельцман-Клеменс и Маргарита Зельцман-Николаев, которым я очень благодарна за помощь в подготовке этих воспоминаний.

В апреле 1932 года Эфраим из Варшавы приезжает на неделю в Кишинев. Читает кадиш и молится на могиле своего отца. Дает два концерта в Епархиальном зале. Весь музыкальный Кишинев аплодирует ему — молодому и талантливому, обладателю Золотой медали, участнику международного конкурса. От нас он уехал в Яссы, где продолжались его гастроли. Я смутно помню Фройку в те неповторимые апрельские дни: готовясь к концертам, он помногу часов играл все на том же старом рояле в квартире бабушки.

Это был звездный час его матери, Адель Зельцман, — та неделя. Больше она его не видела.

Фройка не успел жениться. С 1933 по 1939 год он успешно занимается концертной деятельностью, а также преподает фортепиано в Льежской, а затем в Парижской консерваториях. В те предвоенные годы, со слов друзей, он превращается из тихого скромного кишиневского юноши в знаменитого, элегантного и блестящего европейца. Он живет на широкую ногу в прекрасно обставленной

PROGRAMME

CONCERTO . . . . . FRIEDMANN, BACH, PHILIPP.
Molto Tranquillo - Cadenza grave quasi organo
Fuga - Largo e spicato - Allegro non troppo.

E. ZELTZMAN

Nocturne . . . . . C. FRANCK.
J'ai parlé. . . . . SCHUMANN.
A ma fiancée . . . . .

Mme RENÉ BOKIAU

Papillons . . . . . SCHUMANN.
Exécution intégrale des 12 pièces.

E. ZELTZMAN

D'amours éternels . . . . . BRAHMS.
Bolémiers . . . . . Ch. RAOULX-ROGIER.
Cimetière au bord de la mer François RASSE.
Invitation au voyage . . . . . DEBARR.

Mme RENÉ BOKIAU

Etude en mi majeur . . . . . CHOPIN.
Deux écossaises.
Improvisé en fa dièse.
Deux mazurkas en si mineur
et do dièse mineur
Nocturne en ré bémol majeur.
Poisonaise en la bémol majeur.

E. ZELTZMAN

Программа концерта Э.Зальцмана
18 февраля 1935 г.

квартире, в его кабинете стоит белый рояль (Бехштейн), он носит дорогие костюмы и модные рубашки.

В 1940 году, после оккупации Бельгии, Эфраим с братом и его семьей бежали на юг Франции, но спустя полгода нелегально вернулись в Бельгию. Фройка скрывался в Брюсселе до июля 1943 года. Во время очередной облавы был арестован немцами на улице. Рассказывали, что он возвращался от любимой женщины.

В 1977 году, будучи в Брюсселе, я познакомилась с одним из его друзей. Это было в доме старой почтенной бельгийки, укывавшей во время войны евреев. (Ей удалось также спасти двух канадских летчиков, которые вынуждены были катапультироваться над захваченной немцами Бельгией.)

Этот друг, тоже бессарабец, находился с Фройкой в одном эшелоне и в одном вагоне, увозившем их из Бельгии через какой-то транзитный лагерь (теперь не могу вспомнить, какой) в Биркенау. Он был последним из знавших Фройку и видевших его живым. Этому другу, единственному из всего поезда, удалось ночью убежать, прыгнув на ходу из вагона. Он уцелел.

Duplicata.

No 146.167.-

Je

Nom E. Zaltsman

Naam Efraim

Prénoms

Voornamen

Etat Civil célibataire

Burgerstand

Nationalité BELGE

Nationaliteit BELGISCHE

né à Kichineff (Bessarabie)

geboren te

le 18 février 1905

den

Profession Pianiste virtuose

Beroep

Résidence précédente Charnieck

Vorig verblijf

Seconde résidence

Tweede verblijf

Inscrit Vol. 21 Fol. 167

Ingeschreven boek Blad

Kat. Coergen No 81

Sig. Nr

1936

C. P. H.

Cadre de Récuse - Loi du 10-12-24 No

Lijfrentekas - Wet van 10-12-24 No

Signature du porteur.

E. Zaltsman

JUIF JOOD

Taille : Un mètre

Lengte : Een meter

Délivré le 16 août 1938

Afgeleverd, date 26-11-40

L'Officier de l'Etat civil (ou son délégué) :

De Ambtenaar van den Burgerstand (of zijn afgevaardigde) :

Jos. H. H. H.

Удостоверение личность Э.Зальцмана со штампом «Juif Jood» (еврей)

Последние сведения об Эфраиме Зельцмане поступили из лагеря смерти Биркенау в том же 1943 году. Вот и все.

В 1945 году младший брат Фройки, проживавший с матерью и сестрой в эвакуации в городе Гурьеве, сделал запрос в бельгийское посольство в Москве. И получил этот страшный ответ. Мать Фройки, Адель Зельцман, потерявшая в этой войне трех сыновей, так и не узнала до своей кончины в 1947 году о страшной участи, постигшей ее мальчиков.

Оставшиеся в живых дети рассказывали ей, что Европа переполнена беженцами, о многих нет сведений, и что, видимо, сыновья не могут найти ее, эвакуированную из Кишинева в далекий Гурьев. Она, так и оставшаяся неграмотной, не читавшая газет и плохо понимавшая русское радио, не возражала, не оплакивала их троих, говорила о них как о живых и, казалось, верила в их скорое возвращение. За несколько дней до своей кончины, уже в Кишиневе, будучи очень больной, она сказала своей дочери: *«Я знала все эти годы, что моих мальчиков нет в живых. Я никогда не возражала вам, когда вы мне рассказывали о беженцах и об их скором возвращении, но в моем сердце не было никакой надежды...»* Сколько мужества и выдержки нужно было иметь, чтобы не перекладывать свою боль на плечи уцелевших!

Не знаю, был ли Фройка любимцем своей матери, но ее гордостью — несомненно.

В 1992 году, то есть через 49 лет после ареста и гибели Эфраима, дочери Йехезкеля, также погибшего в годы войны, обратились с запросом в бельгийскую полицию и вскоре получили подлинники документов, изъятых у Фройки в момент задержания. Европейцы народ аккуратный: документы прекрасно сохранились в полицейских досье. Если бы они с такой же бережностью относились к людям! А от самого Фройки не сохранилось и пепла...

---

¹ Впервые опубликовано в *ЕВКРЗ*. Т.4.С.20.

² Очерк написан в 1995 г.

Владимир Давидович Баранов-Россинэ (1888–1944)¹

Александра Шатских (Москва)

В.Д.Баранов-Россинэ
Кубистический автопортрет

В 1954 году парижский Салон независимых устроил первую большую выставку произведений Владимира Баранова-Россинэ, художника, погибшего в концентрационном лагере во время фашистской оккупации Франции. С тех пор творчество Баранова-Россинэ медленно, но неуклонно стало занимать подобающее ему место в истории искусства XX века. Ретроспективные выставки мастера были устроены в Париже (1954, 1970, 1972–73, 1984), в Лондоне (1970); его работы с успехом демонстрировались на больших итоговых смотрах искусства XX века – выставках «Париж–Москва» и «Москва–Париж» (1980–81), экспозиции «Великая утопия»,

«Русский авангард 1915–1932» (Франкфурт-на-Майне, Амстердам, Нью-Йорк, Москва, С.-Петербург, 1992–93).

Владимир (Шулим-Вольф, Лейб, Леонид) Баранов родился 1 января 1888 года в селении Большая Лепатиха Мелитопольского уезда Таврической губернии. В 1903–1908 годах учился в Одесском художественном училище, затем поступил в Высшее художественное училище при Академии художеств в Петербурге, где занимался до 1909 года. Молодой человек был хорошо знаком с Давидом Бурлюком, энергичным и предприимчивым, талантливым деятелем, чье имя неразрывно связано с историей русского авангарда. Бурлюк и вовлек его в поиски и эксперименты, которыми с энтузиазмом занимались российские художники новой формации. В 1907–1908

годах Баранов был участником выставок «Венок» (Москва) и «Звено» (Киев), организованных Бурлюком, где живопись и скульптура, музыка и поэзия были представлены в тесном единстве видов и жанров. Такое обогащающее взаимодействие разных сфер искусства оказалось весьма родственным художественным устремлениям Баранова.

Работы молодого живописца демонстрировались также на выставках «Венок-Стефанос» (Петербург, 1909) и «Импрессионисты», показанной в 1909–1910 годах в Петербурге и Вильно.

Как и многие его коллеги, художник уехал в Париж (1910), где с 1912 года поселился в знаменитой Ля Рюш. В мировой столице искусств он общался и с земляками, и с уроженцами иных стран, творцами периода «бури и натиска» новейшего искусства. Особенно тесная дружба связывала его с соотечественницей Соней Терк-Делоне и ее мужем, французским живописцем Робером Делоне, основателями орфизма, одного из наиболее ярких направлений в новаторском искусстве тех дней. Уроки орфизма – полнокровные звучные краски, динамика беспредметных композиций, их декоративно-ритмическая организация – были глубоко усвоены и переработаны молодым живописцем в собственном ключе.

Во время путешествия в Страсбург и Люцерну (1911 г.) Баранов встретился с молодым эльзасцем, будущим знаменитым дадаистом и абстракционистом Хансом Арпом (1866–1966). В автобиографической книге «On My Way» Арп впоследствии отмечал судьбоносную роль этой встречи: *«В 1909 году (ошибка мемуариста. – А.Ш.), в Швейцарии, меня посетил русский художник Россинэ и показал рисунки, в которых он представил свой внутренний мир невиданным доселе образом при помощи красочных точек и изогнутых линий. Это не были отвлеченные пейзажи, портреты, натюрморты, какие можно было видеть на полотнах кубистов. Я показал ему полотна, покрытые черной пеленой, с сетью удивительных письмен, рун, линий, пятен, – итог напряженных трудов, занявших не один месяц. Мои собратья по искусству качали головами и осуждали работы как неудачные эскизы. Россинэ, напротив, отнесся к ним с большим воодушевлением. Его и мои работы, мне думается, представляли “конкретное искусство”»*². Нужно отметить, что и в будущем творческое развитие молодых единомышленников переживало сходные стадии – в зрелом возрасте и Арп и Баранов обратились к созданию своеобразных «биоморфных структур», воспроизводивших динамику, напряжение естественных природных процессов.

Баранов много выставлялся в свой первый европейский период. В Париже он участвовал в Осеннем салоне (1910) и в Салоне независимых (1910, 1913, 1914); в 1912-м экспонировал свои произведения в Цюрихе, в 1914-м – в Амстердаме. На зарубежных выставках русский авангардист выступал под именем «Даниэль Россинэ». После возвращения на родину в 1917 году он присоединил псевдоним к собственной фамилии и с тех пор до конца жизни носил двойное имя, под которым вошел в историю искусства XX века.

Баранову-Россинэ привелось оказать стимулирующее влияние не только на творчество Ханса Арпа. В 1914 году в Салоне независимых он показал скульптуру под знаменательным названием «Симфония №2». Задачи, актуальные для многих европейских новаторов: расширение сфер творческого вторжения в реальность, обновление восприятия – художник сумел претворить в оригинальных проектах. «Симфония №2» свидетельствовала о его выходе к «трехмерной живописи»; этот подвижный объект представлял собой, по описанию современника, «парадоксальный монтаж из цинка, покрытого пестрой и живой глазурью, с желобами, служащими подставками для каких-то странного вида мельниц для размолва перца, синих, бежевых или красных шайб, перемешанных с торчащими в разные стороны пружинами и стальными прутиками». Необычные, будоражащие публику работы Баранова-Россинэ принадлежали к той же группе художественных явлений, что и эксперименты Пабло Пикассо и Александра Архипенко. Их произведения комбинировали различные материалы, многие из которых: жезл, стекло, фанера, проволока и т.д. – никогда не числились художественными. Сложные условные конструкции, созданные из новых материалов, обладали самостоятельностью и самооценностью – художник полностью освобождался от подражания природе, сознательно избегал сходства с предметами или явлениями, существовавшими в мире до него. Посетивший Париж весной 1914 года Владимир Татлин особо отметил свои впечатления от полихромных объемных работ Архипенко и «Симфоний» Баранова-Россинэ (скульптура под названием «Ритм, или Симфония №1», выполненная из дерева, картона, яичной скорлупы, хранится ныне в Музее современного искусства, Париж).

«Симфонии» не случайно апеллировали своим названием к музыке. Стремление к синестезии, слиянию пластического и музыкального начала в одном произведении, проявившееся уже в первый парижский период, надолго определило творческие поиски Баранова-Россинэ.

После начала Первой мировой войны художник переехал в Норвегию, где прожил с 1915 по 1917 год. В Христиании состоялась его первая персональная выставка (1916).

В Россию Баранов-Россинэ возвратился после Февральской революции. В ноябре 1918 года в Художественном бюро Н.Е.Добычиной в Петрограде было показано свыше шестидесяти его работ; это была первая и последняя персональная выставка Баранова-Россинэ на родине. На московской «Выставке картин и скульптуры художников-евреев» (1918) произведения Баранова вместе с работами М.Шагала, Д.Штеренберга и И.Школьника представляли левый фланг развития пластических искусств.

С начала 1918 года художник энергично включился в общественную и организационную жизнь. Войдя в Петроградскую коллегия по делам искусств и художественной промышленности, сотрудничал в Отделе изобразительного искусства Наркомпроса, которым заведовал Д.П.Штеренберг, его близкий знакомый по Парижу. К празднованию первой годовщины Октября Барановым были написаны огромные панно «Красноармеец-барабанщик», Марширующие красноармейцы», «365 революционных дней», украшавшие площадь Восстания в Петрограде.

В.Д.Баранов-Россинэ
Леди Чаттерли (1932 г.)

В 1918 г. началась педагогическая деятельность Баранова-Россинэ, руководителя живописной мастерской в петроградских Свободных учебно-художественных мастерских б. Академии художеств. После переезда в Москву (апрель 1919 г.) он продолжил свою преподавательскую деятельность во Вхутемасе (Высших художественно-технических мастерских), организовав мастерскую по теме «Дисциплины одновременных форм и цвета» на основном отделении живописного факультета, деканом которого состоял в 1920-21 году.

Еще в Париже художник увлекся разработкой замысла, который окончательно реализовал в послереволюционные годы. Он изобрел оригинальный музыкальный инструмент под названием «оптофон». Клавиатура своеобразного пианино была соединена со специальным экраном, «хромотроном». При игре исполнителя на экране возникали движущиеся цветные формы, созвучные, в представлении автора, синхронно исполнявшимся музыкальным пьесам (в 1925 году хромотрон был запатентован художником в Комитете по делам изобретений).

В русской культуре XX века стремление к синестезии, сливавшей в едином ощущении явления, разные по характеру и способу воздействия, окрашивало творчество многих выдающихся деятелей искусства. Эксперименты Баранова-Россинэ со свето- и цветомузыкой напоминали об отечественных музыкальных традициях, о художественных воззрениях А.Н.Скрябина, М.К.Чюрлениса, В.В.Кандинского, объединявших звук и цвет в целостные гармонические образы.

В 1918 году демонстрацию вышеупомянутого панно «365 революционных дней» (ныне хранится в Музее Октябрьской революции в С.-Петербурге) должны были сопровождать, по мысли художника, сеансы игры на оптофоне. 16 и 18 апреля 1924 года в Театре Мейерхольда в Москве состоялись публичные уникальные оптофонные концерты; в программу цветомузыкальных представлений были включены произведения Грига, Вагнера, Шуберта, Скрябина, Рахманинова, Дебюсси, выступления оперных певцов и танцовщиков. Концерт был повторен 9 ноября того же года в Большом театре в Москве в рамках праздника по случаю годовщины Октябрьской революции.

Коммунистическая идеология в России неуклонно набирала силу, и в середине 1920-х годов Баранов-Россинэ оказался в потоке художественных деятелей, вытесненных под разными предлогами из советской действительности. Через Ригу и Берлин он прибыл в Париж в апреле 1925 года, однако город его молодости и первых успехов радикально переменялся с довоенных времен.

Новая парижская жизнь Баранова-Россинэ была наполнена житейскими и творческими трудностями. Запатентованный на Западе в 1926 году оптофон в музыкальном быту не привился, он лишь изредка звучал на театральных сценах, сопровождая драматические постановки. Некоторый резонанс получили концерты на оптофоне, состоявшиеся в сезон 1928/29 года в различных артистических центрах, в частности «Студии Урсулинок» и «Студии №28».

Свое синестезическое изобретение Баранов-Россинэ пропагандировал также в собственной «Первой оптофонической академии» на Rue Cambronne.

Живописные произведения Баранова-Россинэ регулярно экспонировались в Салоне независимых – они привлекали внимание знатоков, однако среди широкой публики популярностью не пользовались, следовательно, и на коммерческий успех автору рассчитывать не приходилось.

Художественные взгляды Баранова-Россинэ претерпели в те годы определенные изменения – доминирующее место в его искусстве во второй, и последний, парижский период заняли абстрактные композиции. Многочисленные полотна чаще всего назывались «Абстрактные формы», «Абстрактные композиции», «Абстрактное». Эти образы являли собой эффектные цветочные организмы, порожденные воображением и даром живописца; они воздействовали на зрителя напряженным цветом, странной пульсирующей жизнью неких биоморфных структур – лента Мебиуса, с ее парадоксальной одномерностью, служила пластическим лейтмотивом большинства из них. Наряду с «биоморфными абстракциями», Баранов-Россинэ писал большие картины – динамичные декоративно-абстрактные аранжировки традиционных сюжетов с использованием фигуративных элементов («Мученичество св. Дени», 1927; «Леди Чаттерли», 1932; «Мать с ребенком», 1932 и др.). Опыты его первых парижских лет были продолжены в конструировании абстрактных скульптур из различных материалов («Политехническая скульптура», 1933).

Сочиненное в годы молодости русско-французское имя «Баранов-Россинэ» в исторической перспективе оказалось вполне адекватным биографии художника – ибо русский авангардист стал достойным представителем Парижской школы, в которую, как известно, вошли уроженцы других стран и мест, обретшие в Париже свою творческую судьбу в межвоенное двадцатилетие. Выходцы из России – а среди них большинство евреев родом из черты оседлости – составили самую многочисленную группу среди художников Парижской школы.

С 1925 по 1942 год Баранов-Россинэ ежегодно выставлялся в Салоне независимых; он также экспонировал свои работы на Международной выставке 1937 года в Париже, участвовал в Салоне новых реальностей (Париж, 1939).

Картины художника, гармоничные и эмоциональные, с их тонкой уравновешенной композицией и прихотливостью ритма, пользовались заслуженным успехом в профессиональной среде. В 1939 году видный художественный деятель Анри Валанси, пропа-

гандист концепции так называемого «музыкализма» – своеобразного синестезического течения в пространственных искусствах, пригласил Баранова-Россинэ принять участие в Выставке художников-музыкантов, состоявшейся в Лиможе. Здесь не только экспонировалась «симфоническая» живопись Баранова, но и звучала цветовомузыка усовершенствованного оптофона.

В 1930-е годы немалую часть времени художника поглощала изобретательская деятельность, к которой он всегда обнаруживал большую склонность. В 1934 году был запатентован аппарат «Multi-regco», позволяющий производить, очищать и распределять химические растворы, тогда же был создан «хромометр» (Chromo-Photo-Metre), определявший качество и чистоту драгоценных камней.

Владимир Давидович Баранов-Россинэ не успел или не сумел уехать из Франции до оккупации ее гитлеровскими войсками. Его творчество, по теориям «цивилизованных» идеологов Третьего рейха, относилось к «дегенеративному», «вырождающемуся» искусству, подлежащему безоговорочному уничтожению. Помимо «неправильного» искусства, художник был повинен в принадлежности к нации, которую фашисты собирались полностью стереть с лица земли. 9 ноября 1943 года он был арестован гестапо и заключен в концентрационный лагерь; дата и место его гибели доподлинно не установлены – по косвенным свидетельствам, Баранов-Россинэ был казнен фашистами в 1944 году.

Литература

1. *Motherwell R.*, ed. *Arp. On My Way. Poetry and Essays 1912–1947.* New York, 1948. P.99; *Arp H.* *Unsern taglichen Traum.* Zurich, 1955. S.8.
2. *Marcade J.-C.* Baranoff-Rossine – Der Erfinder // Wladimir Baranoff-Rossine. Berlin: Galerie Brusberg, 1983. S.5–16.
3. *Marcade Valentine.* L'exploration creatrice de Baranoff-Rossine // Baranoff-Rossine. 1888–1944. Galerie Verneuil Saints Peres. Paris: Editions ERRANCE, 1984. P.5–14.
4. Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях / Автор-составитель *Д.Сарабьянов*. М.: Советский художник, 1992. С.46–48, ил.
5. *Северохин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. Пб.: Издательство Чернышева, 1994. С.52–54.

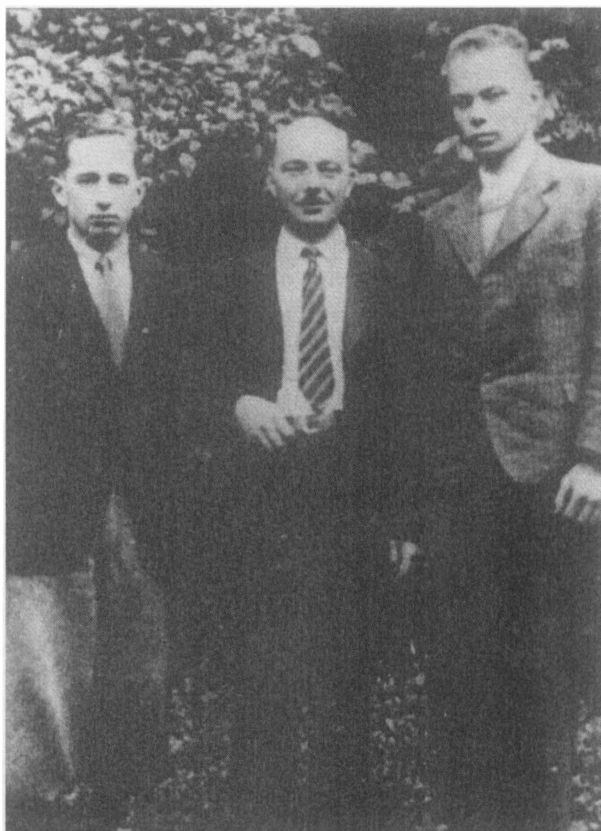
¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.4. С.25.

² Под определением «конкретное искусство» Арп подразумевал собственные композиции, созданные в середине 1910-х гг. и представлявшие собой объемно-плоскостные коллажи, выполненные из разнообразных материалов с помощью клея. Самые ранние из них датированы 1915 г.

Поэт Евгений Гессен¹

Виктория Каменская (Санкт-Петербург)

В одном из первых выпусков сборника «Евреи в культуре Русского Зарубежья» помещен очерк Валерия Гессена об Иосифе Владимировиче Гессене², заканчивающийся фразой: *«Его сын (речь идет о сыне Сергея Гессена, внуке Иосифа Гессена) Евгений был талантливым поэтом, погибшим в гитлеровском лагере смерти»*³. И в примечаниях: *«Гессен Е.С. Стихотворения. Новь. Таллинн, 1935. Сб.8»*⁴.

Евгений Гессен (слева) с отцом Сергеем Иосифовичем и братом Дмитрием (1938 г.?)

С этими сведениями о Евгении Гессене я и оказалась в Праге, в литературном архиве Национального музея, где в обширном личном архиве Альфреда Людвиговича Бема⁵ нашла и собранное в основном Вадимом Морковиным (о нем см. ниже) наследие поэта, и материалы, связанные с его жизнью и творчеством.

В течение ряда лет (1922–1940) Альфред Людвигович Бем руководил группой поэтов – русских эмигрантов, первоначально называвшейся «Скитом поэтов», а затем, когда в него пришли и прозаики, – «Скитом». К третьему, самому младшему и последнему поколению участников «Скита» (под номером 31 из 36 его членов) принадлежал и Евгений Гессен.

В недатированной автобиографической справке он сообщает о себе: *«Евгений Гессен, род. 5 февраля н.с. 1910 г. в Петербурге. В России жил до конца 1921 г. За границей жил сначала в Германии, с 1924 г. постоянно в Праге. В настоящее время состоит студентом Политехнического института в Праге по электротехническому отделению. Начал писать в 1934 г. Участник пражского “Скита”»*⁶. Подробно биографию Евгения Гессена рассказывает в сопроводительном письме к передаваемым в Национальный музей Праги материалам из наследия поэта один из его друзей, тоже «скитовец» третьего поколения Вадим Морковин, проделавший большую работу по собиранию и хранению архивов русской литературной эмиграции в Чехии:

«...Мой друг, Евгений Гессен, родился примерно году в 1910 в России. Происходил из известной передовой интеллектуальной семьи. Его дед был выдающимся адвокатом, позднее – депутатом парламента (“Думы”) и общественным деятелем. В молодости дед был депортирован царской полицией в северные края России. Там он познакомился с простой деревенской девушкой, которая стала матерью его сына Сергея.

Сергей выбрал педагогическую профессию и на этом поприще также добился выдающегося положения. Написал и издал множество публикаций в этой области <...>. У него были два сына – старший Евгений и младший Дмитрий.

Проф. С.Гессен с женой и обоими сыновьями приехал в Чехословацкую республику примерно в 1926 году (полагаю, что из Финляндии; год и названная страна расходятся с краткими сведениями самого Евгения Гессена. – В.К.); оба сына окончили здесь русскую гимназию. После ее окончания Евгений уехал в Бельгию, где некоторое время учился в Левенском университете, затем вернулся в Прагу, где с весьма скромными успехами учился электроинженерии.

Позднее проф. С.Гессен развелся со своей первой женой и уехал в Польшу, где преподавал в Варшавском университете, и там женился во второй раз. Старший сын остался с матерью в Праге, младший уехал с отцом в Польшу. В это время, т.е. за несколько лет до Второй мировой войны, Евгений Гессен жил в большой нужде, возможно, временами ему помогал отец; кроме того, он зарабатывал уроками русского языка, позднее ему удалось устроиться продавцом в маленьком магазине, торговавшем русскими книгами. К этому же времени относится его большая любовь к одной чешской девушке – Алисе З., чье имя часто появляется в его творчестве. Это была дурная особа, которая водила его за нос; позднее она вышла замуж за мошенника и вора.

Во время немецкой оккупации мать Евгения Гессена была отправлена в концлагерь одним из первых эшелонов, ибо вела себя чрезвычайно вызывающе и при всех хвастала, что она дочь бывшего верховного раввина в России. Нет ни малейшего сомнения, что этим она очень повредила Евгению, которому, возможно, как сыну наполовину русского отца удалось бы пережить немецкую оккупацию. Он долго еще оставался в Праге, затем был арестован (есть небезосновательное подозрение, что на него донес муж Алисы), его долго держали в тюрьме на Панкраце, потом на короткое время выпустили на свободу, после чего направили на работу в Паненские Бржежаны. Только к концу войны его перевели в Терезин, затем в Германию»⁷ (тут В.Морковин ошибается: Е.Гессена отправили в Терезин не к концу войны, а 14.9.1942, как явствует из документа, полученного мною в картотеке пражской еврейской ратуши. – В.К.).

Один из членов «Скита» Николай Терлецкий вспоминает: «Евгений Гессен давно уже имел разрешение на поездку в США, но ехать туда не хотел, говорил, что люди только болтают о преследовании евреев, что Германия культурная страна великих поэтов и философов»⁸. Интересные сведения о своих последних встречах с Евгением Гессеном оставил и Вадим Морковин в письме к отцу поэта, Сергею Иосифовичу: «Точные сроки моих последних свиданий с Женей вспомнить не могу, было это летом 1942-го; свидания были мимолетны и тайны, при них Женя главным образом передавал мне разные вещи...»⁹. Из чего следует, что к лету 42-го года Е.Гессен уже ясно сознавал опасность близкой гибели и полностью утратил веру в Германию как страну гуманных традиций.

О внутреннем мире Евгения Гессена, о его философских и литературных раздумьях мы можем судить по тетради, озаглавленной

«Мысли» (текст в форме датированных дневниковых записей). Это размышления о прочитанных книгах, о жизненных впечатлениях, отлитые в лаконичные, часто полузашифрованные, не всегда понятные для стороннего читателя афористические фразы. Значительное место среди них занимают мысли об искусстве, о литературе (чаще русской).

Например: *«Разница между эпиком и лириком. Э. воплощает в переживания реальность, л. – наоборот. Но вот вопрос: насколько (насколько? – В.К.) определена граница между реальностью и переживанием? Ясно одно: и то и то существует (пожалуй, так: реальность м.б. переживанием, переживание не может стать реальностью)...»* (13.1.32); *«Замечательно, что по-русски искусство и искушение одного корня»* (10.12.38) или: *«“Отрыв от почвы”: это происходит не географически, а катастрофически. Тургенев и Гоголь за границей и Кирсанов в России»* (25.12.39); *«...“За строками, между строк” – это просто скверная условность. Должно быть: внутри слова, вглубь. Правило: объективность и точность. Сюда же: сложность и простота»* (3.4.40); *«В чем изъязн хрестоматийности: стихотворение не смеет быть иллюстрацией к какой-то мысли, идее: оно должно быть единственным плодом или источником данной идеи, мысли (24.5.40)»*¹⁰. Две последние записи формулируют те требования, которые Гессен предъявлял и к собственному творчеству.

4 апреля 1932 года Евгений Гессен впервые присутствовал на заседании литературного общества «Скит». И сам Альфред Людвигович Бем и другие члены «Скита», в то время игравшие в нем видную роль, такие, например, как поэтессы Эмилия Чегринцева и Алла Головина, отнеслись к молодому поэту с большой теплотой. Лев Гомолицкий в письме к Бему от 28 июля 1938 года пишет: *«Гессен-младший мне казался мальчиком глубоким. Он только странный. Странности его я объясняю отчасти его воспитанием, отчасти любовью к необычности, в возрасте его – обычной. В нашем быте, среднем между богемным и взрослым, для него (Гессена) было слишком много взрослости, для нас же он (Гессен) был слишком богемным»*¹¹. Согласно протоколу заседания, А.Л.Бем сказал во время официального приема Е.Гессена в «Скит» (20 ноября 1934 г.) примерно следующее: *«Наша радость, что “Скит” не застыл в своем составе, – № 30 и 31. Тамара Тукалевская и Евгений Гессен вносят новую струю, непосредственный напор лирического чувства <...> поиски непосредственного выявления себя, подлинность поэтического голоса»*¹². А в папке, где лежат отдельные листочки

со стихами Гессена, сохранился и листок с карандашной запиской, отразившей голосование при его приеме в «Скит»:

«Татьяна Ратгауз   Да!
В.Морковин   Да!
А.Головина   Да.
О да! Вл.Мансветов».

Гессен близко сошелся с Владимиром Мансветовым, был дружен с Вадимом Морковиным и Николаем Терлецким.

Положение Евгения Гессена в «Ските» характеризует и тот факт, что после приема в общество и вплоть до 1940 года, когда присутствие еврея на заседании поставило бы под угрозу само существование «Скита» в оккупированной фашистами Праге, он выступал почти на каждом его заседании, почти на каждом публичном литературном вечере, его стихи были напечатаны в обоих выпущенных за время его пребывания в «Ските» коллективных сборниках – «Скит-Ш» (1935) и «Скит-IV» (1937). Ряд стихотворений Е.Гессена печатался в сборниках «Новь» (Таллинн, 1935), в парижских «Современных записках» (1936), в варшавской газете «Меч» (1935–1939), в «Журнале Содружества» (Выборг, 1937), в альманахе «Ковчег» (1942), а также посмертно в альманахе «На Западе» (Нью-Йорк, 1953). Однако отдельной книгой стихи Евгения Гессена никогда напечатаны не были. Но в архиве сохранились два довольно полных списка стихотворений и набросков к ним (а также третий – «Ученичество»), один список уже после войны был получен Вадимом Морковиным от товарища Гессена по «Скиту» Николая Терлецкого, другой, по убеждению Морковина, более полный и достоверный, – от А.Н.Церазовой.

Основной художественной чертой поэзии «скитовцев» того периода была образная выразительность, метафоричность поэтического языка с ярко выраженной опорой не только на стихи поэтов Серебряного века, но и на Цветаеву, Пастернака и поэзию советской поры. Стихи Евгения Гессена отличались от этой традиции простотой и непосредственностью, идущей или прямо от Пушкина и Лермонтова, или – от них же, но через Блока и Ахматову. Его своеобразие – в принципиальной «непоэтичности», естественности тематики, строя речи. В пражском хоре голос Е.Гессена был своего рода «парижской» нотой. Он сразу поразил товарищей по содружеству и был воспринят как нечто новое.

Ирина Бем вспоминает: *«Помню выступления Женечки (как его все называли) Гессена, который, слегка раскачиваясь, глуховатым*

голосом, нараспев читал свои всегда особенные, всегда музыкальные и на фоне скитских такие простые и запоминающиеся стихи <...>.

Стихи Гессена пользовались большой популярностью и среди посторонних слушателей. Многие их переписывали и заучивали наизусть»¹³.

В.Ходасевич писал об альманахах «Скита»: «...Поэты даже и во всех трех альманахах вместе представлены таким незначительным количеством стихотворений, что все еще остаются для нас более или менее незнакомцами. Судить о них на основании имеющегося материала было бы, вероятно, прежде-

FEDERACE ŽIDOVSKÝCH OBČÍ V ČESKÉ REPUBLICE		
P. O. B. 297 110 01 Praha 1		
Náše značka:	Vaše značka:	V Praze dne:
ÚSTŘEDNÍ KARTOTÉKA — TRANSPORTY.		
№ 47728		
Hesse, Evžen		
23. 1. 1910		
Rodná data:		
Adresa před vyjetím: Praha V. Bílkova 3		
1. transport	2. transport	
dne: 14. 9. 1942.	dne: 28. 9. 1944	
16	Ek- 51	
10.	číslo: Usvětím	
do:		
FEDERACE ŽIDOVSKÝCH OBČÍ V ČESKÉ REPUBLICE 110 01 Praha 1, Malbetská 18		
Tel.: 00422/24 81 01 30 /24 81 10 90	Bankovní spojení: Česká spořitelna Přílišká 9, Praha 1 Č. účtu 6060533 - 018/0800	Devizové konto: Živnostenská banka Praha 1, Na příkopě 20 No - 3483 - 6034
Fax: 00422/24 81 09 12		IČO: 438 341

Документ из картотеки пражской еврейской ратуши, в котором указаны даты отправки Евгения Гессена в Терезин (14.9.1942) и в Освенцим (28.9.1944)

временно, а может быть и опрометчиво. Сейчас наиболее обещающими поэтами "Скита", кроме Головиной, кажутся нам Э.Чегринцева, Евгений Гессен, Татьяна Ратгауз¹⁴.

Как сказал в одном из стихотворений сам Гессен, для него «писать стихи» — значит «думать стихами», и думать не на возвышенные темы, а о самых повседневных вещах: «о том, что в комнате угрюмо, что шумно в городе чужом» и т.п... Даже столь привычно «высокая» тема, как любовь, раскрывается в его стихах предельно буднично. Не слишком богатые новизной рифм и образов, стихи Гессена между тем звучат как глубокая поэтическая исповедь, почти всегда бесприсветно трагическая, наполненная не декларативной, а подлинной человеческой печалью.

Например:

Ты бровь подводишь напевая,
А жизнь итоги подведет,
И ни моя, и никакая
Любовь тогда уж не спасет...

(Алисе З. «Журнал Содружества». 1937. №3)

Или:

И в печке угли догорают,
А солнце нагло бьет в стекло.
Такой весной умирают
Без повода, себе назло...

(Алисе З. Апрель 1936 г. Из неопубликованного)

О глубокой любви Гессена к русской классической поэзии и прекрасном знании ее говорит задуманная им «Антология», план которой помещен в одной из его тетрадей. Гессен подразделяет этот план на три части, его первая часть — «О самом главном» — это список из 19 стихотворений Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Блока, Ахматовой, Анненского. В последующих разделах классики уже потеснены стихами современников Гессена и даже «скитовцев», рядом с Фетом, Лермонтовым, Блоком, Гумилевым и Пастернаком, вперемежку с ними — Штейгер, Чегринцева, Поплавский и даже юная Ирина Бем. Очень многим стихотворениям самого Гессена предшествуют эпитафии, чаще всего из Пушкина, Лермонтова и Блока. Во многих стихотворениях Евгения Гессена сквозят скрытые или непосредственные отзвуки стихов любимых поэтов. Так, за строками «Когда тоска шершавой ставней / Придавит иссушенный

ум...» легко просматривается ритмический рисунок блоковского «Когда в листве, сырой и ржавой, / Рябины заалееет гроздь...». Весьма вероятно, этим же стихотворением Блока навеян и эпитет «шершавый». Еще чаще слышатся в стихах Е.Гессена отзвуки пушкинских строк и образов. Например, явно не без воздействия Пушкина у Гессена «заря прощается с зарей» (стихотворение «Расставанье»); пушкинское послание А.П.Керн вспоминается, когда читаешь у Гессена «в уединенье, без красоты...»; прямой отзвук Пушкина слышится в первоначальном варианте первых строк стихотворения: «Жизнь идет, и каждый день уносит / часть надежды...» (см. у Пушкина: «...и каждый день уносит частицу бытия»). Пытаясь освободиться от этой зависимости, поэт записывает новый вариант первой строки: «Жизнь идет. И каждый день – потеря...», уже очень далекий от пушкинской. И таких скрытых или явных цитат, особенно из Пушкина, в стихах Гессена немало.

В стихотворении «Чужие слова» поэт открыто декларирует:

Когда тоска шершавой ставней
Придавит иссушенный ум
И все слова тревоги давней
Размочит душевной крови шум,
Тогда беру слова чужие
И обнажаю голос мой,
Стихи застывшие, немые
Стараюсь напоить собой...

(«Меч». 1935. №6/39/)

О том же процессе отгалкивания от «чужих слов» (сознательного отталкивания, а не эпигонства!) он говорит и в стихотворении «С тобою – от каждого касанья...»:

Когда же судьба благосклонна,
И ждут только слова ресницы,
Как птицы – встречного ветра,
Тогда в досадном смятенье
Чужими словами играю,
Боясь слишком верного звука,
Слишком полного эха.

(«Новь». 1935. С.28)

Поэзия Гессена – переключка с любимыми поэтами, вечный «разговор» с ними, разговор «на равных», ради чего он и «обнажает голос свой».

Творческий путь Евгения Гессена был прерван в самом начале, он писал стихи всего 5–6 лет и погиб совсем молодым, чуть старше тридцати лет. Тем не менее и начало этого пути говорит о том, что зарубежная русская литература потеряла в нем талантливого поэта¹⁵.

Впрочем, лучше предоставим слово самому Евгению Гессену.

Приведенные ниже стихотворения публикуются впервые. Они хранятся в архиве А.Л.Бема (LA PNP. PB. Kart.17. Gessen Jevgenij. Iz archiva /najdeno u A.L.Bema/. Opis versu.).

Страшна любовь, когда надежды нет,
А все яснее в глубине ночей,
Что ничего не стоит целый свет
В сравненьи с грустью дорогих очей.
Еще страшней свободы пустота,
Когда остыл губительный недуг,
И не ревнует больше лучший друг,
И больше не волнует красота.
(Без даты)

* * *

К Алле Головиной

Еще средь нас, но вся уже ты там,
Как пламя тянешься и таешь в нетерпенье,
Еще привычным верим мы словам,
Как верят выраженью сожаленья,

Еще мы дышим трепетом твоим,
Еще живем одним с тобою хлебом, —
Но чаще смотрим в страхе и молчим,
И голос твой — как бы с чужого неба.

Очнемся и забудем место, час,
Но ты такую нам нужнее хлеба будешь.
А ты, пожалуй, и не вспомнишь нас,
Ты и себя, какой была, забудешь.

10 июля 1935 г.

* * *

Зачем стихами заниматься,
Когда в траву так просто лечь,
Под солнцем ленью наливаться,
И черной боли не беречь,
И в сумерках не волноваться.

(2 сентября 1935 г.)

Открыть окно и захлебнуться
От непосильной простоты.
Не лучше ли в себя вернуться:
Туда, где так обжился ты?
Судьба, судьба! Оставь угрозы,
Напрасно сердце не страши.
И спор меж музыкой и прозой
Ты лучше сразу разреши.
Еще безмолвная минута —
И больше вынести нельзя
Посягновение уюта
На совершенства бытия.

(1937 г.)

* * *

Сегодня утром я проснулся
И вдруг увидел, что весна.
И так невольно улыбнулся
Навстречу возгласам окна.
И разве может кто ответить
На это языком людским?
Нет ничего страшней на свете
Проснуться радостным таким.

(1937 г.)

* * *

Алле Головиной

Как хорошо бывает знать,
Что нам дано воображенье,
Чтоб целый мир в себе рождать —
Самим себе на удивленье.

И в этот мир входить, как в лес,
Где все, как в сказке, неизвестно,
Где столько всяческих чудес,
Что с непривычки прямо тесно.

И в этой страшной тесноте —
Все слаще — встреча вслед за встречей.
Все, все земное... Но не те —
Земли наскучившие речи.

А после — снова пустота.
(Где больше: в сердце или в мире?)
И словно сразу прожита
Жизнь целая — вот тут, в квартире.

13 апреля 1938 г.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.5. С.5.

² Подробнее о нем см.: *Валерий Гессен*. Иосиф Гессен: юрист, политик и журналист // *ЕВКРЗ*. Т.2. С.520–554.

³ Там же. С.542.

⁴ Там же. С.544.

⁵ Подробнее о нем см.: *Любовь Белошевская*. Пражский «Скит»: попытка реконструкции. *Rossika* 1/96. Praha, 1996. S.61–71.

⁶ Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze (далее – LA PNP). Pozůstalost: Alfred Ljudvigovic Bern (далее – PB). Kart. 17. Gessen Jevgenij. Biografické poznámky.

⁷ LA PNP, PB. Kart.17. Gessen Jevgenij, Dopis Morkovina Vadima Národnímu muzeu – Praha z roku 1951 (письмо написано по-чешски, перевод мой. – *В.К.*).

⁸ *Н.Н.Терлецкий*. Письмо О.М.Малевичу от 20.11.1992 // Личный архив О.М.Малевича.

⁹ LA PNP P.B. Kart.11. Morkovin Vadim. Gessenovi Sergeji Iosifovici z roku 1947.

¹⁰ LA PNP P.B. Kart. 20. Gessen Evgenij: Mysli (literárníj dnevník) Opis literárního demku z let 1931–1942.

¹¹ Ibid. Kart.3. Gomolický Lev. Bemovi Alfredu L. 58 dopisu z let 1926–1941.

¹² Ibid. Kart.20. Skit poetov: zapsánfk ze schůzi z let 1932–1940.

¹³ Институт русской литературы (Пушкинский дом) в С.-Петербурге. Отдел рукописей. Р.1. Оп.2. №533. И.А.Бем (Голик). «Скит поэтов» в Праге. С.4.

¹⁴ *Ходасевич Владислав*. Книжки и люди («Любовь вторая», «Скит»). Переводы Владимира Слободкина // *Возрождение*. Четверг. 22.08.1935. С.3.

¹⁵ О Евгении Гессене см. также: *Морковин Вадим*. Воспоминания. // *Русская литература*. 1993. №1; *T.Reiser Bern. Ukradene Stesti* (II) in: Václav Veber i kol. *Ruska a ukrajinska emigrace v CSR v letech 1918–1945. Sborník studií* 3. S.79.

В оккупированном Париже (Крупницы почти детских воспоминаний)¹

Никита Струве (Париж)

Вторая мировая война совпала с моим выходом из детства и его ускорила. В окружении моих родителей, среди их завсегдатаев, находилось много евреев, как, впрочем, и в каждой эмигрантской культурной семье. Вероятно, в моем сознании понятие *еврей* сформировалось с первыми принятыми противоеврейскими мерами, которые не заставили себя ждать. Вначале им было оказано моральное противодействие: хозяин магазина одежды на соседней с нашим домом улице поместил в витрине, в знак протеста на ограничительные меры, все полученные им французские отличия; останавливающиеся прохожие комментировали сочувственно. Появилось предписание евреям регистрироваться, регистрировавшимся – носить желтую звезду (что во мне вызывало зависть: а не выдадут ли знак отличия и для выходцев из русских), носителям звезды – ходить в магазины в определенные часы, а в метро садиться только в последний вагон. В моем классе один товарищ, таясь, показал мне звезду, и с того времени я стал его сопровождать в метро и магазины. В скором времени он перебрался в «свободную» зону. Другой товарищ по классу, звезду не носивший, во время облавы 43-го года был вместе с семьей арестован и из лагерей не вернулся. Французские полицейские, пришедшие их забирать, дали полчаса на сборы, а сами удалились (что бывало нередко). Но воспользоваться лазейкой семья не решилась, видимо, не веря в лагеря смерти.

Из близких к семье евреев вспоминаются особо двое публицистов, почитателей и сотрудников моего деда Петра Бернгардовича², Исаак Осипович Левин³ и Петр Яковлевич Рысс⁴. Облик их был не схож, как и не схожи оказались их судьбы. Левин сотрудничал еще до революции в известном журнале моего деда «Русская мысль», освещая внешнюю политику. Он был историком, точнее геополитиком, написал работу о французской эмиграции в России, а в 1937-м издал по-французски, которым прекрасно владел, книгу о Монголии. Сохранилось его письмо об этой книге к деду, приведу его здесь:

22.4.37. Дорогой Петр Бернгардович, получил вчера Ваше

письмо. Сегодня я был в издательстве и просил послать Вам экземпляр книги, сказав, что Вы можете написать о ней в югославской печати. Книга Вам будет послана, и Вы, я надеюсь, получите ее на днях. Рад буду узнать Ваше мнение о ней. Меня теперь очень терзает мысль, что я, по оплошности, в главе, трактующей о периоде, предшествующем войне, не цитировал некоторых документов, недавно обнародованных, хотя я эти документы и знал. Книга была сверстана скорее, чем я ожидал, и я не успел включить в нее ряда фактов, которые я еще собирался внести в первоначальный текст. Во всяком случае прошу написать мне Ваше мнение вполне объективно, не считаться с моим авторским самолюбием. Надеюсь, что Нина Александровна (жена П.Б.Струве. – Н.С.) даст мне знать, когда она придет сюда, для меня будет большой радостью ее повидать. Всего Вам хорошего, И.Левин.

Был он вдов, воспитал сына, которого своевременно отправил в свободную зону, жил одиноко, судя по всему, в большой нищете. Маленький, коренастый, заросший седым пухом, он был неопрятен и невзрачен, но светился умственной честностью и мудрой отрешенностью. Родители мои его подкармливали, он имел у нас журфикс, приходил раз в неделю обедать и подолгу сидел. Говорил тихим голосом, робко, весь казался неприспособленным к жизни. Вероятно, прописался, хотя «звезды» не носил. Забрали его в начале 1943 года, как свидетельствует первое письмо из лагеря под Парижем (Дранси) с просьбой прислать посылку

...как можно скорее. Я особенно нуждаюсь в хлебе и жирах. Пришлите мне также котелок для супа. Я в добром здравии и стал изучать испанскую грамматику...

Через две недели пришло второе письмо, помеченное 25.2.43, с извещением, что посылка получена:

...настроение хорошее, только, к несчастью, чтения мало. Если позволено посылать книги, пришлите мне что-нибудь по древней истории, «Божественную комедию» Данте или произведения греческих или римских писателей во французском переводе, но не кладите их в продовольственную посылку, чтобы не уменьшать ее веса... Обратитесь к отцу Дево, спросите его, нельзя ли предпринять какие-нибудь шаги в мою пользу. Да будет Богу угодно, чтобы мы встретились в не слишком далеком будущем...

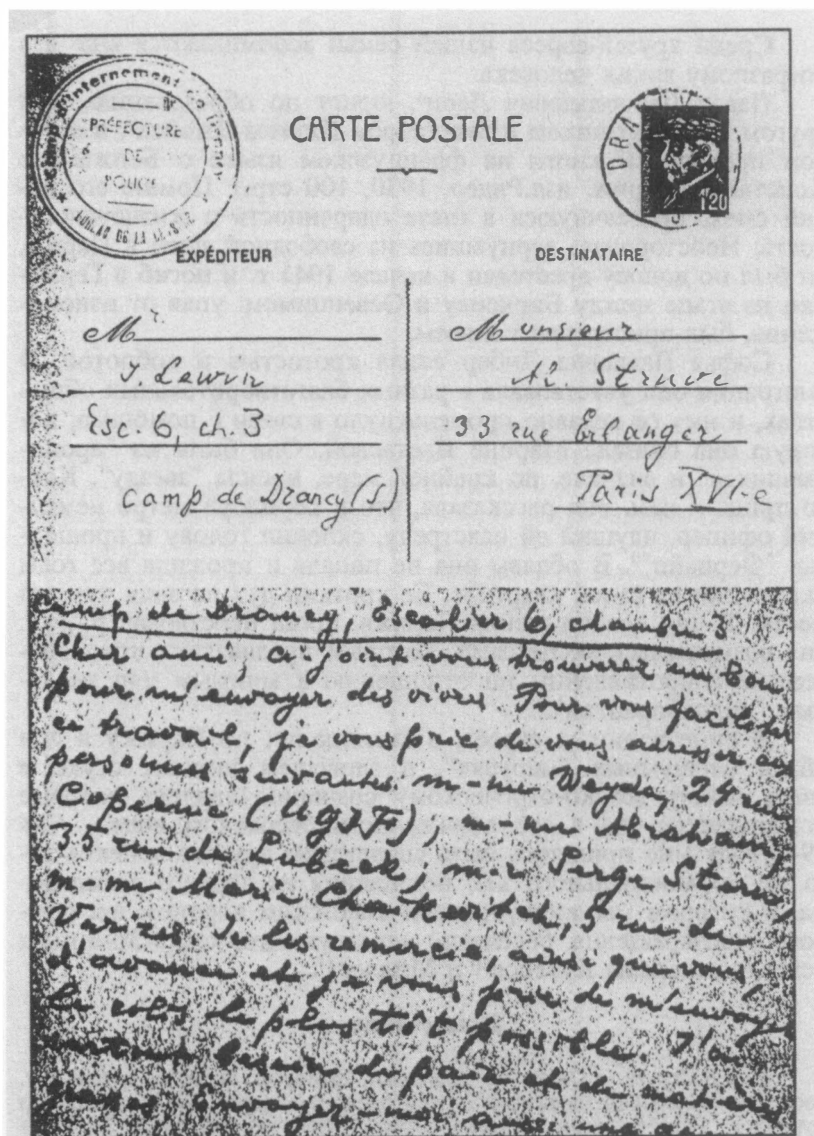
Но вскоре, от 1 марта, пришла открытка, в которой карандашом Исаак Осипович писал:

*Дорогой друг, нас известили, что мы завтра отправляемся в неизвестном направлении. Прошу поэтому мне больше ничего не посылать. Если я не вернусь, я Вас молю, когда война кончится, приложите все усилия, чтобы разыскать моего сына (и моих сестер), и дайте им знать, как я прожил после его отъезда. Действуйте согласно письму, которое я Вам послал. Я Вас обнимаю, Ваших родителей и общих друзей от всего сердца. До свидания!*⁵

С тех пор Исаак Осипович о себе уже не давал знать, когда и где точно он погиб, нам осталось неизвестно.

Петр Яковлевич Рысс был иного облика и склада, не исследователь, а бойкий политический журналист. Красивый лицом (помню его заостренный профиль), он был речист, несколько красноречив (любил присочинять), разносторонне образован (любил похвастаться своими знаниями). Бездетный вдовец, он женился вторично на простенькой, даже несколько вульгарной француженке, что оберегало его от нищеты. Как и Исаак Осипович Левин, он придерживался умеренных взглядов, был единомышленником и поклонником Петра Бернгардовича. Приходил он к нам часто, а во время первых облав (о них почти всегда за несколько дней узнавалось) ночевал у нас на квартире (он, как вспоминает Берберова, был тогда не в ладах с женой⁶). В одну из таких тревожных ночей я услышал близко к утру повторный зловещный стук в дверь, но не в нашу, а в соседнюю, на той же площадке. На следующий день мы узнали, что соседом нашим оказался (правда, с недавнего времени) пожилой еврей польского происхождения, который в ту ночь и был увезен... Ввиду участвовавших облав Петр Яковлевич (тогда уже помирившись с женой) решил на улицу больше не выходить и жил в задней комнате в своей, вернее жениной, квартире, при занавешенных шторах, в полумраке. Это своеобразное, но не столь редкое в те времена затворничество длилось много месяцев. Мы его изредка навещали и пытались развлекать. Из одного такого посещения мне запомнилось, как он приводил изречение Блаж. Августина: «Кто говорит, что он любит человечество, тот человека-то и не любит». После освобождения он продолжал часто к нам заходить и оживлял наши обеды политическими беседами. После пережитого еврейский вопрос заслонил в его сознании русский вопрос, о котором он в начале эмиграции написал целую книгу («Русский опыт», Париж, 1922). Хоть он и избежал ареста, но конец жизни его был печальным. В 1947 году он заболел тяжелой формой уремии и умирал в госпитале, «как собака» (подлинные его слова ко мне), исхудавший

до неузнаваемости, брошенный женой, горько сетуя на свое полнейшее одиночество...

Открытка И.О. Левина из Дранси

Среди друзей-евреев нашей семьи вспоминаются еще два поразному ярким человека.

Павел Леопольдович Леон⁶, юрист по образованию, был другом, собутыльником и секретарем Джеймса Джойса⁷ и автором прекрасной книги на французском языке о Бенжамене Констане⁸ (Париж, изд-во «Ридер», 1930, 100 стр.). Помню его яркий смех, бросающуюся в глаза одаренность и жизнерадостность. Неосторожно вернувшись из свободной зоны в Париж, он был по доносу арестован в начале 1941 г. и погиб в Германии на этапе между Биркенау и Освенцимом: упав от изнеможения, был пристрелен конвоем.

Софья Павловна Либер сияла кротостью и добротой. В эмиграции она участвовала в разных благотворительных обществах, и имя ее недавно промелькнуло в связи с помощью, которую она оказала Марине Цветаевой. Она была из «прописавшихся» и вначале, по крайней мере, носила «звезду». Как-то придя к нам, она рассказала, что в коридоре метро немецкий офицер, идущий ей навстречу, склонил голову и прошептал: «Ферцайн»⁹. В облавы она не попала и прожила все годы оккупации на своей квартире. Ее кроткий дух не знал чувства мести. В дни освобождения Парижа, когда царствовал разгул, она возмущалась эксцессами, которым предавались новоиспеченные сопротивленцы по отношению к мнимым или реальным «коллаборантам»...

В лице гонимых евреев, в скользящих по Парижу в дни облав бесшумных «марусях», в зловещем ночном стуке в дверь моему детско-отроческому сознанию явилось впервые историческое зло в его обнаженном, бесовском виде... А в 1945 году мне пришлось быть свидетелем другого аспекта того же иррационального зла: похищения из первого этажа дома, в котором мы жили, черным советским вороном несчастного невозвращенца, бесследно исчезнувшего, как в 30-е годы исчезли генералы Кутепов¹⁰ и Миллер...¹¹

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.5. С.16.

² П.Б.Струве (1870–1944), экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», затем один из лидеров кадетов, редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль». Участник сборника «Вехи»; в эмиграции редактор газет «Возрождение», «Россия», «Россия и Славянство». В 1941 г. был арестован немцами в Белграде, но вскоре выпущен. Последние два года жил в Париже.

---

³ И.О.Левин (1876–1944), международный обозреватель в «Русских ведомостях», «Русской мысли» и др. изданиях. В эмиграции – сотрудник «Руля», «На чужой стороне», «Русских записок».

⁴ П.Я.Рыс (около 1885–1947 или 48), кадет, журналист, историк, мемуарист, один из редакторов газеты «Борьба за Россию» (Париж, 1926–1931). Сотрудничал в «Еврейской трибуне». О нем есть по несколько упоминаний в каждом томе ЕВКРЗ – см. указатели имен во II и IV томах.

⁵ Выдержки из писем приводятся в переводе с французского.

⁶ Берберова Н.Н. Курсив мой. Мюнхен, 1972. С.513.

⁷ П.Л.Леон (1895–1942). В Музее Джойса в Дублине имеется архив П.Л., депонированный его сыном Алексеем.

⁸ Джеймс Джойс (1882–1941), англ. писатель-авангардист. Роман «Улисс» – первое произведение «потока сознания».

⁹ Ферцайн – сокращенное от нем. «Ferzeihung» – «Простите».

¹⁰ А.П.Кутепов (1882–1930), командир корпуса в деникинской и врангелевской армиях. С 1928 г. председатель эмигрантского Русского общевосточного союза.

¹¹ Е.К.Миллер (1867–1937), генерал-губернатор и главнокомандующий войсками Северной области в Гражданскую войну. Председатель эмигрантского Русского общевосточного союза с 1930 г.

Автографы Компьеньского концлагеря¹

Светлана Малышева (Казань, Татарстан, Россия)

Ранним утром 22 июня 1941 года, когда отсчитывала первые часы война фашистской Германии против Советского Союза, в Париже и его пригородах прошли аресты российских эмигрантов. В этот день, по разным сведениям, было арестовано от нескольких сотен до тысячи бывших российских подданных, среди которых было немало евреев². В основном это были представители творческой и научной интеллигенции, политические и общественные деятели эмиграции. Такой отбор кандидатов для заключения в концентрационный лагерь наводил современников на мысль о существовании заранее заготовленных списков. В частности, Н.Н.Берберова предполагала, что аресты проводились по спискам эмигрантских масонских лож, предоставленным оккупантам русскими национал-социалистами³. Осенью 1941 года в «*Journal officielle*» действительно были опубликованы списки 14 тысяч жителей Франции, якобы являвшихся масонами. Однако, по оценке исследователей, от силы 50–60 человек из этого списка имели отношение к ложам⁴. Кроме того, далеко не все эмигранты, интернированные 22 июня в Париже, были причастны к масонству. Вероятно, в списки на аресты просто включались наиболее видные представители культуры, науки, общественно-политической жизни Российского Зарубежья.

Арестованных увезли в созданный недалеко от Парижа «Фронт-Сталаг 122» – концлагерь в городе Компьень. Там, где когда-то была поставлена точка в Первой мировой войне, для многих эмигрантов из России начался скорбный путь через горнило Второй мировой войны.

В жаркие и тревожные дни лета 1941 года за колючей проволокой «Сталага 122» появились на свет интереснейшие человеческие документы – самодельные «грамоты», которыми эмигранты наградили своего товарища по заключению. Несколько слов об адресате этих посланий, благодаря которому «грамоты» дошли до наших дней, проделав долгий и непростой путь из лагеря в Компьене до берегов Волги.

Человек, чью «энергичную деятельность и язвительный язык», скрашивавшие тяготы заключения, так единодушно воспевали узники Компьеньского лагеря, – известный историк права, ученик

одного из выдающихся представителей «государственной школы» В.И.Сергеевича – Дмитрий Михайлович Одинец (1883–1950), профессор Сорбонны, Франко-русского института и Русского народного университета. В течение пятнадцати лет (1925–1940) он возглавлял крупнейшее книжное собрание Русского Зарубежья – Русскую общественную библиотеку им. И.С.Тургенева в Париже и до последнего – до самой отправки «Тургеневки» в Германию – противостоял требованиям эмиссара германского министра Альфреда Розенберга – доктора Гельмута Вайса передать библиотеку Третьему рейху⁵. В конце войны Одинец, стоявший на патриотических позициях, стал одним из руководителей, а позже – главой «Союза русских патриотов» (потом – «Союз советских граждан») во Франции; 12 февраля 1945 года он в качестве руководителя этой организации примет участие в наделавшем много шума в эмиграции визите группы В.А.Маклакова в посольство СССР для поздравления с победами советского оружия.

Деятельность «Союза советских граждан» после войны по вполне понятным причинам привлекла пристальное внимание французского правительства и спецслужб, и в марте 1948 года в составе второй группы депортированных в советскую зону оккупации Германии (а оттуда – в СССР) бывших российских эмигрантов Д.М.Одинец покинул Францию⁶. Два года, вплоть до смерти от продолжительной болезни в мае 1950 года, Одинец жил в Казани, преподавал на историческом факультете Казанского университета. В библиотеке Казанского университета хранится его личный фонд, в составе документов которого и были обнаружены «грамоты» из Компьеня. Первая «грамота»⁷ датирована июлем 1941 года. Мы можем указать дату точнее – между 1 и 5 июля, так как среди автографов – подпись крупнейшего лидера мусульманской эмиграции Мустафы Чокаева (Чокай, или Чокай-оглы), который был освобожден через две недели после ареста⁸. На этом документе 28 автографов. На второй «грамоте»⁹ – от 4 августа 1941 года, – расписались 158 компьеньских узников, причем большинство указали и свои лагерные номера. Уникален рисунок на этой «грамоте» – цветной карандашный обзорный вид «Сталага 122». Это, как явствует из подписи, один из рисунков известного художника, графика, члена Ассоциации революционных писателей и художников, возглавлявшейся Р.Ролланом и П.Вайян-Кутюрье, – Сергея Фотинского. Другие его работы на темы концлагеря, французского Сопротивления хранятся в Музее живой истории в Монтре¹⁰.

Соседство многих имен на этих документах удивительно. Вероятно, это один из очень немногих случаев в истории Русского Зарубежья, когда под одним документом поставили свои подписи такие известные, игравшие ведущие роли в культурной, научной, политической жизни эмиграции личности, но настолько разнившиеся по своим устремлениям, идеалам, убеждениям, принадлежности к политическим партиям и направлениям, что объединить их могли, пожалуй, лишь чрезвычайные события лета 1941 года и особая обстановка Компьеньского лагеря. Атмосфера, царившая среди заключенных Компьеня, напоминала многим пожилым эмигрантам

Грамота 1

«Энергия творящая да не оскудеет...»

Дорогому Дмитрию Михайловичу Одинцу на память о дружно переживаемых днях общей беды, скрашиваемых его энергичной деятельностью и язвительным языком.

Лагерь №122

Июль 1941.

Камера № 8.

А.Цейтлин	(?)	Анатолий Князихин
В.Цейтлин	В.Бургин	А.Альперин
Вл.Зеелер	Шлейфер	М.Чокай
И.Кривошеин	Норейдерс	(?)
Др.И.Чепунов	Соркин	Г.Алания
С.Шварц	Яров	А.Киселев
И.Бунаков	Микола Ша-	О.Норейдерс Ф.Смолян
(?)	Израиль Наф-	
	И.Лазар	Ал.Мозжухин
	(?)	В.Костицын

незабываемые студенческие годы, петербургские студенческие сходки и споры: *«У нас в Компьене, – вспоминал очевидец, – на открытом воздухе устраивались замечательные лекции, политические диспуты»*¹¹. Недаром заключенные, многие из которых до войны преподавали в Русском народном университете и других вузах Парижа, окрестили Компьеньский лагерь «Народный университет Фронт-Сталаг 122».

и другие российские фамилии. К сожалению, не все они поддаются расшифровке. Назовем лишь некоторые из имен, которые нам удалось расшифровать¹²: это русские аристократы – князь Владимир

Грамота 2

Фронт-Сталаг 122

4-8-41

г. С.Фотинский

Дорогому Дмитрию Михайловичу на память
о «Народном Университете Фронт-Сталаг 122»

Кн. Романовский-
Красинский №119

Др.И.Чепунов

(?) 655

Л.Билецкий 1220

Граф

Сергей Игнатьев №146

Вл.Зеелер 172

Ник.Нидермиллер

М.Курочкин

Л. Зандер 420

А.Комленков 747

И.Шлемензон

(?) 1233

(?)

С.Чохотин

Г.Биссель 1215 (?)

(?) 1129

Ф.Пьянов

1315 микроорганизмов

(?) 185

И.Бунаков

48 В.Нестеров

424 М.Виноградов

(?) 803

423 Л.Виноградов

Л.Калубренин

194 420 Зандер

Северков 502

Дилонский 61

(?) 471

(?) 333

В.Костицын

Славский

Собачинский

Доминик

(?)

(?) 345

Зайдельзон

Иозеф 526

Елачич 665

И.Аванесов 525

И.Янчук 188

И.Коган 152

(?) 207 192

(7) 83

112 П.Финисов

Ризваков 472

Газарьян 577

Красильников 354

Мочульский 566

В.Цевчинский

Лазарев 210 (?) 205

346 Н.Надяев 429

Куликовский 639

Александрович Романовский-Красинский (сын великой балерины Матильды Кшесинской и двоюродного брата Николая II – великого князя Андрея Владимировича) (лагерный номер 119) и граф Сергей Алексеевич Игнатьев (брат советского генерала А.А.Игнатьева)

Грамота 2 (оборот)

Ю.Ганцель 63 Яров 133	Сергей Ментан 815	Бланк 355
Морозов 108 В.Цейтлин 157	Свенсон 57	(?) 350
(?) 954 А.Цейтлин 158	С.Шварц 156	
(?) 140		(?) 768
Л.Райсфельд 100 (?) 334	Л.Бондер 36	(?) 661
А.Улин 96 Альперин 465	Г.Бондер 40	(?) 356
(?) 23 Соркин 101	М.Рувинский 21	И.Финкельштейн 169
Петулов 772 С.Шлейфер 163	В.Кернер 94	(?) 176
Барбариго И. 182 (?)	Эмиль Кернер 97	Копелевич 679
Ястремский 181 В.Бокитко 7	И.Кернер 93	Бенберг 781
Хазан 344 (?) 421	(?) 1243	Острах 662
(?) 1165 Юрий Черкесов 54	Мишель Мили?овский	
336 И.Адамович 14		
Нурлов 135 Мишель Кагшан 129	И.Кельберин 676	Найшулер 287
(?) 90 (?)111	И.Рискин 121	С.Зоркий 104
(?) 27 Н.Величко 128	(?) 793 Н.Немироцкий 14	
(?) 142	М.Патей 812	Л.Макаров
А.Михайлов 144		Каган 1149
(?)		
А.Муренко	(?) 1153	(?) 422
(?) 109	Чарный 1244	В.Норейдерс 44
(?) 1049 Бурштейн 669	С.Шварц 9	
Левков 1053	Ф.Нек 69	Анатолий Князихин
Сидорович 1050 Александр Черкесов 55		А.Киселев 89
(?) 1238 Г.Дейша	(?) 461	О.Норейдерс 43
(?) 1056 Л.Михайловский 1163		
	иерей Константин Замбрицкий 14	
(?) 1059 Марков 417	Мих. Сибиряков 12	
Гатковский 1055 Л.Петров 1135	Алекс.Поляков 37	
(?) 374 И.Вашеткин 1111	П.Бобринский 15	
(?) 1148 А.Токарев 418	Емельянов 71	
Сергей Кохан 375 Бенедикт Козлов 392		
С.Ейнох 462 Аметистов 425		П.Гершун 150
(?) 427	(?) 369	

(146); бывший денкинский министр, секретарь Парижского союза русских писателей и журналистов Владимир Феофилович Зеелер (172); известный юрист, адвокат Николай Георгиевич Нидермиллер (зять В.Ф.Ходасевича); крупный микробиолог и один из идеологов сменовеховства Сергей Сергеевич Чахотин; писатель,

активист Земгора, сотрудник матери Марии по «Православному делу» Ф.Т.Пьянов; член ЦК партии эсеров и член Учредительного собрания, один из редакторов «Современных записок», публицист и журналист Илья Исидорович Бунаков-Фондаминский; литературовед и критик Константин Васильевич Мочульский (№566); адвокат, отец известного поэта и пианиста Лазаря Кельберина, Израиль Павлович Кельберин (№676); писатель и журналист, сотрудник газеты «Возрождение» Петр Андреевич Бобринский (№15); писатели – представители младшего поколения литературы эмиграции Л.Райсфельд (№100) и В.Н.Емельянов (№71); сотрудник милюковских «Последних новостей» и фактически секретарь редакции этого издания – Александр Абрамович Поляков (№37); будущие известные участники Сопrotивления – инженер Игорь Александрович Костицын; лидер мусульманской эмиграции из России Мустафа Чокаев, известные художники – Ал.И.Мозжухин, уже упоминавшийся Сергей Фотинский, ученик К.С.Петрова-Водкина, график и живописец Юрий Юрьевич Черкесов (№54), живописец и художник кино Савелий Шлейфер (Шлайфер) (№163), архитектор, художник театра и кино Янкель Гатковский (Готковский; №1055) и многие другие.

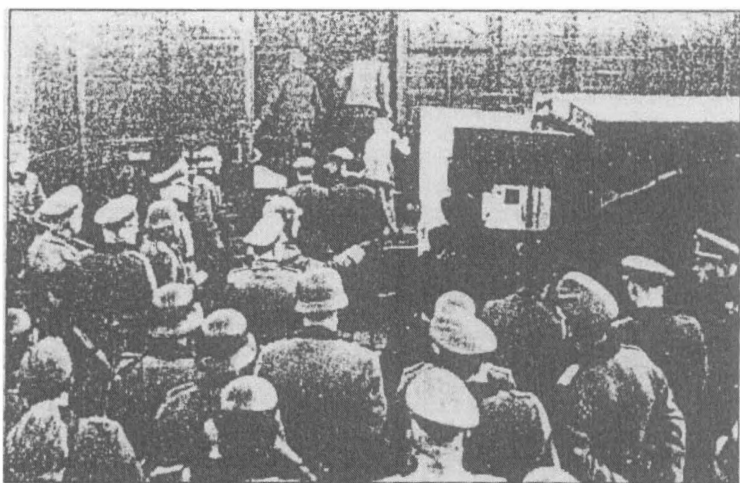
Некоторые эмигранты, расписавшиеся на этих лагерных раритетах, были освобождены через несколько месяцев (как Д.М.Одинец, благодаря чему «грамоты» и сохранились), другие – через год и более. Но для многих – И.И.Бунакова-Фондаминского, Л.Райсфельда, С.Шлейфера, Я.Гатковского и других – путь из Компьена лежал на Голгофу лагерей Дранси, Бухенвальда, Аушвица.

Комментарии редакции

Лагерь Компьень (Compiègne) – один из созданных в 1941 г. на территории Франции лагерей для интернированных гражданских лиц, в основном евреев. Судя по документам, с декабря 1941 г. он был превращен в транзитный лагерь для евреев – граждан Франции и других стран, отправлявшихся в лагерь уничтожения.

В архиве Яд ва-Шем имеется около 30 документов, относящихся к Компьеню. В частности:

- 1.Ведомственная переписка немецких учреждений и сообщения о депортации узников в концентрационные лагеря.
- 2.Свидетельские показания узников лагеря.
- 3.Сведения об оказании помощи узникам лагеря со стороны международных организаций: Красного Креста, Молодежной христианской организации, Объединения изразлитов Франции (UGIF).

Посадка депортированных в железнодорожный состав

Наиболее ранним документом является «Отчет о 1500 евреях, арестованных в Париже в декабре 1941 г., и отправке их в лагерь Компьень» (09/53).

Обращает на себя внимание переписка между Главным имперским управлением безопасности, МИД Германии и посольством Германии в Париже об отправке 6 тысяч евреев из Компьеня в Аушвиц (Освенцим) – TR.2.№G24, №11/205/G, JM.2012, NG.24, №11/1009/E, 051/86.4.

Материалы на немецком, французском, английском и итальянском языках.

Информация о лагере Компьень обнаружена нами в книгах:

1. *Klarsfeld Serge*. Les transferts de Juifs de la région de Drancy ou de Compiègne en vue de leur déportation 11 août 1942 – 24 juillet 1944 (Трансфер евреев из района Дранси и Компьеня в связи с их депортацией с 11 августа 1942 по 24 июля 1944 года). Год и место издания не указаны.

2. *Klarsfeld Serge*. Memorial to the Jews Deported from France (1942–1944). N.Y. Год издания не указан.

3. *Bernadag Christian*. Le train de la mort (Поезд смерти). Paris, 1970. В книге описана история трансфера 2 июля 1944 более 2000 евреев из Компьеня в поезд № 7909 для скота. При жаре 34 градуса подача воды в вагоны (до ста человек в каждом) была запрещена. По прибытии поезда в нем оказалось 536 трупов. В книге приведены списки лиц, поступавших в лагерь; указаны составы с узниками, отправленными из Компьеня; списки вывезенных в эшелоне, названном «поездом смерти», погибших и оставшихся в живых.

4. *Bundesgesetzblatt* (германский вестник законодательства). 1977. №64// La mappa dell'inferno (Карта ада). Carnago (Varase). Italia. 1993. Книга представляет собой справочник о немецких лагерях смерти.

Редакция благодарит Арона Шнеера, сотрудника музея Яд ва-Шем, за большую помощь в поиске указанной информации.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.5. С22.

² Н.Берберова указывает на арест 120 «русских масонов», Л.Любимов называет число арестованных – несколько сотен, а И.Кривошеин утверждает, что было арестовано около тысячи эмигрантов. См.: *Берберова Н.Н.* Люди и логи. Русские масоны XX столетия // Вопросы литературы. М., 1990. №3. С.216–217; *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1979. С.294; *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972. С.268–269. Судя по лагерным номерам в приводимых нами документах, ближе к истине был Кривошеин.

³ *Берберова Н.* Указ. соч. С.217.

⁴ *Старцев В.* Российские масоны XX в. // Вопросы истории. М., 1989. №6. С.37.

⁵ *Фирсов Г.Г.* Тургеневская общественная библиотека в Париже. //Русская литература. 1968. № 4. С.86; *Кнорринг Н.Н.* Гибель Тургеневской библиотеки в Париже // Простор. 1961. №8. С.125.

⁶ Известия. 1948. 20 марта.

⁷ Научная библиотека им. Н.И.Лобачевского (Казань). Отдел рукописей и редких книг (далее – НБЛ ОРРК). Ф.З. Оп.1. Ед. хр.58. Л.1.

⁸ *Чокай-оглы М.* Туркестан под властью Советов. Алма-Ата, 1993. С.115–116.

⁹ НБЛ ОРРК. Ф.З. Оп.1. Ед.хр.58. Лл. 2, 2 об.

¹⁰ *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб., 1994. С.479–480.

¹¹ *Чокай-оглы М.* Указ. соч.

¹² При расшифровке автографов использованы сведения: *Генкина М.* Художники Русского Зарубежья – жертвы Катастрофы // *ЕВКРЗ*. Т.3. Иерусалим, 1994; *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Указ. соч.; *Кривошеин И.А.* Указ. соч.; *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Н.-Й., 1956; *Берберова Н.* Указ. соч.

Роалд Хофман – спасенный узник нацизма¹

Арон Черняк (Хайфа)²

Роалд Хофман
(1990 г.) Фото Евы Хофман

Полтора миллиона еврейских детей погибли от рук нацистских палачей в годы Второй мировой войны. Время от времени в литературе можно встретить такое высказывание: может быть, среди них были будущие Эйнштейны и Гейне. Могло ли быть такое? Этого никто и никогда не узнает. И все же перед нами не только летучая фраза. Она близка к истине, ибо отражает извечное, неистребимое влечение еврейского народа к познанию, к учению, к новому. И еще можно прочитать такое, леденящее душу: двенадцатилетний еврейский мальчик, узник нацистского концлагеря, который знал, что обречен на гибель, сожалел

лишь об одном: о том, что он уже никогда больше ни о чем не узнает... Сколько их было таких – любознательных, одаренных, талантливых?..

В 1991 г. поэт Наум Коржавин опубликовал свою «Поэму существования». В центре ее – пятнадцатилетний еврейский мальчик, погибший в Бабьем Яре и не успевший осмыслить жизнь. В своей посмертной исповеди он говорит страшные слова:

*Ах, я умер намного раньше, чем стал собой,
Чем я что-то увидел, чем понял я в жизни что-то...*

И горестно изрекает: *Никем я не стал. И не стану.* А кем он мог бы стать? Не исключено, что таким же, как и его чудесным образом спасшиеся собратья: четырехлетний тогда Роалд Хофман, тринадцатилетний Эли Визель, семнадцатилетний Жорж Шапрак. Первый из них – лауреат Нобелевской премии по химии 1981 г.,

второй – выдающийся писатель и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира 1986 г., третий – лауреат Нобелевской премии по физике 1992 г. Три лауреата – спасенные малолетние узники нацизма – ныне широко известны во всем мире, гордость еврейского народа. Но они выступают от имени зверски умерщвленного НЕИЗВЕСТНОГО РЕБЕНКА, которому следует отдать такой же долг, как НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ. И это – своеобразный символ истории еврейского народа...³

10 декабря 1981 года. Швеция отмечает свой национальный праздник. Улицы Стокгольма полны гуляющих людей, царит радостное оживление, подняты государственные флаги. Начиная с 1901 г. так бывает ежегодно, за редким исключением, – торжественно отмечается церемония вручения Нобелевских премий по науке и художественной литературе. 27 ноября 1895 г. Альфред Нобель, славный сын шведского народа, написал свое знаменитое завещание об учреждении Нобелевских премий. День 10 декабря для вручения Нобелевских премий был избран не случайно, дата эта своеобразно закрепляла память об основателе этих премий. 10 декабря – день смерти Альфреда Нобеля и, по редкому совпадению, день рождения его отца, шведского изобретателя и российского промышленника Эммануила Нобеля. Завещая огромные средства на учреждаемые Нобелевские премии, он предусмотрел пять премий:

1. Часть тому, кто сделает крупнейшее открытие в области физики.
2. Часть тому, кто сделает важнейшее химическое открытие или усовершенствование.
3. Часть тому, кто сделает важнейшее открытие в физиологии или медицине.
4. Часть тому, кто создаст лучшие произведения изящной словесности идеалистического направления.
5. Часть тому, кто достигнет выдающихся успехов в деле борьбы за братство народов, упразднение или сокращение постоянных армий, а также за создание и упрочение Конгрессов мира.

Вряд ли нужно говорить о значении Нобелевских премий как высшей международной награды. И каждый раз, когда появляется очередной лауреат Нобелевской премии, благодарное человечество превращает его в предмет всемирного признания и почитания.

Возвратимся в день 10 декабря 1981 г., в Стокгольмский роскошный концертный зал, где размещается 1750 человек. Здесь происходит торжественная церемония вручения Нобелевских премий

года по науке и художественной литературе (Нобелевская премия мира вручается в этот же день в Осло). Уже много раз описана в литературе эта красочная церемония. И все же трудно удержаться, чтобы не привести еще одно, редкое описание. В 1933 г. И.А.Бунин был удостоен Нобелевской премии по художественной литературе, первым из российских литераторов. Вот как великолепно рисует он обстановку торжественного акта: «Зал этот удивляет своей высотой, простором. Теперь он весь декорирован цветами и переполнен народом: сотни вечерних дамских нарядов, в жемчугах и бриллиантах, сотни фраков, звезд, орденов, разноцветных лент и всех прочих торжественных отличий. В пять без десяти минут весь кабинет шведских министров, дипломатический корпус, Шведская академия, члены Нобелевского комитета и вся эта толпа приглашенных уже на местах и хранит глубокое молчание. Ровно в пять герольды с эстрады возвещают фанфарами появление монарха. Фанфары уступают место прекрасным звукам национального гимна, льющим откуда-то сверху, и монарх входит в сопровождении наследного принца и прочих членов королевского дома. За ним следует свита и двор... Открывает торжество председатель Нобелевского фонда. Он приветствует короля и лауреатов»⁴.

С тех пор мало что изменилось в этой церемонии. П.Л.Капица писал: «Несмотря на большие изменения в жизни науки, одна вещь осталась неизменной – это Нобелевская премия. Ее значение <...> общепризнано. Это следует рассматривать как выдающееся достижение шведских ученых, поскольку присуждение премий требует большой мудрости»⁵.

В 1981 г. премии вручал молодой король Карл XVI Густав. Один за другим к нему подходили семь лауреатов. И вот перед королем оказывается самый молодой из тех, кто сегодня удостоился высокой чести. Роалду Хофману, человеку спортивного вида, с живыми глазами, с пышной копной волос, недавно исполнилось 44 года, а выглядит он и вовсе юным – как-то необычно для лауреата Нобелевской премии. Тем более это вызывает бурный шквал аплодисментов присутствующих. Однако в этой атмосфере радости и ликования нашелся один человек, который не только радовался, но и плакал, и, кажется, последнее превалировало. Конечно, он пытался скрыть свои слезы. Очевидно, они лились от полноты чувств. Но кто был этот человек? Нет, он не был родственником нового лауреата, старым другом или близким знакомым. Он впервые увидел Р.Хофмана и впервые говорил с ним всего лишь несколько дней назад. Многолетний секретарь Нобелевского комитета шведский

барон Стиг Рамель много повидал и слышал на своем посту, и его трудно было чем-то удивить. Причина слез Стига Рамеля стала известна лишь через десять лет после описываемых событий, когда барон покидал свой пост в Нобелевском комитете, чтобы занять важную государственную должность. В этот момент его настиг ретивый корреспондент известного итальянского журнала «Эуро-пео» Энцо Магри, который добился интервью с новым государственным сановником Швеции. Текст интервью ввиду особого интереса к нему был перепечатан многими газетами мира, в том числе и русской «Литературной газетой»⁶. Вот отрывок из этого любопытного документа:

Э.Магри: Барон, есть ли... лауреат, судьба которого Вас особенно тронула?

С.Рамель: Можете сказать, растрогала до слез. Это химик Роалд Хофман, лауреат Нобелевской премии 1981 года. За несколько дней, что он провел в Стокгольме, мы с ним подружились, и я узнал его историю. Пяти лет от роду, он, ребенок, советский еврейский ребенок, попал в нацистскую облаву. Семья пряталась в каком-то чулане под лестницей, но немцы нашли ее и всех увели, а мальчика не заметили. В этом убежище он провел долгие недели и выжил только благодаря местным крестьянам: кто картофелину ему приносил, кто кусок хлеба, кто яблоко. Уцелевший в войну, но оставшийся сиротой, мальчик учился, а потом эмигрировал в Америку, где стал большим ученым. Когда король Швеции вручал ему премию, я плакал, думая о миллионах погибших на войне и о гениях, которые из-за нее так и не родились⁷.

В рассказе С.Рамеля допущены некоторые фактические неточности, но общую ситуацию, ее накал он передал верно.

Роалд (это необычное имя родители дали ему в честь знаменитого норвежского полярного исследователя Роалда Амундсена) родился 18 июля 1937 г. в небольшом польском городке Золочеве, который в 1939 г. был включен в состав Украины. Отец мальчика – гражданский инженер Гилель Шафран, мать – школьная учительница Клара Розен. Через несколько дней после начала войны городок был захвачен немецкими войсками, в июле семья оказалась в гетто, а скоро и в концентрационном лагере. В 1943 г. отец неизвестным образом сумел переправить жену и сына в маленькую деревушку, где они прятались в чулане заброшенной школы. Они

действительно выжили, благодаря тому, что никто из крестьян их не выдал, а наоборот, местные жители помогали им не умереть с голоду. Оставшиеся в концлагере члены семьи были уничтожены нацистами. А мать и сын находились под постоянной угрозой обнаружения и неминуемой смерти. Летом 1944 г. войска наступавшей Красной Армии освободили местность. Клара с Роалдом уехали в Краков. Здесь Клара вышла замуж за Пауля Хофмана, и усыновленный мальчик принял новую фамилию. Несколько лет семья скиталась по Австрии, Польше, Германии, переходя из одного лагеря для перемещенных лиц в другой.

В 1949 г. удалось переехать в Нью-Йорк. Роалд довольно быстро овладел английским языком (это был уже шестой его язык – после идиша, русского, украинского, польского, немецкого) и получил образование в школе с естественно-научным уклоном. Не сразу определились главные интересы юноши. Он завершил медицинское образование в Колумбийском университете в Нью-Йорке, в 1958 г. получил степень бакалавра, после чего специализировался по химии в Гарвардском университете. Но вскоре неумная жажда знаний приводит его в 1959 г. в старинный Упсальский университет в Швеции, где он углубленно изучал квантовую химию. Еще одно важное событие в жизни молодого ученого связано со Швецией. Он познакомился с Евой Берьессон. В 1960 г. они поженились и уехали в Гарвард. Однако через короткое время, в 1961 г., молодожены оказались в Москве. Нет, ничего необычного не произошло, просто Р.Хофман проходил стажировку на химическом факультете Московского университета в рамках обмена между советскими и американскими студентами и аспирантами. Здесь он сотрудничает с крупными учеными.

А в США его уже ожидает Гарвардский университет. Его привлекает к совместной работе крупный американский физикохимик Уильям Липскомб, будущий лауреат Нобелевской премии (1976), специалист в области квантовой химии. Вместе они начали исследования энергетических барьеров в органических молекулах, широко используя для расчетов компьютерную технику. Исследователи определили число электронов в изучаемой молекуле и на этой основе вычислили электронную структуру гидридов бора и полиэдрических (т.е. многогранных) молекул. С 1962 г. Хофман – обладатель степени доктора химии. Он получил стипендию Гарвардского университета для выполнения сложных и трудоемких научно-исследовательских работ. В этот период в жизни молодого ученого происходит важное событие: он начинает совместную работу с

американским химиком-органиком Робертом Вудвордом (1917–1979). Лауреат Нобелевской премии 1965 г., он осуществил синтез хинина, кортизона, витамина В₁₂ и других биологически активных веществ. Сотрудничество Вудворда и Хофмана оказалось на редкость плодотворным: Хофмана подкупали открытость старшего коллеги, научная смелость; Вудворд возлагал надежды на молодость Хофмана, на его научную дерзость. Под влиянием Вудворда Хофман принял нелегкое решение – отойти от исследований в области теоретической химии и всецело заняться актуальными, многообещающими проблемами прикладной органической химии. Он обратился к возможностям применения квантовой теории в химических экспериментах, к математическому описанию поведения частиц на атомном и субатомном уровнях. Как известно, квантовая теория была разработана преимущественно в 20-х гг. в трудах Луи де Бройля, Эрвина Шредингера и Вернера Гейзенберга. Вудворд и Хофман открыли законы, которые позволяли заранее предсказать продуктивность тех или иных химических реакций. Эти законы базировались на достижениях квантовой механики, а также на одной идее, которая была высказана еще в 70-х гг. XIX в. Суть ее сводилась к следующему: система стремится принять ту конфигурацию, при которой ее энергия была бы минимальной. В соответствии с этой закономерностью и была решена дилемма, возникавшая при течении химических реакций. Если продукты, полученные после реакции, обладают энергией, меньшей, чем реагенты, т.е. вещества, применяющиеся в ходе реакции, то такая реакция будет протекать. Если же продукты реакции окажутся на более высоком энергетическом уровне, чем сумма исходных веществ, то такая реакция не пойдет. Это было похоже на чудо, ибо отныне химики могли предварительно ответить на вопрос: будет ли продукт наметаемой реакции обладать более прочными химическими связями и более высокой стабильностью, нежели исходные реагенты. Говоря проще, вместо предположений, основанных на интуиции, эмпирике и пр., исследователи получили научно обоснованные расчеты, которые предопределяли результаты работы.

Правило Вудворда–Хофмана обладает еще и тем преимуществом, что отличается большой простотой, не требует сложных вычислений. Сам Хофман, внедряющий компьютерную технику в процессы исследований, как-то заметил по этому поводу: «Если вы обращаетесь к компьютеру, значит, вы не поняли закона». Полные результаты своих исследований Вудворд и Хофман обобщили в монографии «Сохранение орбитальной симметрии», вышедшей в

1970 г. По мнению специалистов, этот труд явился наиболее важным теоретическим успехом в области органической химии после Второй мировой войны. Открытие Вудворда и Хофмана нашло широкое практическое применение в промышленности, медицине и пр. При вручении Хофману Нобелевской премии представитель Нобелевского комитета, член Шведской Королевской академии наук Инга Фишер-Хьялмарс в речи-презентации новых лауреатов заявила в адрес Хофмана: *«В результате вашей теоретической работы появились новые, огромной значимости возможности для планирования химических экспериментов»*. По установившейся традиции была также оглашена формула награждения его Нобелевской премией, которая гласила: «За разработку теории химических реакций, созданной ими независимо друг от друга». О ком здесь шла речь? Кто этот другой? Вудворд? – Нет, о нем речь никак не могла идти, ибо к тому времени его уже, к сожалению, не было в живых, а, согласно статусу Нобелевских премий, они выдаются только здравствующим. Но если даже Вудворд был бы жив, вряд ли он смог бы получить вторую Нобелевскую премию: по одной и той же отрасли науки не предусматривается второе награждение. Правда, есть лауреаты двух Нобелевских премий. Например, Мария Кюри. Но она получила вторую премию не по физике, а по химии, за открытие радия, нового химического элемента. Американский ученый Лайлус Полинг получил Нобелевскую премию по химии (1954) и Нобелевскую премию мира (1962). Однако есть единственное исключение: Джон Бардин (США) является лауреатом двух Нобелевских премий по физике: за создание транзистора (1956) и разработку теории сверхпроводимости (1972), но это уникальный случай, очевидно, связанный с тем, что по обоим премиям выдвигались коллективы ученых.

Так кто же все-таки разделил с Хофманом Нобелевскую премию 1981 г.? Это японский физикохимик Кэнити Фукуи. Он намного старше Хофмана и начал свои исследования раньше, но ввиду того что его труды публиковались на японском языке и потому были малоизвестны, профессор Фукуи получил мировое признание с опозданием.

В последующие после получения Нобелевской премии годы Р.Хофман посвятил свои научные исследования установлению взаимосвязей структуры и способностей к реакциям неорганических и металлоорганических соединений.

Но не только химия занимает помыслы и интересы Роалда Хофмана. Он работает также над проблемами связи науки и искусства, поиском сходства между этими, казалось бы, далекими друг от друга областями деятельности. Широкая эрудиция Р.Хофмана, разнообразие его интересов позволяют ему успешно преодолевать пресловутую грань между «физиками» и «лириками». Профессор химии и одновременно профессор физики, он пишет стихи, эссе, публикует полемические статьи по общественным вопросам и т.д. Он вкладывает много усилий в подготовку молодых ученых и специалистов. Среди его учеников немало эмигрантов из бывшего СССР. Он ими весьма доволен. Так, недавно, в 1995 г., Р.Хофман писал: «Большинство бывших советских граждан – это люди с очень высоким профессиональным уровнем, многие из них влились в главнейшие направления исследовательских работ. А их дети стали нашими лучшими выпускниками».

Роалд Хофман в настоящее время живет и работает в небольшом городке Итака, где находится престижный Корнеллский университет, крупный исследовательский центр в области химии, физики и других наук, здесь у Хофмана богатые возможности творчества, которые он с успехом использует. Научный авторитет Р.Хофмана признан во всем мире. Он – член Американской академии наук, Американской ассоциации фундаментальных наук, Американского физического общества, Международной академии квантово-молекулярной науки, многих иностранных научных учреждений, почетный доктор Королевского технологического института Швеции и ряда других высших учебных заведений. Он буквально осыпан научными премиями и наградами (в их числе премия имени Л.Полинга, медали в честь великого химика Д.Пристли, М.В.Ломоносова и т.д.) В 1959 г. Р.Хофман работал в Израиле, в университете Негев и в колледже им. Д.Бен-Гуриона.

18 июля 1997 г. Роалд Хофман отметил свое шестидесятилетие. Он получил поздравления от многих ученых из различных стран мира. В начале июля я через газету «Вестник Хайфы и Севера» обратился к Р.Хофману с приветствием по поводу наступающего юбилея и приложил свою биографическую справку о нем. Через короткое время я получил от Р.Хофмана бандероль, которая содержала целый набор документов: благодарственные письма в мой адрес и в адрес хайфской газеты; текст речи, произнесенной им через три дня после вручения ему Нобелевской премии; оглавление и вводную статью к его книге «Старое вино. Новые мехи» (в соавторстве с Ш.Лейбович-Шмидт); текст последней главы этой книги,

которую он назвал «Верблюжий караван в Пентагоне», и, наконец, сборник его стихов, изданных в 1990 г. университетом Флориды.

«Дорогой профессор Черняк! – так начинается благодарственное послание юбиляра. – Для меня было большим сюрпризом открыть "Вестник Хайфы и Севера" и прочесть Вашу статью. Маленькие неточности не имеют значения. Что важно – это Ваша сердечность и теплые чувства к маленькому мальчику, которым я был, и к нашему народу. Стиг Рамель, прекрасный человек, был прав, когда плакал обо всех сотнях тысяч маленьких детей, которые погибли. Я тоже плачу о них, невинных, потерявших жизнь... Благодарю Вас от всего сердца. Роалд Хофман»⁸. А в обращении к редактору и читателям газеты «Вестник Хайфы и Севера» говорится, что его «жизнь во многом связана с Россией, Израилем, всем миром – рождением в Галиции, годом, проведенным в Москве, связями с Вашей частью Израиля». Хофман сообщает сведения о своих родственниках и друзьях в Израиле. Одна из его теток принимала участие в основании киббуца Мизрах, двоюродный дед и его семья жили и проживают (в младших поколениях) на Кармэле, другая семья Хофмана – прекрасный учитель английского языка ряда поколений жителей Хайфы. Наконец, «...мой дядя, – отмечает Хофман, – Йехуда Шафран, был начальником полиции в Нацерете»⁹. Таким образом, оказывается, знаменитый ученый почти земляк жителей Хайфы и некоторых других мест Израиля. Впрочем, как и полагается истинному еврею.

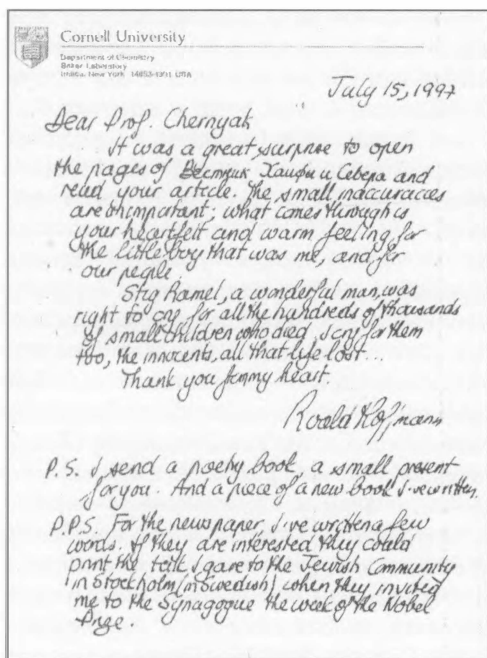
Весьма характерна, с точки зрения уяснения позиции Р.Хофмана в области иудаизма и вообще отношения к еврейству, его речь в синагоге Стокгольма перед представителями еврейской общины города 12 декабря 1981 г. Она небольшая, и мы приведем ее полностью. *«Леди и джентльмены! – обратился к аудитории Р.Хофман. – Я думаю, здесь было много лауреатов Нобелевской премии, которые выступали до меня. Но лишь немногие обращались к вам по-шведски. Мистер Мюллер, рабби Наров, я хотел бы поблагодарить вас и еврейскую общину Стокгольма за этот подарок и большую честь, которую вы оказали мне и моей семье, пригласив нас сюда. Обдумывал свою речь в такой особый день – день памяти Рауля Валленберга и день бар-мицвы в этой синагоге мальчика Михазля – день, отмеченный священной традицией. Я родился в маленьком городке Галиции Золочеве. Раньше, в мое время, в каждом из таких местечек находился хасидский раввин, и в Золочеве – также. Им был главный раввин города Йехиэль Михаль,*

мудрейший человек. Я расскажу вам историю, описанную Мартином Бубером. Однажды один из учеников мудреца из Золочева спросил его: "В книге пророка Илиягу мы читаем: каждый в Израиле должен себе сказать: **Когда мой труд приблизится к трудам праотцев Авраама, Исаака, Иакова...** – Как мы можем когда-нибудь решиться подумать, что можем сделать то же, что смогли наши праотцы?" И тогда мудрый раввин ответил: "Как наши праотцы находили новые пути служения? Каждый – новое служение в соответствии с его собственным характером: один – служение любви, другой – на стезе справедливости, третий – служба красоте. Так же и каждый из нас на его собственном пути должен придумать что-то новое – в свете учения и служения, и делать то, что еще не было сделано". **Делать то, что еще не было сделано до тебя, – это то, что я попытался сделать**"¹⁰.

Эта речь Роалда Хофмана во многом примечательна. Она содержит девиз всей его творческой деятельности. Она свидетельствует о приверженности

оратора к иудаизму и соответствующих познаниях его в этой области. В сущности, это вторая Нобелевская речь ученого, которая раскрывает перед представителями его народа нравственные основы его крупнейших научных достижений.

Особый интерес представляют присланные Хофманом материалы к книге «Старое вино. Новые мехи»¹¹. Сюжет новой книги раскрывает подзаголовок к ней: «Размышления о науке и еврейской традиции». Смысл произведения определяется в значительной мере эпиграфом из Мишны

Письмо Роалда Хофмана автору
Автограф

(Трактат Авот 4:29), приведенным на английском языке и иврите:

«Рабби Меир (один из крупнейших законоучителей середины II века) говорил:

*Не смотри на мехи, но смотри на их содержимое.
Могут быть новые мехи, полные старого вина,
И старые мехи, в которых даже нового вина не было».*

В этом тексте Р.Хофман видит еврейскую аллегорию, традиционный талмудический призыв смотреть в корень вещей, вникать в их глубокий внутренний смысл, не обольщаясь подчас обманчивым внешним видом. Во введении к книге определяется ее основное содержание, в значительной мере – это проблемы взаимосвязи науки и религии. Хофман рассматривает воздействие на человека трех факторов: науки, религии и искусства. Они существуют самостоятельно как векторы познания, но между ними прослеживаются взаимосвязи. Наиболее тесная связь существует между иудаизмом и химией, в которой он видит набор качеств, удобный для изучения взаимодействия науки и религии.

Особое внимание Р.Хофман уделяет еврейской книге – Торе, Талмуду, респонсам, др.: *«Не удивительно ли, что Мухаммед, основатель ислама, назвал евреев "народом Книги"? Я начал свою жизнь как Роалд Шафран, до того как я стал Хофманом. Корень моей родовой фамилии как в ашкеназийской, так и в сефардской общинах S-F-R, от него произошел термин sefer, который образовал слово книга»*¹².

Интерес к художественной литературе, особенно немецкой и русской, Хофман пронес через всю жизнь. Писать стихи он начал в середине 70-х гг. Его первый поэтический сборник «Пути и грани», посвященный супруге Еве, был опубликован в 1990 г. в серии изданий поэзии университетом Центральной Флориды. В шести разделах книги собраны более сорока стихотворений, разнообразных по тематике и характеру, в основном написанных верлибром. Язык их часто непростой, изобилующий сложной терминологией; нередко ощущается иронический или сатирический настрой автора. Приведу стихотворение, название которого звучит для русского уха привычно, – Хофман не перевел его на английский. В основе стихотворения случай, происшедший с автором в Москве в 1985 году.

СВОЛОЧЬ

Для Вас, болезненного вида человек,
Стоявший третьим в очереди
В таможене Шереметьевского аэропорта.
Марине Цветаевой, русской парижанке,
Понравился бы Ваш вкрадчивый голос,
Указавший, что некоторые из стихов двадцатых годов,
Включенные в нью-йоркский четырехтомник,
Были неуважительны касательно советской власти,
Она бы бросила на Вас насмешливый взгляд из-под челки,
И, взмахнув элегантно рукой,
Сказала бы: «О да, мой друг, приятно
Видеть читающего мои вирши».
Теперь Вы знаете о русской литературе
Намного больше веснушчатого молодого солдата,
Стоящего на первом рубеже защиты советских границ.
Найдя зачитанную русскую книгу в моем багаже,
Он позвал своего разевшегося начальника,
Втиснутого в узкую униформу.
Тот, в свою очередь, нашел еще три рассказа Аксенова
(Которые я совсем не прятал).
Но Вам, специалист в сером пиджаке,
Власти разрешили взять два тоненьких томика Иосифа Бродского
И конфисковать кассету виолончельных концертов Гайдна
В прекрасном исполнении Мстислава Ростроповича.
Таков был завершающий акт защиты Отечества,
Спустя шестьдесят восемь лет после
Великой Октябрьской социалистической революции¹³.

Совсем иное стихотворение «Если я забуду тебя, Иерусалим».
Судьба Иерусалима рассматривается здесь на фоне судеб некоторых городов, пострадавших в годы Второй мировой войны, городов, по словам автора, «занесенных снегом» трагедии разрушения.
В «снегу» оказался и Иерусалим...

Если забуду ворот твоих лепет,
Как назову я Нью-Йорка язык?
Узнаю ли Нару я,
Все города, занесенные снегом,
Если утрачу, мой город,
Твой облик в снегу?
Если забуду Титовой арки подсвечник,
Тесноту могил под Масличной горой,
Пусть я забуду Мицену,
И Нагасаки, и Варшаву сороковых.
Но помню ли? О да, я помню!..
Бесчисленные следы прошедших войн
Иерусалиму забыть не дано¹⁴.

Иерусалим выступает здесь как символ трагической судьбы, и забыть об этом – значит забыть и о других пострадавших городах. И не только: тогда невозможно говорить спокойно и о благополучном городе Нью-Йорке. В дальнейшем изложении автор как бы совершает экскурсию по старому Иерусалиму. Перед взором поэта встают руины Храма, руины, где слои обломков, которые просеивают археологи, где пепел под стеной, сглаженной работой веков...

Перед читателями стихотворение «Июнь 1944» – автобиографическое повествование об освобождении мальчика Роалда во время летнего наступления Красной Армии, мощного прорыва русских танков и разрушительного огня «катюш», об очищении Золочева, о трагической судьбе еврейского населения местностей, оккупированных нацистами. Сходной тематике посвящены «Два отца» и некоторые другие стихотворения. Изрядная порция иронии в стихотворениях «Преувеличение Маркса», «Построенный навечно на скорую руку», стихи биохимического содержания. Есть также стихи бытового и назидательного характера. В целом сборник представляет собой обширную тематическую палитру.

Нобелевский лауреат по науке, поэт, а также знаток и пропагандист иудаизма, Роалд Хофман представляет собой исключительную личность в истории науки и культуры.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *РЕВЗ*. Т.1(6). С.87.

² Автор выражает глубокую признательность за помощь в работе специалистам в области химии и химической технологии д-ру Шимону Черняку, д-ру Людмиле Черняк, которой также принадлежит перевод английских текстов Р.Хофмана.

³ Общие сведения о Нобелевских премиях и о Роалде Хофмане представлены в следующих источниках: *Илюкович А.М.* Согласно завещанию: Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. М., 1992; *Лауреаты Нобелевской премии*. Т.2. М., 1992; *Nobel Prize Winners*. N.-Y., 1987; *Тютюнник В.* Альфред Нобель и Нобелевские премии: Биобиблиографич. указ. Тамбов, 1988.

⁴ Цит. по: *Илюкович А.М.* Согласно... С.65.

⁵ Там же. С.73.

⁶ Нобель на скрипке не играл // Лит. газ. 1992. №1. С.14.

---

⁷ *Hoffmann R.* Письмо проф. А.Черняку // Личный архив А.Черняка.

⁸ Там же.

⁹ *Hoffmann R.* To the Editors and Readers at *Вестник Хайфы и Севера*: Рукопись // Личный архив А.Черняка.

¹⁰ *Hoffmann R.* Talk at Stockholm Sinagogue. December 12. 1981: Рукопись // Личный архив А.Черняка.

¹¹ *Hoffmann R., Leibovich-Shmidt S.* Old Wine. New Flasks. Reflections of Science and Jewish Tradition. Preface // Личный архив А.Черняка.

¹² *Hoffmann R., Leibowich-Shmidt S.* Camel Caravans in the Pentagon: Рукопись // Личный архив А.Черняка.

¹³ *Hoffmann R.* Caps and Verges. Poems. P.9–10.

¹⁴ Там же. С.36.

Они погибли тогда...

Вадим Телицын (Москва)

I. «...Был он образцом порядочности и культуры» (о Павле Николаевиче Апостоле)¹

О дореволюционной жизни П.Н.Апостола сведений сохранилось до скудости мало. Родился он в 1872 г., однако данных о его социальном происхождении обнаружить пока не удалось, так же как и точных данных об образовании. Можно лишь с наибольшей долей уверенности говорить о том, что он окончил юридический факультет одного из российских университетов.

Во второй половине 1890-х гг. Апостол продолжил свое обучение в немецких высших учебных заведениях, где слушал лекции по политической экономии, финансовым дисциплинам и правоведению. Скорее всего, он, как и многие из российских молодых людей, находившихся в то время в Германии, посещал семинары известного философа Куно Фишера.

Именно там – в Германии – Апостол подготовил свою первую научную работу «Артель. Хозяйственно-историческое исследование», опубликованную на немецком языке². Этот труд представляет собой серьезное аналитическое исследование, в котором нашли отражение современные ему разработки экономистов, историков и социологов. Сопоставив все «плюсы» и «минусы» этого хозяйственного объединения, Апостол пришел к выводу, что артельная форма производства существует там, где индивидуальный труд отвергается не из-за экономической нецелесообразности, а вследствие социокультурных традиций (например, в России или других

Павел Николаевич Апостол
*(фотография из семейного
альбома Алис Лоран)*

славянских странах). Однако в целом артель менее рациональна, а итоговая продукция ее менее качественна, чем у индивидуального производителя, поскольку ответственность за произведенный товар в коллективе никто на себя брать не желает. Исследование Апостола на русский язык переведено не было, а потому широкой известности в научных и общественных кругах России не получило. По-видимому, эта работа, объемом более 140 с., является частью более крупного исследования, представленного Апостолом на соискание степени доктора наук в одном из немецких университетов.

С конца 1890-х гг. Павел Николаевич состоял на службе в представительстве Российской торговой палаты, затем в российском посольстве во Франции. В качестве сотрудника Российского министерства финансов он участвовал в организации русской секции социальной экономики на Всемирной промышленной выставке в Париже (1900 г.), экспонаты которой послужили впоследствии базой для Музея социальной истории, созданного в Москве известным врачом-гигиенистом А.В.Погожевым. Сохранились и два проспекта этой секции и выставки в целом, составленные Апостолом, в которых он постарался максимально приблизить посетителей к проблемам, стоящим перед российской промышленностью, правительством, предпринимателями и наемными рабочими³.

Там же, во Франции, Павел Николаевич проявил себя и как талантливый педагог. В Русской высшей школе общественных наук (созданной по инициативе либерально настроенных российских ученых) он читал курсы политической экономики и финансов, которые положительно оценивались как слушателями, так и коллегами-преподавателями⁴.

Об определенной направленности мировоззрения Апостола в то время судить сложно. Можно лишь сказать, что ни неонароднические, ни марксистские идеи в его сознании не преобладали⁵. В своих лекциях Апостол пытался обобщить западно-европейский опыт, сопоставить его с российскими реалиями, вычленив и обосновать наиболее приемлемые для России модели европейской экономики. Это, кстати, прослеживается и на примере анализа содержания двух его статей, опубликованных в российской периодической печати (единственные, которые нам пока удалось обнаружить). Павел Николаевич предлагал особое внимание уделить французскому опыту в области коммерческой рекламы⁶ и деятельности парижских городских служб⁷. Принимая во внимание, что земское движение и городское самоуправление, существовавшие в России уже более 30 лет, накопили немалый опыт, он все же пред-

лагал обратиться к результатам работы муниципалитета одного из самых крупных западно-европейских столичных центров в области социального обеспечения, финансирования, поддержания порядка и проч.⁸

В России Апостол бывал наездами – преподавал в Московском коммерческом институте, а после начала Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. российские границы для него закрылись навсегда. Павел Николаевич сторонился политики, но отдавал себе отчет в том, что от политических деятелей, ратующих за уничтожение товарно-денежных отношений, ликвидацию рынка, преследующих и уничтожающих предпринимателей, экономистов, финансистов и юристов, ожидать чего-то хорошего – абсурдно.

Разрыв с Россией и эмиграция означали для Апостола прежде всего поиск средств к существованию. Для человека, прекрасно владеющего несколькими языками (немецким, французским и английским), внимательного наблюдателя и серьезного исследователя хозяйственной жизни, талантливого публициста и педагога, больших сложностей это не представляло.

В 1920–1930-е годы Павел Николаевич состоял преподавателем Русского коммерческого института и Франко-русского института социальных и политических наук в Париже, где читал курсы лекций «Учение о бирже», «Деньги и денежное обращение» и «Кредитно-денежное обращение». В русской эмигрантской печати появлялись его аналитические статьи, рецензии на исследования виднейших экономистов и финансистов, обзоры международных встреч⁹. Апостол изучал особенности развития европейского хозяйства и финансовой политики мировых держав после Первой мировой войны, отношение последних к экономическим процессам, происходящим в России как в годы военного коммунизма, так и новой экономической политики, возможности концессий ведущих

Ольга Марковна Апостол (фотография из семейного альбома Алис Лоран)

западно-европейских и американских фирм в Советской России и ее попытки обуздания инфляции¹⁰.

В конце 1920-х гг. Апостол совместно с А.Михельсоном и М.Бернацким провел по заказу Фонда Карнеги исследование о состоянии и эволюции государственных финансов России во время Первой мировой войны. Павлом Николаевичем был, в частности, написан раздел «Государственные кредитные операции во время войны»¹¹. Используя материалы, хранившиеся во французских архивах, он осветил динамику кредитных операций в условиях войны во всей полноте и нюансах, особенно подчеркнув неподготовленность Российского государства к войне (в плане финансовой политики), халатность, а порой и преступность действий чиновников, разворовывающих средства, выделяемые на обеспечение армии и тыла.

По просьбе русского экономического бюро Лиги наций (которым руководил его коллега – экономист С.О.Загорский), Апостол, в соавторстве с А.Михельсоном, провел исследование добычи нефти в России¹². По мнению Павла Николаевича, нефть – эта та «золотая жила» для России, с помощью которой можно без больших затрат возродить разрушенный революцией и войной экономический потенциал страны. Дело лишь в оптимальном использовании средств, получаемых от реализации нефти и нефтепродуктов, рациональном привлечении иностранного капитала.

Однако научная деятельность не ограничивалась печатными работами. В 1920-е гг. Апостол состоял управляющим делами Объединения деятелей русского финансового ведомства, консультантом и членом совета Русского торгово-промышленного и финансового союза в Париже по финансовым вопросам. Доклады Павла Николаевича, с которыми он выступал на проводимых Союзом экономических совещаниях, отличались не только глубиной анализа, но и непредвзятостью оценок (например, его выступление на экономическом совещании, проходившем в апреле 1930 г. и посвященном подведению итогов советской политики во всех областях народного хозяйства). Его интересовала характеристика не власти как таковой, а ее экономической политики. И если советская власть разрешала концессии и свободу торговли, то Апостол приветствовал подобные решения и выступал за развитие нэпа, вне зависимости от личного его отношения к коммунистической идеологии. То же можно сказать и о докладах Апостола на заседаниях Русского экономического общества в Лондоне, членом-корреспондентом которого он состоял практически со дня основания. Деятельностью

РЭО руководил Михаил Владимирович Брайкевич¹³. Он стремился привлечь к изучению экономических аспектов общественной жизни России ученых, известных своими капитальными разработками в области финансовой политики, налоговой системы, железнодорожного и морского транспорта, кооперации и сельского хозяйства. На средства членов экономического общества издавался и «The Russian Economist» – своеобразные «Записки РЭО». Неоднократно бывая в Лондоне, Апостол выступал на заседаниях общества в Бедфордсквере с докладами «Русские кредитные операции», «Хроника французской экономической жизни»¹⁴. Не отказывался он и от «неплановых» лекций перед аудиториями студентов, банковских служащих и проч.

Там же, в Лондоне, на общих собраниях и встречах членов РЭО Павел Николаевич познакомился с А.Е.Мейендорфом (профессором Лондонской школы экономических и политических наук, в прошлом – приват-доцентом Петербургского университета), Ю.А.Павловским (профессором Лондонского университета), близко сошелся с С.Н.Прокоповичем (работы которого он хорошо знал) и его супругой – Е.Д.Кусковой. Не соглашаясь во многом с четкой Прокоповичей в их оценках общественной жизни русской эмиграции и современной ситуации в России, Апостол состоял с Сергеем Николаевичем и Екатериной Дмитриевной в деловой и дружеской переписке¹⁵, бывал на их докладах, с которыми они выступали в эмигрантских клубах и собраниях во Франции, обменивался печатными изданиями, выполнял частные просьбы. Прокопович же, в свою очередь, привлекал Павла Николаевича к исследованиям, осуществляемым его Экономическим кабинетом, приглашая участвовать в ряде семинаров по теории и истории финансов, денежной политики и общей хозяйственной ситуации в мире. Прокопович познакомил Апостола с русскими экономистами-эмигрантами, осевшими в Чехословакии, Болгарии и Югославии (с С.С.Коном, А.Д.Билимовичем, А.Ю.Вагнером, Н.Х.Орда, Г.М.Курило, Н.В.Долинским и др.).

Апостола можно было часто видеть и на экономических семинарах проф. А.Н.Анцыферова и М.А.Бунатяна, М.В.Бернацкого и А.П.Маркова, в кружке «К познанию России», на заседаниях французского Союза представителей торговли и промышленности, в парижском клубе партии «Крестьянская Россия», на русском отделении юридического факультета Парижского университета, в редакции «Современных записок» и журнала «Право и хозяйство», «Русского экономического бюллетеня», в Русском экономическом

бюро во Франции и в Обществе социальной экономики, на собрании которого он сделал ряд докладов по вопросам мирового кризиса конца 1920-х гг. и состояния хозяйства и социальной сферы в России.

Содержанием докладов Апостола интересовались не только общественные круги русской эмиграции и научные учреждения западных стран, но и спецслужбы Франции и контрразведывательная служба СССР (о чем свидетельствуют сохранившиеся документы¹⁶).

Это не случайно, и вот почему. Апостол использовал в своих исследованиях материалы, которые он не мог заимствовать из открытых источников (как поступали многие, в том числе и С.Н.Прокопович), т.е. из периодической печати или работ его предшественников. Данные о промышленном потенциале и показателях развития различных отраслей (в том числе и оборонных) советского хозяйства он получал от представителей Торгово-промышленного комитета¹⁷ (коммерческо-политической структуры, объединявшей отставных российских политиков, военных и крупнейших представителей деловых и финансовых кругов, имевших доступ к документам министерств иностранных дел западноевропейских стран). Однако связь Апостола с этим комитетом осталась без последствий для него, все дело ограничилось наружной слежкой и перлюстрацией писем¹⁸.

Но наибольшую известность Апостолу в кругах русской эмиграции и зарубежной общественности принесло увлечение, совершенно далекое от его научных изысканий и педагогической деятельности.

Б.К.Зайцев, вспоминая об эмигрантской жизни, писал: «За спиной же у нас rue Scheffer, где тихо процветает замечательное книжное сокровище. Павел Николаевич Апостол собирал его десятки лет. Большеголовый, элегантно-невысокий, на тоненьких ножках, был он образцом порядочности и культуры, всегдашатай антикваров, аукционеров, букинистов. Редкостные Олеарии, Герберштейны, всякие старинные издания, роскошные и просто художественные, в превосходных переплетах украшали гостиную (книги на полках в три ряда вглубь!)»¹⁹. Старательно подобранные, эти издания представляли собой особую редкость за границей, так как многие из них не имела даже Парижская национальная библиотека. Но Апостол не был просто «собирателем» книг.

**Настоящая книга отпечатана въ
сентябрь 1922 года въ Берлинъ
в типографіи Куммеръ и К^о
для художественного издательства
ACADEMIA
въ количествѣ одной тысячи
экземпляровъ**

Уже в 1922 г. были опубликованы тщательно подобранные им очерки и литографии западно-европейских путешественников, посетивших Россию в XVI–XVII вв.²⁰ Благодаря стараниям сотрудника издательства «Academia» – Г.К.Лукомского – этой книге удалось дойти и до советского читателя.

В 1923 г. Павел Николаевич избирается председателем правления Общества друзей русской книги в Париже, редактором «Временника Общества друзей русской книги» (Т.1–4. Париж, 1925–1938). Членами общества состояли: М.А.Алданов и Б.К.Зайцев, А.Н.Бенуа и С.Ф.Лифарь, М.А.Осоргин и П.Н.Милоков и многие другие. Апостол не только выступал со своими библиографическими исследованиями на открытых собраниях Общества, привлекавших множество публики, но и представлял Общество на различных международных форумах. Так, в 1935 г. он участвовал в организации книжного отдела на выставке русского искусства в Лондоне, где была представлена история русского книгопечатания с петровских времен до 40-х гг. XIX в. На заседаниях Общества Павел Николаевич выступал с докладами: «Об отделе "Россика" Петербургской публичной библиотеки» (24 мая 1934 г.), «Кто изобрел книгопечатание: Гутенберг или Костер» (4 мая 1936 г.), «Альбомы рисунков участников похода 1812 г.» (31 января 1938 г.), «Французские книги XVIII столетия об Украине» (17 января 1939 г.), др.

Блистательные по своей глубине и лаконичности очерки П.Н.Апостола, посвященные истории книги и книгопечатания, судьбе известнейших библиофилов (А.Ф.Онегина, А.Ю.Доброго, С.В.Чехонина, В.П.Катенина, сберегших для мировой цивилизации бесценные достижения русской культуры), книжным собраниям, безвозвратно сгинувшим в России или спасенным русскими эмигрантами, публиковались как на страницах «Временника Общества друзей русской книги», так и других изданий²¹. На основе коллекции Эннен, хранящейся в Парижской национальной библиотеке, Апостолом был составлен каталог эстампов и рисунков, относящихся к франко-русским событиям, а также каталог выставки «Rossica», которую Общество друзей русской книги организовало в 1928 г. в Париже. Павел Николаевич дал и определение термину «Rossica», которое до сих пор считается самым удачным: *«"Rossica" – совокупность книг на иностранных языках о России, о ее истории, географии, населении, нравах, экономической и духовной жизни России, о произведениях русской литературы и науки»*²².

Имя Павла Николаевича встречается в отчетах о других культурных мероприятиях русского Парижа: он участвует в чествовании А.А.Плещеева в связи с его 75-летием («Последние новости». 24.10.1933); его избирают в члены правления Российского музыкального общества («Возрождение». 14.06.1934); Апостол присутствует на собрании памяти П.П.Рябушинского («Возрождение». 20.12.1934); выступает с речью на выставке Пушкинской коллекции С.М.Лифаря («Последние новости». 20.04.1937); входит в комитет по организации архива в Тургеневской библиотеке («Последние новости». 24.02.1938), его избирают в комитет по подготовке выставки к 125-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова («Возрождение». 14.07.1939).

Вторая мировая война уничтожила все: и русскую эмигрантскую среду, и культурную ауру российских зарубежных центров, и лучших представителей творческого мира. Обратимся снова к воспоминаниям Б.К.Зайцева: *«Еврейское происхождение не мешало ему [Апостолу] некогда служить в Париже по Министерству финансов (Императорскому русскому). Но Гитлер взглянул иначе. В последний раз видели мы Павла Николаевича в некоем убежище Ротшильда, за Лионским вокзалом, – пленником немцев. (Кажется, в 43-м г.) Он от них и погиб, и супруга его, и библиотека...»*²³.

По словам Н.Н.Берберовой, П.Н.Апостол «в июле 1942 г. вместе с женой был арестован немцами в Париже и депортирован в Аушвиц (Освенцим), где они оба погибли»²⁴.

Что касается судьбы библиотеки Павла Николаевича, то она – частично – была вывезена, как и Тургеневская библиотека, в Германию, а после войны книги оказались в СССР. И сейчас в фондах Российской государственной библиотеки (бывшая «Ленинка») можно обнаружить фолианты со штампом «Р.Аpostol».

Приложение

Крупицы своих воспоминаний о семье Апостолов прислала из Франции Алис Лоран (урожденная Пресс). Она же нашла в своих альбомах воспроизведенные в настоящей статье фотографии Павла Николаевича и Ольги Марковны.

Месье и мадам Апостол каждое лето приезжали в Бретань погостить пару недель у моей бабушки Софьи Григорьевны Пети, у которой и мы проводили свои каникулы. Очень скромные по манере держать себя, они были интересными собеседниками – говорили о политике, литературе, делились воспоминаниями. Все это для меня, тогда ребенка, было непонятным. Помню, однажды, когда его жена отсутствовала, месье Апостол поразил нас, усевшись чинить свои носки: стоило ему провести нитку вокруг дыры, и она исчезала!

Поль и Ольга Апостол жили в прекрасной квартире на улице Франклин, в Париже, в 16-м арондисмане. В 1942 году, по приказу немцев, французские полицейские пришли за ними. Это было рано утром, и супруги еще были неодеты. Полицейские сказали им, что придут попозже. И, вместо того чтобы спастись и скрыться, Апостолы, не желавшие никого затруднять, ждали ажанов на лестничной площадке. Их, как известно, отправили в Дранси, и они погибли.

Месье Апостол был человеком очень почтенным, утонченным, всегда превосходно одетым. Ольга Марковна была очень доброй женщиной, всегда стремилась помочь окружающим ее людям. Благодаря своим знакомствам, она помогла моему отцу организовать концерт в Париже. У меня сохранился чайник, который она подарила Софье Григорьевне и которым бабушка не пользовалась, считая его слишком красивым.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *РЕВЗ*. Т.1(6). С.408.

² *Apostol P.* Das Artjel. Eine wirtschaftsgeschichtliche Studie. Stuttgart, 1898.

³ *Apostol P.* Exposition universelle. Paris, 1900; *Его же*. L'économie sociale à la section russe. Paris, 1900.

⁴ *Корников А.А., Селезнев Н.Н.* Русский университет в Париже // Вестн. Российской академии наук. 1995. Т.65. №4. С.359, 363.

⁵ Революционный максимализм, свойственный ряду преподавателей Русской школы (например, К.Р.Качоровскому) и открыто пропагандируемый ими в своих лекциях, приводил порой к физическим столкновениям между слушателями различной политической ориентации, что и послужило причиной закрытия учебного заведения. Лекции же Апостола проходили мирно.

⁶ *Апостол П.Н.* Французские учреждения для развития внешней торговли путем улучшения коммерческой осведомленности // Вестн. финансов, промышленности и торговли. 1903. №41, 42. Отдельное издание: СПб., 1903.

⁷ *Апостол П.Н.* Заботы парижского муниципалитета о своих служащих и рабочих // Известия Московской городской думы. 1902, сентябрь.

⁸ Там же. С.141.

⁹ *Апостол П.Н.* Вопросы денежного обращения на Брюссельской финансовой конференции // *Современные записки*. 1920. №2; *Его же*. Рец. на кн.: The Russian Economist // Там же. 1921. №4; *Его же*. Русские ценности на Парижской бирже // Россия и славянство. Париж, 1929. 15 июня; *Его же*. Братья Нобель и русская нефтяная промышленность // Там же. Париж, 1929. 22 июня.

¹⁰ Soviet Russia. Westminster, Paris, s.a.

¹¹ Credit operation of the Russian government during the war // Russian public finance during the war by A.Michelson, P.Apostol, M.Bernatsky. New-Haven-London, 1928. См. также: *Современные записки*. Париж, 1929. Т.40. С.557.

¹² *Apostol P., Michelson A.* La lutte pour la petrole et la Russie. Paris, 1922.

¹³ Брайкевич Михаил Владимирович (?–1940, Лондон) – инженер, общественный деятель, меценат. Бывший тов. (зам.) министра торговли и промышленности Временного правительства, бывший городской голова Одессы. Оказывал финансовую поддержку ряду научных и культурных объединений русской эмиграции.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5902. Оп.1. Д.46. Л.1.

¹⁵ ГАРФ. Ф.5902. Оп.1. Д.46. (Письма П.Н.Апостола С.Н.Прокоповичу).

¹⁶ Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф.1. Оп.1. Д.18762, 18764; Оп.27. Д.8648, 12741, 12783; Ф.461, Оп.1. Д.189. Т.1. (ЦХИДК – бывший Особый архив СССР, в котором хранились документы спецслужб различных западно-европейских стран, осуществлявших слежку за русскими эмигрантами. После 1945 г. большая часть этих документов оказалась в СССР. В этом же архиве хранились документы «добровольных помощников» ВЧК–ОГПУ–НКВД из среды сменовеховцев, евразийцев и проч. В настоящее время архив – частично – открыт для исследователей.)

¹⁷ ЦХИДК Ф.461. Оп.1 Д.189. Т.1 Л.157–158.

¹⁸ Там же. Ф.1 Оп.27. Д.12497. Л.45.

---

¹⁹ Зайцев Б.К. Возвращаясь от всеошной // Зайцев Б.К. Сочинения. Т.3. М., 1993. С.446.

²⁰ Апостол П. Московия в представлении иностранцев в XVI–XVII вв.: Очерки. Берлин, 1922.

²¹ Апостол П. Rossica // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. №1. С.9–13.; *Его же*. Памяти А.Ф.Онегина // Там же. №1. С.73–74; *Его же*. Французский рынок Rossica // Там же. С. 87–89; *Его же*. Альбом О.А.Козловой // Там же. 1928. №2. С.55–61; *Его же*. Библиофил С.А.Соболевский // Там же. 1932. Т.3. С.107–123 (Отдельное издание. Париж, 1932; Переиздана в России, см. в кн.: Книга: исследования и материалы. М., 1994. Вып.67. С.246–256); *Его же*. Записки русского премьера: Воспоминания графа В.Н.Коковцева // Иллюстрированная Россия. 1932. №51; 1933. № 10; *Его же*. А.Ф.Онегин. Жрец пушкинского культа // Там же. 1937. №9. С.10–11; *Его же*. Русская старина в Париже // Там же. 1938. №27. С.10–11; *Его же*. Слово о полку Игореве. К 750-летию великого памятника русской словесности // Там же. 1938. №26. С.12–14; *Его же*. Кабинет эстампов Национальной библиотеки и его русская иконография // Там же. 1938. Т.4. С.85–105; *Его же*. Книги о Петре Великом в СПб. Библиотека Альбена Бода // Там же. Т.4. С.267–274; *Его же*. А.Ю.Добрый // Там же. Т.4. С. 279–280; *Его же*. С.В.Чехонин // Там же. С.281–282; *Его же*. В.П.Катенев // Там же. Т.4. С.287–288.

²² Апостол П.Н. Rossica // Там же. 1925. №1.

²³ Зайцев Б.К. Возвращаясь от всеошной... С.446.

²⁴ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Н.-Й., 1986. С.109. (Вопрос о принадлежности Апостола к масонам довольно спорный, да и сама Берберова не приводит конкретных данных.)

II. Александр Михайлович Кулишер: жизнь и творчество¹

Александр Михайлович Кулишер

Александр – младший сын известного общественного деятеля, историка культуры и публициста Михаила Игнатьевича Кулишера – родился в 1890 г. в Петербурге. Как и старшие братья – Иосиф и Евгений, он выбрал стезю правоведа, поступив на юридический факультет Петербургского университета, где в годы его учебы преподавали такие маститые ученые, как С.В.Пахман, В.И.Лебедев, И.Х.Озеров. После окончания в 1912 г. курса молодой кандидат права был оставлен при

университете для подготовки к профессорскому званию. В том же году он отбыл в научную командировку – в Великобританию, где рассчитывал пополнить свои знания. Два года он провел в Оксфорде, изучая историю конституционализма, особенности государственного устройства Англии, ее взаимоотношений с Ирландией и заморскими колониями, международное право. Неоценимые услуги Кулишеру в его кропотливой исследовательской работе оказал П.Г.Виноградов, о котором Александр Михайлович всегда вспоминал как о своем «духовном наставнике», с теплотой и нежностью².

В Россию Кулишер вернулся незадолго до Первой мировой войны. После магистерского экзамена он в 1914 г. был зачислен в штат преподавателей Петербургского университета в качестве приват-доцента. На этой должности Александр Михайлович пробыл всего чуть более четырех лет. Катастрофа 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война заставили его, вместе с братом Евгением, бежать из России³.

Из дореволюционного научного наследия Кулишера мы нашли только одну его работу: «Государственное единство Англии и гомруль»⁴ – скрупулезный анализ проблем, связанных с автономией Ирландии и эволюцией мировых империй в начале XX в. Уже этим исследованием Кулишер заявил о себе как о вдумчивом ученом, внимательном наблюдателе и серьезном аналитике, предлагавшем решать межнациональные конфликты, исходя из исторической обусловленности и взаимоуважения интересов всех сторон, без амбиций и раздражения.

Эмигрировав, Александр и Евгений Кулишеры решили осесть в Германии. Эта страна в начале 20-х гг. была крупнейшим центром российской эмиграции. По подсчетам современных историков, здесь в январе 1922 г. находилось около 250 000 российских изгнанников⁵. Несмотря на все экономические сложности, вызванные Первой мировой войной, в Берлине, Мюнхене и других крупных германских городах открывались российские учебные и научные центры, издавались газеты и журналы, действовали многочисленные культурные, просветительские и благотворительные общества.

В Германии нашли себе пристанище представители научной элиты, имена которых говорят сами за себя: Б.Д.Бруцкус, С.Л.Франк, А.И.Каминка, Л.М.Пумпянский, А.А.Югов (Фрумсон) и др. Все они, следуя лучшим традициям дореволюционной интеллигенции, заботились о том, чтобы сохранить и развить творческую мысль, менее всего задумываясь о своем материальном положении.

В 1923 г. в Берлине был открыт Русский научный институт (РНИ), в списке преподавательского состава которого мы находим и братьев Кулишеров: Евгений Михайлович читал курс лекций по гражданскому праву, а Александр Михайлович – по особенностям советского строя⁶. Входил А.М.Кулишер и в ученый совет института вместе с известными всему миру П.Б.Струве, А.А.Чупровым, С.Н.Прокоповичем и др.

Его лекции, отличавшиеся обилием фактического материала, логичностью изложения, глубиной анализа, представляли собой своеобразный сплав знаний в области права, социологии, философии и истории общественной мысли и всегда собирали полные аудитории.

Заработная плата в РНИ была довольно скромной (приват-доцент получал в 1924 г. всего 120 марок в месяц⁷), и Кулишер был вынужден искать дополнительный заработок. С начала 1920-х гг. он – постоянный сотрудник эмигрантской газеты «Последние ново-

сти», левокадетского издания, выходящего в Париже под редакцией П.Н.Милюкова. Публикации Кулишера (часто печатавшиеся под псевдонимом Юниус) охватывали широкий спектр проблем: от частных вопросов быта российских изгнанников до глобальных вопросов современности⁸. Но всегда в центре внимания ученого оставалась Россия, ее прошлое и настоящее. Надеждами на скорое возвращение он жил, считая, что оно произойдет рано или поздно, а пока необходимо использовать все силы и время на поддержание духа у соотечественников, подготовить молодежь к творческой работе на родине, не допустить снижения культурного потенциала за рубежом. Именно это чувствуешь, когда обращаешься к творческому наследию ученого, в первую очередь к публицистике, посредством которой Кулишер апеллировал не только к узкому научному миру, но и к широким кругам российской общественности в эмиграции⁹. Поражает и стиль работ – отточенный, лапидарный и безукоризненно выверенный.

По воспоминаниям одного из постоянных сотрудников «Последних новостей» Д.И.Мейснера, «...каждый день в определенный предвечерний час в редакцию “П[оследних] н[овостей]” приходил человек какой-то странной внешности. Все на нем сидело вкривь и вкось: и пенсне на длинном носу, и шляпа, которую он забывал снять, а когда снимал, то забывал, куда ее положил; шутники немедленно ее прятали. И пиджак был какой-то не впору, слишком длинен и широк для этого узкого тела, и речь была неровной, как будто внешне даже нескладной, расхлестанной, но на самом деле этот человек все твердо знал, что нужно было знать и помнить.

Ни одна строчка ни в одной газете на многих языках мира, если могла быть ему полезной, не ускользала от его внимания. Когда он все это читал, никто не знал. Знания, информация, сведения от вопросов текущей политики до общественных наук и учений – все это, как губкой, впитывалось А.М.Кулишером, основным автором передовых.

Помимо всего прочего, он обладал талантом писать длинную передовицу так, что никто не мог бы отличить ее от передовой Милюкова...»¹⁰.

Значима деятельность Кулишера и в рамках Республиканско-демократического объединения (РДО), общественно-политической организации, созданной П.Н.Милюковым и вобравшей в себя представителей левого фланга бывшей кадетской партии, а также многих талантливых публицистов и ученых. Выступления Кулишера на заседаниях Парижского и Берлинского отделений РДО были

посвящены проблемам, присущим западно-европейским демократиям, опасности нарождающегося национал-социализма, последствиям возможных столкновений между государствами, претендующими на мировое господство. Многие из предположений и опасений Александра Михайловича оправдались, в частности, то, что нацизм будет распространяться по Европе подобно снежной лавине, и остановить его возможно не уступками, а полным и беспощадным его искоренением, что было реально только при условии союза между государствами с различными социополитическими устоями.

Частые поездки во Францию были вызваны не только сотрудничеством Кулишера в «Последних новостях» и РДО. Он еще преподавал на русском отделении юридического факультета Сорбонны (с 1923 г.), во Франко-русском институте социальных и политических наук (с 1926 г.), где вел курс «Основы современного государства и политической партии»¹¹. И опять же все свое внимание и интеллект он направлял на изучение советского строя, понимая, что последствия увлечения идеями социализма у ряда западных политиков могут быть не менее трагичными, чем в СССР. А предостереечь, предотвратить сползание западно-европейских стран влево можно было только путем развенчания «завоеваний» большевистского режима.

Кулишер был заметной фигурой и в академических объединениях – в Русской академической группе в Берлине и в такой же группе в Париже, а после раскола последней по политическим мотивам – и в Русском академическом союзе. Выступления Александра Михайловича на публичном собрании в связи с 300-летием появления знаменитого труда Гуго Гроция «О праве войны и мира», а также его доклад перед эмигрантской общественностью в ноябре 1925 г. «Новейшая эволюция во взаимоотношениях парламента в Англии и Америке» вызвали широкий резонанс в зарубежной прессе и произвели огромное впечатление на специалистов в области гражданских прав. О Кулишере заговорили как о признанном знатке конституционного права и крупнейшем исследователе вопросов, связанных с этой тематикой.

Взгляды Кулишера на современность и историческое прошлое были изложены им в капитальном труде, подготовленном в соавторстве с братом Евгением¹². Первый том был опубликован, а второй подготовлен к печати, но все его материалы погибли после оккупации немецкими войсками Парижа. В своих оценках международных процессов Кулишер избегал крайностей и в то же время старался не повторять простых истин. Все было, по его мнению,

гораздо сложнее. Становление двух антиподов – демократии и тоталитаризма порождало социальные катаклизмы со всеми вытекающими из этого последствиями, тиражирование же социалистических трюизмов о столкновении «труда и капитала», «прогресса и реакции» представлялось ему сплошной демагогией. Кулишер отмечал, что неудачи демократии в 30-е гг. обусловлены трудностями, связанными с поисками новых форм существования этого политического института, насчитывающего не одну сотню лет исторического развития, а также этическими нормами, присущими большинству сторонников политического либерализма. В то же время успехи тоталитаризма Александр Михайлович объяснял его беспринципностью, отрицанием общечеловеческих ценностей.

Александр Михайлович не был чужд и еврейских интересов, в частности, в конце 1930-х его избрали верховным арбитром Новой сионистской организации, основанной В.Е.Жаботинским на Венском конгрессе сионистов в 1935 г.

Немудрено, что после прихода к власти Гитлера Кулишеру пришлось бежать из Германии. Преодолев множество преград, стоявших на пути изгнанника, он осел во Франции, где, несмотря на прогрессирующие болезни, продолжал свою научно-педагогическую деятельность.

Но вскоре и Франция превратилась в воюющую державу: началась Вторая мировая война. Многие из русских эмигрантов вновь упаковывали чемоданы, они готовились передвинуться дальше – за океан, в США. Уехал и брат Евгений, а Александр Михайлович решил остаться в Париже, вручив свою судьбу Провидению.

О последних годах жизни А.М.Кулишера практически ничего неизвестно. Можно лишь предполагать, что в оккупированном голодном и холодном Париже было не до научных изысканий.

В конце 1941 г. по эмигрантской среде прошла волна арестов. Они были вызваны успехами Красной Армии на Восточном фронте, активизацией французского подполья и отказом большинства российских эмигрантов сотрудничать с германскими властями. Были арестованы многие, в том числе поэт И.Британ, экономист П.Н.Апостол, публицист И.И.Бунаков-Фондаминский и др. Не избежал этой участи и А.М.Кулишер.

Он погиб в нацистском концлагере Дранси в начале 1942 г., скорее всего, был расстрелян¹³. Александр Михайлович так и не узнал, что за месяц до смерти он был избран в New School for Social Research (Нью-Йорк, США).

В выходящем в Соединенных Штатах «Новом журнале» товарищ и коллега Кулишера Г.Д.Гурвич написал о нем: «Несмотря на свою внешнюю рассеянность и нервность, А.М.Кулишер был человеком исключительной доброты, редкой душевной чистоты и сердечности, глубокой самоотверженности, привязанности к близким и друзьям. Его несокрушимая моральная и идейная энергия во всех общественных, политических, литературных и научных делах может служить примером того, каков должен быть настоящий ученый»¹⁴.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ЕВКРЗ*. Т.1(6). С.421.

² *Кулишер А.* Павел Григорьевич Виноградов // *Посл. нов.* 1925. 22 дек.

³ Старший брат Иосиф и отец остались в России.

⁴ *Кулишер А.М.* Государственное единство Англии и гомруль // *Юридич. вестн.* 1914. Кн.6; отд. изд. – СПб., 1914.

⁵ *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С.261.

⁶ См.: Новая русская книга. Берлин, 1923. № 2. С.42.

⁷ *Руль.* 1925. 28 янв.

⁸ *Кулишер А.* Новая коммунистическая доктрина // *Посл. нов.* 1924. 30 июля; *Его же.* Миф о пуританской демократии // Там же. 1924. 1 окт.; *Его же.* Разрушение и восстановление России // Там же. 1925. 4, 5 авг.; *Его же.* Экономическая революция // Там же. 1926. 20 янв.; *Его же.* Шуйца и десница евразийцев // Там же. 1927. 4 марта; *Его же.* Об эмиграции // Там же. 1928. 24 февр.; *Его же.* Коммунизм и реальный мир // Там же. 1929. 13 февр.; *Его же.* Обобществление // Там же. 1930. 16 апр.; *Его же.* Кризис культуры // Там же. 1930. 3 сент.; *Его же.* Реванш потребителя // *Современные записки.* Париж, 1932. № 48, и др. работы.

⁹ См. статью А.Кулишера в кн.: Юбилейный сборник газеты «Последние новости». 1920–1930. Париж, 1930.

¹⁰ *Мейснер Д.* Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С.201.

¹¹ См.: «Последние новости» за февр.–март 1926 г.

¹² *Kulischer A. und E.* Kriegzuge und Wunderzuge. Weltgeschichte als Volkerbewegung. Berlin und Leipzig, 1932.

¹³ См.: Письмо Е.Д.Кусковой Н.А.Рубакину от 4 марта 1942 г.: «Умер в лагере Кулишер, переводчик “Последних новостей”. Из сообщений о трагической смерти как будто явствует, что был убит как заложнику» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.358. К.246. Ед.хр.2. Л.11об.). См. также: Вечер памяти профессора А.М.Кулишера // *Новое русское слово.* 1942. 17 апр.

¹⁴ *Гурвич Г.Д.* Памяти проф. А.М.Кулишера // *Новый журнал.* 1942. Кн.2. С.375.

В семь лет уж не дитя: познав соблазны света,
Отравлен ядом был кошмарных снов и книг;
Ромео – через год; и с ним она, Джульетта,
Читает по складам его дневник.

А в десять наяву увидел Вельзевула:
Ребенка он застал за песнею в горах;
И в ту же ночь ему безмолвно Смерть мелькнула,
И Маме он сказал: «Твой сын – уже монах».

Но скоро злая жизнь зажгла его грехами:
Восславил он разгул, пленил его порок;
Им проклят был Господь, и ночью в темном храме
Рука, сорвавши крест, нажала на курок.

Потом опять и книг, и жутких дум провалы.
В семнадцать он борец за вольность, он – Спартак;
Но скоро дух остыл: земной свободы мало...
« Мир минус Я есть нуль; Мой ближний – он мне враг!»

<...> Теперь, казалось, все давным-давно изжито:
И мир, и черный скит, и бури, и покой,
И вольность, и тюрьма, и нега сибарита;
Был нищим, богачом, был деспотом, слугой...

Оригинальный жизненный «букет», здесь все: и страстно-несчастная первая любовь, и душевные метания, и покушение на самоубийство (в храме?!), и поиски жизненной формулы и «самого себя» – от образа Спартака до абсолютного нигилизма и декадентства, и шесть лет «красивого угара», и монастырская келья, и еще много чего...

Первые свои поэтические опыты сам Британ относит к раннему детству:

В детстве (был еще я мал)
Бог всю правду мне сказал;
В сердце, лаской не согретом,
Я услышал: «Будь поэтом!».

И тогда же, по всей видимости, юный поэт определил и цель жизни, и средство к ее достижению:

Жизнь, ты – средство! Бог, Ты – цель!
О звени, моя свирель...

Из косвенных источников можно дополнить его биографию еще несколькими штрихами: после окончания гимназии (1903 год) он поступил на юридический факультет Казанского университета. Начал печататься еще в бытность студентом. (Обнаружить его первые публикации пока, правда, не удалось. Кое-что из написанного в студенческие годы Британ позднее включил в один из своих поэтических сборников.) Скорее всего, через год перевелся либо в Московский, либо в Петербургский университет. После окончания университетского курса был записан в сословие присяжных поверенных.

Как и большинство его сверстников, Британ не избежал увлечения идеями Николая Федорова, Владимира Соловьева, Якоба Беме³. Мыслители эти были популярны в то время, особенно в среде студенчества. Их нестандартное, порой просто противоречивое мышление прекрасно вписалось в декаданс начала XX века.

Несмотря на еврейское происхождение, молодой юрист был частым гостем на заседаниях Православной народной духовной академии (Москва).

В начале Первой мировой войны Британ, неожиданно для всех, ушел в монастырь, где провел почти пять лет. Размеренное течение жизни прервал Октябрь 1917 г. На кровавый всплеск Красной смуты он откликнулся горькими строчками:

Жуткая осень. Конец октября.
Ночь непробудная. Медлит заря.
Месяц кровавый в недвижной реке.
Песни и крики, пляс в кабаке.
Голь разгулялася. Брань. Самогон.

В дыме табачном не видно икон.
Стонет за окнами бешеный мрак
Ветром охрипшим и воем собак.
Ночь непробудная. Медлит заря.
Жуткая осень. Конец октября.

...Поэт свел российскую трагедию к формуле Я.Беме: развитие мира есть результат противоречий добра и зла, света и тьмы, Бог есть начало не только добра, но и зла. В строках И.А.Британа ни одного просвета, лишь отражение варварства и беспредела, пьяного буйства и дьявольщины: «Куда дорогой Агасфера, / Страна родимая, бредешь?»

В конце 1920 г. Британ распрощался с монастырской кельей. Что заставило его покинуть монастырские стены?.. Разочарование в вере? Вряд ли, большая часть его поэтических произведений посвящена Богу. Страх перед разгулом толпы?.. Судя по последующим действиям – тоже нет. Всплеск какого-то юношеского максимализма?.. Скорее всего, вновь взыграл «дух Спартака»: «всю жизнь не жить, всю жизнь искать: таков мой пламенный удел...».

В начале 1921 г. Британ – депутат Моссовета, лидер так называемой группы «беспартийных, стоящих на советской платформе». Депутатство оказалось недолгим. Выступив с обвинением в адрес сотрудника Московского ЧК Малышева во взяточничестве, моральной нечистоплотности и проч.; выдвинув предложение о созыве Учредительного собрания и передачи ему всей полноты власти; опубликовав открытое письмо В.И.Ленину (в котором описал ситуацию, сложившуюся на местах: произвол советских чиновников, воровство, непрекращающийся террор, страдания обывателей), он не мог не навлечь на себя гнев власть предержащих.

Реакция Ленина последовала незамедлительно: «Хороший он, по-видимому, человек, и жаль, что не с нами. И – умный, очень умный, но – дурак». (Сентенция для вождя, впрочем, обычная.) Последствия не заставили себя долго ждать: буквально через несколько дней после публичного обращения к Ленину Британ был арестован.

«Бутырки, – вспоминал он несколько лет спустя, – 1921 год. Большая камера для интеллигентов, в которую можно попасть лишь за солидную взятку деньгами или натурой, т.е. спиртом»⁴.

На следствии ему грозили «расстрельной» статьей, но приговорили к ссылке во внутренние губернии. Позднее Британ писал:

«Ссылка заставила меня переменить специальность: из адвоката и литератора я превратился в педагога, преподавал всеобщую историю, русскую литературу и правоведение в местной школе... а вскоре местное начальство, не стесняясь тем, что я ссыльный и “враг советской власти”, назначило меня заведующим этой школой. Городок У. – медвежий угол, 60 верст от железной дороги, скука, нужда, малярия и пьянство»⁵.

Что можно придумать хуже, чем сгноить человека в Богом забытой русской провинции? Расчет верен: либо сопьется, либо с ума

сойдет, либо с тоски сам на себя руки наложит. И с властей в таком случае какой спрос? (В 1921 г. в провинциальное захолустье власти упрятали руководителей «Всероссийского комитета помощи голодающим» С.Н.Прокоповича и Е.Д.Кускову, Н.М.Кишкина и М.А.Осоргина, рассчитывая, что об их существовании все скоро забудут, а отрыв от общества поколеблет их душевные устои. Только чудо спасло ссыльных от медленной смерти.)

Весной 1923 г. ссылка была «милостиво» заменена высылкой за пределы России. (Советская власть рассчитывала таким образом добиться признания себя *de jure* на внешнеполитической арене, да и, видимо, кто-то из высших чиновников вступился, демонстрируя свое покровительство и всемогущество.) Британ был одним из последних «пассажиров философских пароходов», покинувших Россию в 1922–1923 годах. Они уезжали, надеясь вернуться на Родину через два-три года, но оказалось – навсегда...

Остановиться Илья Алексеевич (впрочем, как и многие) решил в Германии – русская колония насчитывала здесь более 200 тысяч человек, но старался избегать шумных компаний: «Я шел всегда один, особенной тропой / Кому-то злобно мстя, судьбе наперекор», исключение составляло общество сотрудников газеты «Руль» – А.И.Каминка, И.В.Гессен и некоторые другие. Страшно скучал он по Родине:

Молчи, холодная Германия,
Пустой цветок пустых семян!
Твои бескрылые познания
Не от небес, не для славян...

<...>

Стал я родине больше не нужен
И себе самому надоед;
Ранний пыл слишком рано остужен:
О, насильственный русский удел!

<...>

Прими, родимая страна,
Певца мучительные строфы:
Моя душа тебе верна
В години медленной Голгофы.

Но двадцатые годы – самый плодотворный период в жизни Британа. Один за другим выходят его сборники стихов и прозы: «С детьми» (Берлин, 1924); «На пороге. Лирическая поэма» (Берлин,

1924); «Изгнанники. Переживания в 4-х действиях, в прозе» (Берлин, 1924); «Мария. Мистерия в стихах» (Берлин, 1927). Были заявлены, но не вышли в свет книги «Н» и «Светлый мрак». Множество публикаций появлялось в газете «Руль»⁶.

Опубликованы и три обобщающих сборника стихов: «Богу» (Берлин, 1924; в конце сборника: «Königstein im Taunus 1923. День святого Иоанна Златоуста. MCMVII–MCMXXIII»)⁷. На экземпляре, хранящемся ныне в Российской государственной библиотеке, кто-то, видимо, бывший владелец, начертал: «Der Jude ist zudringlich gegen Christus». O.Weininger (Tagebuch)⁸; «Разноцвет» (Берлин, 1924; дата только в конце сборника: 27.XI.1923–1.IV.1924); «Полдень» (Берлин, 1925; с эпиграфом из Ницше: «Oh Lebens Mittag, Feierliche Zeit»)⁹. Последнее стихотворение в сборнике датировано: 3.IV–6.IX.1924. Дата, скорее всего, относится ко всем 267 стихотворениям книги.)

Одними из первых на выход из печати книг откликнулись русские пражане, недаром же Прагу 1920-х годов называли Русскими Афинами. Считалось, что здесь представлен весь цвет молодой российской литературы – «старики» предпочитали Праге Париж и Берлин.

И именно пражская молодежь «в штыхы» встретила Британа, обвинив его ни много ни мало в «поэтическом субъективизме». По мнению авторов появившихся в пражских периодических изданиях рецензии – В.Кадашева и А.Туринцева, от поэта «должно *требовать, чтобы личное в стихах претворялось в общее, чтобы в результате творчества получалось художественное произведение, а не “человеческий документ”, рифмованный дневник, интересный как материал для психолога*»¹⁰. Субъективизмом страдает, однако, не поэзия Британа, а скептицизм критиков, явно с предвзятостью отнесшихся к личности поэта и его творчеству.

Берлинские рецензенты (из среды русской эмиграции) были более благосклонны¹¹.

Скрывшийся за криптоном «Б.К.» литературный критик (скорее всего, Ю.И.Айхенвальд, к отзывам которого Британ всегда относился с большим вниманием) писал, что основной мотив сборника «Богу» – религиозный, автор отдает как бы отчет Богу, отчет в своей жизни и в своей душе, которая не обделена талантом думать и чувствовать, которая наделена пафосом мистических устремлений и, согласно Якобу Беме, воспринимает время как вечность, а вечность – как время.

Однако эта направленность к Богу, даже некоторая одержимость Богом нарушается вторжением инородных моментов. Так, например, сильно ощущение того, что в мире, в Божьем мире, присутствует злое и бессмысленное начало: *«Повсюду смерть, и нет в ней смысла, страдает бедная страна; весов колеблет коромысла защитник Божий – Сатана»*. Начало это налагает свою печать смущения и возмущения на благочестивую и богобоязненную душу, вводит в нее ядовитые дрожжи соблазна и сомнения, и тогда слышатся кошунственные речи, богомолец «становится спиной» к Богу и молвит: «Господь, Вы – лишняя забота!...». После чего власть над той же душой, не только небесная, но и земная, оспаривается Сатаной у Бога и Афродиты. И мир кажется ничтожным и тесным.

Мотив религиозный тесно переплетен у Британа с мотивом самоопределения: *«Я – вечный путник, я – прохожий, / я – рыцарь Господа Христа, / во мне теперь лишь голос Божий, / молчит земная суета!»*. Слегка закамуфлированный эпатаж переплетается с откровениями, но в этой мистической связке творчество поэта только выигрывает: талант его – дар Божий.

О «Разноцвете» тот же критик заметил, что стихотворный сборник много выиграл бы, если бы в нем не было так много стихотворений. Ведь сама природа лирики, сердечных излияний не терпит неопределенной пространности: как и всякая другая природа, она не выносит пустоты. И в пустые, незаполненные места или, по крайней мере, в повторение неизбежно попадает лиризм, особенно тогда, когда «отпускают поводья» и в предельную откровенность не вводят сдержанности.

В данном случае избыточность материала тем более досадна, что из-за нее бледнее становятся бесспорные достоинства стихов и количеством здесь ослабляется качество. Если отбросить лишнее, то «Разноцвет» приобретает замысловатый внутренний рисунок и необычную композицию настроений. Энергичный и крепкий стих там, где он выбирается из окружающей его водянистой прозы, звучно и остро поднимает оригинальные темы. С земли взор устремляется в радужную разноцветность иных миров, к игре и узорам небесных далей, и за это постижение сверкающего лика вечности поэт настаивает на своеобразной награде: «Поцелуй меня, Боже, за это». И вообще – «Господь, мой слушатель, – единственный мой критик». Но и без критика может обойтись автор, так как благоговейная почтительность последнего к первому не однажды прерывается нотами иного порядка – нотами неверия и откровенно

иронических (порой даже язвительных) сомнений: «Ах, отчего Тебя, Господи, нет!» И ощутимо близкое присутствие дьявола: он – «vis-à-vis».

Британ настойчиво возвращается к слову «плен» и мотиву плена у самого себя, у собственной души, в которой накопился «ненужный хлам», выросла помеха, не дающая свободно и беззаботно отдаваться жизни, солнцу, синеве, радостям природы и детям, утешителям души. Двойственность отношения к Богу (которого «как будто нет») и к «не спасшему Спасителю» позволяет Британу и в других подмечать такие черты, которые также свидетельствуют о двойственности. Вот, например, и Василий Розанов, по меткому выражению Британа, – «клоун Господа».

Сборнику «Полдень» предпослан авторский манифест – стихотворение «Светлая судьба» с подзаголовком «Testamentum militis», т.е. завещание воина, в котором, в частности, утверждается: «Поэзия – путь к Богу. Поэт – Божий... Кто ищет земного, тот не родился... Без Святого и без Поэта миру не устоять... Ибо Господь – поэт... Слово найдет себя – только не мешай...» Своеобразное поэтическое credo.

Поэт разнообразно переплетает мотивы «разноцвета» и «морока», религиозности и богоборчества, нежной умиленности и темного гнева и отчаяния, но зачастую в своей умелой и уверенной игре слишком переходит некую грань и впадает в полнейшую аффектацию: «Алло! Везите в крематорий мой бледный, скучный, гадкий труп!..»

Настойчиво выделяется тема России, страстная любовь к Родине, страстная скорбь по Отчизне. Поэт создает свой образ России, образ, навеянный воспоминаниями о прошлом, грустью, мотивами безответной любви, несбыточным желанием вернуться назад, в Россию, и подсознательным пониманием того, что прежней Родины уже нет и никогда не будет.

Россия, родина – не мертвые слова,
Не сны, не призраки далекого былого;
В душе измученной начертано: Москва...
Разлука тягостна, изгнание сурово.
Путь испытания – кровавый, крестный путь,
Мечтою льстивою себя не убаюкай:
Поля отчества сумеешь ты вернуть.
Когда – не ведаю. Но как? – Любовью, мукой.

Душевный надлом поэта усиливается фантасмагорической комбинацией запахов, образов, колокольного звона и убежденности в Божественном предназначении:

Россия... пряный запах сена...
(А вечер тих и розоват...) –
Бессильна магия Герлена
Навеять этот аромат! –

Он нежен, сладок, мимолетен,
Как ладан стареньких церквей,
Как взор мусатовских полотен,
Как память милых, милых дней.

Россия... Пряный запах стога.
(А звезды – пламя в хрустале!) –
Россия – край любимый Бога,
Россия – небо на земле!

Образ России отождествляется с чем-то божественным:

Мы все Тобою только живы,
Тебе молясь, о Дева Дев,
И лес, и солнце, горы, нивы,
Твердят акафист нараспев.

Британ принадлежал к тому слою российских изгнанников, кто духовно сформировался еще в России и для кого эмиграция, в отличие от молодежи, представляла собой величайшую трагедию. Подобно экзотическому растению, насильственно вырванному из привычной среды обитания, это поколение не смогло прижиться в чужих краях. Родившиеся в 80-х гг. XIX в. – своеобразное «потерянное поколение»: на Родине их не знали, а в эмиграции их творческий потенциал (за исключением отдельных личностей) не был востребован. Именно поэтому в творчестве Британа над светлыми тонами превалировали мотивы тоски, тихой грусти, разочарований, обращения к Богу.

Шли годы... Уходили в мир иной друзья и собраты по перу, дымкой тумана затягивалось прошлое, все несбыточнее становились мечты вернуться когда-нибудь на родину.

Эмигрантской тоской пронизано его стихотворение «1931 г.»:

Еще один тяжелый год,
Еще тяжелый ряд могил.

Ржавеет ум, а сердце ждет,
А в сердце лава буйных сил¹².

Однако как ни печальны были утраты, как ни горьки раздумья, жизнь все же продолжалась, Британа читали, его знали, его поэзия заставляла радоваться и грустить, рассуждать и спорить, соглашаться и думать...

Но наибольший резонанс в эмигрантской среде получил его памфлет «Ибо я – большевик!!..» (Берлин, 1924), написанный в форме письма к «изгнаннику» от старого приятеля (большевика), оставшегося в России и вспоминавшего «былые дни». В этой книге (предварив ее текст эпиграфом: «Тем, кто придут») Британ высказал без экивоков свое отношение к большевизму, его вождям, их политике и проч. Он задается «неудобными» для большевистских властей вопросами:

«Почему люди, которые совсем недавно жертвовали собой, жили не хуже “подвижников церкви” истинными аскетами, вдруг полюбили особняки (непреренно особняки: квартиры, хоть в 20 комнат, им мало!), шампанское, кокоток, да которые подороже, из балета, собственные поезда <...>, а жены их – бриллианты в орех, (“нельзя ли с царицы?”), альфонсов и, конечно, десяток новых платьев в месяц?»

Почему «чуть ли не вся страна управляется <...> дружескими записочками, покупаемыми подчас за такие деньги, на которые можно купить самые ценные автографы величайших гениев мира?..»

Почему «у наших лучших товарищей, которые стоят за беспощадный расстрел взяточников, рука поворачивается делать то же самое, за что они час тому назад казнили другого! “Самоснабжение” – не грех, что с буржуа за “честное” дело, в виде подарка, разрешается получить, ибо это не взятка, где деньги делают что-то “незаконное”?..» («А воруют... Donner Wetter, как они воруют!» – в сердцах восклицает Британ.)

И сам же пытается разрешить эту «чертову загадку»: диалектика революционного марксизма! Социальная пирамида, казалось, перевернулась: кто был ничем, тот станет (стал) всем! Все так, да только расслоение общества продолжалось. Лозунг «Всех – к одному знаменателю!» приемлем лишь для низших слоев общества.

Аристократию сменили новые «классы» – партаппарат и красные директора, высшие чины спецслужб и армии.

Кто скажет правду?

«Где стирается прозрачная грань между “Wahrheit” и “Dichtung”?»¹³ Там, где нет лжи. Что такое правда? Путь к Богу. Если бы не ненавидел, то не было бы во мне и любви...»

Правдоискательство – извечный крест, который взвалила на себя российская интеллигенция и на котором ее распнут. Понимал ли это Илья Алексеевич?

«Как хорошо, что вас здесь нет, – пишет “приятель” Британа. – В эти дни никакое и ничье заступничество не спасло бы вас ни от Устюга и Нарыма, ни от более неприятного путешествия – “на луну”...» (т.е. от расстрела. – В.Т.).

Британ здесь, пожалуй, напророчил: многих из тех, кого накрыла волна арестов осени 1922 г. и кого предполагалось выслать (но в силу разных обстоятельств высылку отменили), рука ОГПУ–НКВД достала в 30-е годы.

«Паришное времечко! Но – встань сейчас сам Ленин, с телом которого у нас такая досадная и прибыльная для ученой шатиш возня, и он, вероятно, только выmaterилс бы почище десятилет-ного комсомольца и уехал бы на охоту или удрал обратно, не зная, что делать.

Правда, нам известно, что Ленин был липовым теоретиком, и его, с позволения сказать, марксизм, ныне именуемый лениниз-мом (слово – почти неприличное!) действительно представляет из себя дурную мешанину из Бланки, Бакунина, пугачевщины и... чего-то от Федьки-каторжанина; правда, вам ясно, что его философ-ские познания были смехотворными, а книжка “Материализм и эмпириокритицизм” навсегда останется образцом крайней тупо-сти в абстрактных вопросах...»

Но критика вождя – «лирическое» отступление. Действитель-ность намного суровее.

«Мы здорово обманули тех, кто по глупости или по жадно-сти к легкой наживе поверил в наше “всерьез и надолго” (...по

дешевке купленные... академики, сменовеховцы и прочая гредескуловищина...), хотя не мы ли (и так недавно!) обобрали их и расстреливали как бешеных собак. Мы обрекли в жертву коммунистическим идолам тех, кого сами же и – с таким трудом – создали, чтобы их доить и стричь, а отнюдь не резать. Мы одной рукой маним к себе заграничный капитал, ибо казне нашей – каюк, а другой – мы душим его у себя, ибо иначе... нас задушат».

Ответ сторонникам (и поклонникам) социализма «с человеческим лицом», рьяно ратовавшим в то время в эмиграции за возвращение в Россию и признание Советов (патологически вербализованных с эфемерным образом Земского собора) как «единственной формы правления на Руси». Это и предупреждение западным политикам – заигрывания с большевиками чреватые серьезными последствиями:

«Политические расчеты и экономические надежды создали “теорию”: мы, мол, не вмешиваемся во внутренние дела Советской России. Но эта Пилатова политика мстит за себя: не хотите замечать, что Советская власть желает вмешаться во внутренние дела всего мира и что в этом, по ее неоднократно собственному заявлению, заключается главная задача Советской власти».

Книга имела большой резонанс, даже спустя несколько лет в редакцию «Руля» поступали письма читателей с вопросом: кто же автор этого письма? Называли, как правило, Н.И.Бухарина. Британу пришлось писать ответ, в котором он откровенно признался, что

«...никакого письма от Бухарина я никогда не получал, народным комиссаром, слава Богу, не был, состоял членом Моссовета, каковое звание мне чуть не стоило жизни, был за это дважды в тюрьме и дважды выслан.

Моя книга “Ибо я – большевик!!..” вышла в 1924 г. в Берлине совершенно легально и вызвала в Москве бурю негодования и обвинений в “предательстве”, потому что они узнали себя в этом психологическом зеркале: не одного Бухарина, но и многих других видных и типичных деятелей коммунистической шайки заставил я говорить их собственным языком, а иногда – и дословно. Рядовому читателю нужны комментарии и расшифровки имен и фактов, но

Красный Кремль в них не нуждается и понял, что за покровом “живет истинная правда”. Один из виднейших большевиков в разговоре со мной здесь, в Германии, сказал мне: “Эта книжечка – для нас” и увез с собой в Москву десятки экземпляров для раздачи “по назначению”. Другой, еще более видный деятель (в “международном масштабе”) писал мне 2 сентября 1924 г.: “Даже извращенное воображение такого же гнуса, как Вы, – Достоевского не порождало ничего подобного”, – комплимент, разумеется, мало мною, к сожалению, заслуженный»¹⁴.

Советская власть всегда боялась печатного слова гораздо больше, чем военной угрозы. Что можно ответить на правду? Свети все к сентенциям «гнусная ложь» и «заведомая клевета»? Но подобная реакция лишь убедит читателя в правоте обвинений.

Высказанные в книге «Ибо я – большевик!!...» идеи нашли свое развитие в политической публицистике Британа. Его страстные статьи и обзоры, комментарии к происходящим в мире и в России событиям, отклики на юбилейные даты и рецензии на вышедшие книги публиковал все тот же «Руль» (зачастую под псевдонимами «Ильяс», «Кай», «Глеб Сорин»)¹⁵. 1928 г.: «...Если бы большевизм не был религией, религией наизнанку, то он у нас, в России, не только десять лет, но и десяти дней не просуществовал»¹⁶. Квазирелигия, так как вера в ее постулатах прививалась насильственным путем – через голод, ГУЛАГ и «охоту на ведьм».

«Страшный зигзаг большевизма, – писал он летом 1930 г., – не есть роковой и безвыходный тупик: как ни безумен, как ни опасен этот соблазн, о нем давно предупреждали русские пророки, но их вера в свой народ и его предназначение все-таки не колебалась, ибо они знали, что дорога в Обетованную землю всегда лежит через пустыню, с ее зигзагами, миражем, ошибками, паденьями, даже изменой Богу во имя золотого тельца. Разве зигзаг большевизма, для которого идеал – это сытость, материальное богатство, машина, торжествующая над жизнью, фабрика, торжествующая над храмом, – разве это все не карикатура на золотого тельца “цивилизации”, но лишь карикатура, как и все остальное, чем дышит большевизм? Поэтому большевистской культуры нет, не было и не будет: поэтому русская культура теперь – в изгнании, если она за рубежом, и – в катакомбах, если она на русской земле»¹⁷.

Несколько позже, в статье, посвященной юбилею Ф.М.Достоевского, Британ продолжил:

«Он [Достоевский] знал, как, когда и почему они придут, но он не знал, когда и почему они исчезнут как самозванцы ("Гришка Отрепьев", – кричит Хромоножка Ставрогину. Который все-таки по духу – их), как искажители русского мессианства, желающие "спасти" Россию и мир через подменную идею безбожного братства. Если они – историческая необходимость, ибо, по словам Талмуда, никто не может перепрыгнуть через свою тень, то все-таки ни о какой гибели страны и народа не может быть и речи...»¹⁸.

В чем старается убедить читателей и самого себя Илья Алексеевич? Большевизм – зигзаг истории? Но – зигзаг неизбежный? Для Британа – это общественная болезнь, не переболеть которой невозможно. И одновременно вера в то, что и народ и страна найдут в себе силы преодолеть сей недуг.

После прихода Гитлера к власти Британ бежал в Париж. Жил в страшной бедности. Его публиковали и в «Возрождении», и в «Шанхайской заре», но гонорары были мизерными, они не покрывали даже затрат на лекарства (сказались и бурные молодые годы, и проведенное в советских тюремных застенках и ссылке время).

Дошло лишь одно поэтическое произведение «парижского периода». В мае 1940 г. появилось «Прости усталому рабу / Земную преданность заботе...». Своеобразное завещание... (оно было опубликовано в выходящем в США «Новом журнале»¹⁹.) Поэт подводит итоговую черту, предчувствуя близкую гибель.

...Через месяц в Париж вошли гитлеровские танки.

О последнем годе жизни поэта известно еще меньше, чем о первых тридцати. После фашистской оккупации Франции он участвовал в Сопротивлении, был арестован и помещен в концлагерь Дранси под Парижем, где и закончил свой земной путь 15 декабря 1941 г. На его смерть откликнулись «Новое русское слово» (9.05.1942) и «Новый журнал» (уже упомянутой публикацией). А затем – более 50 лет полного забвения. Лишь в книге «Вернуться в Россию – стихами» (М., 1995) нашлось место для крохотной подборки его поэтических произведений и краткой биографической справки.

¹ Впервые опубликовано в кн.: РЕВЗ. Т.1(6). С.428.

² Исключение составляет работа В.Ф.Булгакова «Словарь русских зарубежных писателей» (Н.-Й., 1993), где И.Британу уделено несколько строчек.

³ Федоров Николай Федорович (1828–1903) – русский религиозный мыслитель. Выдвинул «проект» всеобщего воскрешения умерших («отцов») и преодоления смерти средствами современной науки; Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский религиозный философ, поэт, публицист. В учении Соловьева о мире как «всеединстве» христианский утопизм переплетался с идеями новоевропейского идеализма; Беме (Bohme) Якоб (1575–1624) – немецкий философ.

⁴ *Ильяс*. Одно и то же // Руль. 1928. 21 авг.

⁵ *Британ И.* Современные новеллы. Ребенок. Кузнечик // Руль. 1928. 24 июня.

⁶ См., например, его поэзию и прозу: «Россия... Пряный запах сена». (Из книги «Грядущий час») // Руль. 1924. 27 сент.; «Я не хочу садов Семирамиды...» (Из цикла «Изгнание») // Там же. 20 авг.; «Повсюду слышатся тревожные шаги...» (Из цикла «Моя Россия») // Там же. 1926. 9 мая; «Новый Год». (Из цикла «Моя Россия») // Там же. 1927. 1 янв.; «Богоматерь». (Из цикла «Моя Россия») // Там же. 4 сент.; «Бал-маскарад» // Там же. 1928. 26 февр.; Современные новеллы. Ребенок. Кузнечик // Там же. 1928. 24 июня; Звенья // Там же. 26 авг.; Жуткая ночь // Там же. 21 сент.; Загадка // Там же. 13 нояб.; Благотворительность // Там же. 1929. 22 июня; Тангейзер // Там же. 29 нояб.; Как она купила серьги... // Там же. 1930. 27 февр.; Культура и цивилизация // Там же. 8 июня; Тильтль // Там же. 6 июля; Сцена // Там же. 13 июня; По объявлению // Там же. 20 июля; «12 – в расход» // Там же. 17 авг.; Под часами // Там же. 14 сент.; Встреча // Там же. 5 окт.; «Ему надо подать...» // Там же. 8 нояб.; Венерин грот // Там же. 30 нояб.; Леночка // Там же. 1931. 1 янв.; Гадание // Там же. 18 янв.; Солнечный // Там же. 27 янв.; По-новому // Там же. 22 марта; Week-end // Там же. 3 мая.

⁷ 1907–1923 гг.

⁸ «Еврей навязчиво против Христа». О.Вайнинггер (Дневник). – Нем.

⁹ О, жизни середина, праздничное время. – Нем.

¹⁰ См.: *Кадашев В.* Рец. на книги: Британ И. Богу. Берлин, 1924; Британ И. Разноцвет. Берлин, 1924 // Студенческие годы. Прага, 1925. №1(18). С.54–55; *Турицнев А.* Рец. на кн.: Британ И. Полдень. Берлин, 1925; Британ И. На пороге. Берлин, 1924 // Студенческие годы. Прага, 1925. №2(19). С.33.

¹¹ См., например: *Б.К.* Рец. на кн.: Британ И. Полдень. Берлин, 1925 // Руль. 1925. 8 апр.

¹² Руль. 1931. 1 янв.

¹³ Правда и вымысел. – Нем.

¹⁴ Цит. по кн.: *Британ И.* Ибо я – большевик!!.. Берлин, 1924. С.27.

---

¹⁵ См., напр., его работы: Две религии // Руль. 1928. 5 и 7 февр.; Доигралась // Там же. 12 февр.; Полпреды и торгпреды // Там же. 18 февр.; Две мерки // Там же. 3 авг.; Логический вывод // Там же. 5 авг.; Одно и то же? // Там же. 21 авг.; Профессор Осадчий // Там же. 19 окт.; Вышинский! // Там же. 30 мая.; Ошибка // Там же. 1931. 6 окт.

¹⁶ *Британ И.* Две религии: Беседа // Там же. 1928. 7 февр.

¹⁷ *Он же.* Культура и цивилизация // Там же. 1930. 8 июня.

¹⁸ *Он же.* Он и они // Там же. 1931. 10 февр.

¹⁹ Новый журнал. 1942. №3. С.162.

Абрам Вишняк и его издательство «Геликон»¹

Леонид Юниверг (Иерусалим)

Среди русских издательств берлинского периода эмиграции значительное место занимало бывшее московское издательство «Геликон», основанное **Абрамом Григорьевичем Вишняком** (1893–1944). В первоначальный период своей деятельности в Москве оно специализировалось на выпуске книг по изобразительному искусству. Здесь стоит упомянуть А.А.Сидорова – в то время молодого приват-доцента Московского университета, начинающего свой путь в искусствоведении, – автора двух книг об Обри Бердслее и монографии об Огюсте Родене, вышедших в 1917 году в московском издательстве «Венук».

По его словам, организаторами этих изданий выступили многоопытный издатель А.М.Кожебаткин, а также известный букинист и библиофил Д.С.Айзенштадт «вкупе с молодым “богачом” Вишняком»². Из этого можно сделать вывод, что, во-первых, Абрам Вишняк, незадолго до того приехавший из Киева, видимо, был сыном состоятельных родителей, а во-вторых, что участие в издании книг Сидорова стало своеобразными «издательскими университетами» Вишняка, открывшего в следующем году собственное книгоиздательство под романтическим названием «Геликон».

Начиная с античного названия издательства (оно дано в честь древнегреческих гор, где, по преданию, от удара копытом Пегаса возник источник Иппокрена, в котором купались музы) и кончая изысканной издательской маркой (предположительно, работы В.Н.Масютина), на которой изображена одна из муз Геликонид, – все отражало эстетский характер самого Абрама Вишняка, которого, по принятому в то время обычаю, стали называть по имени издательства. Здесь же, со слов сына Вишняка, уместно отметить, что

Обложка книги А.Белого

Абрам Григорьевич с юных лет увлекался античной культурой и в Москве изучал латинский и греческий языки. Позже, занявшись современной литературой, он стал читать европейских писателей в подлинниках. Среди особо любимых им авторов были Гийом Аполлинер и Алан Фурнье³.

Из изданий московского периода (1918 год) стоит отметить «Искусство Марка Шагала» А.М.Эфроса и Я.А.Тугендхольда, первое серьезное исследование творчества тогда еще молодого художника, монографию А.А.Сидорова «Гравюры Альбрехта Дюрера», а также книгу талантливому художественного критика и писателя П.П.Муратова «Герои и героини».

В Берлине, куда Вишняк перебрался, по-видимому, с началом нэпа, он с сентября 1921 года продолжил свою издательскую деятельность, сохранив прежнее название фирмы, но указывая двойное место издания: «Москва–Берлин». Это в то время говорило об определенной лояльности издателей к Советской России, за что власти обещали не препятствовать ввозу книжной продукции этих издательств (естественно, предварительно проверенной бдительным оком советской цензуры) на территорию большевистского государства.

Финансовая поддержка издательству «Геликон» в Германии была оказана доктором медицины Юрием Борисовичем Штейнбергом, владельцем завода под Фрейбургом, двоюродным братом (по матери) и ровесником М.О.Цетлина, известного мецената и поэта⁴.

В Берлине «Геликон» сосредоточился, главным образом, на выпуске литературно-художественных произведений современных авторов. Достаточно назвать такие имена, как Андрей Белый, Алексей Ремизов, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Федор Сологуб, Илья Эренбург, Виктор Шкловский, Михаил Гершензон, чтобы представить себе масштабы и серьезность издательской деятельности Вишняка.

А ведь в то благословенное время русского книгоиздания в Берлине, наступившее после трагического преднэповского «рукописного периода», к услугам авторов, проживавших как внутри, так и вне России, было около 40 книгоиздательств, готовых обслуживать и советский, и эмигрантский рынок. Причем эти издательства развили столь бурную деятельность, что, по словам современника, в 1922 году в Германии был установлен своеобразный рекорд: русских книг вышло больше, чем немецких!⁵ Добавим, что таких издательств было немало и в других русских эмигрантских центрах – Париже, Праге, Софии, Белграде, Риге, Харбине, а также в ряде

городов Северной и Южной Америки. Почему же столь известные авторы были заинтересованы в сотрудничестве с «Геликоном»?

Думается, их привлекала высокая книжная культура издательства, уделявшего в равной мере внимание как подготовке книги к печати и ее полиграфическому исполнению, так и художественно-графическому оформлению своих изданий. Вот что, например, писало об этом литературное приложение к «Накануне»: «...Книги “Геликона” заставляют нас вспомнить о лучших временах расцвета русского издательского дела (1912–1915 гг.)»⁶.

В связи с этим стоит вспомнить замечательных художников, сотрудничавших с Вишняком. Это, прежде всего, Василий Масютин и Эль Лисицкий, оформившие по нескольку книг в издательстве, а также Натан Альтман, Александр Арнштам, Фриц-Пауль Блюм, Фернан Леже, Марсель Слудкий, Дмитрий Стеллецкий и др. Все издания были отпечатаны в небольших берлинских типографиях достаточно скромно, но аккуратно и изящно. Иллюстрации, заставки, концовки и буквы, как правило, были черно-белые, штриховые, и лишь обложки иногда бывали двухцветные. При этом нельзя не подчеркнуть библиофильский характер, который Вишняк придавал части каждого издания: примерно 100 экземпляров из тиража печатались на особой бумаге, а затем «одевались» в твердые переплеты. Всего за два с половиной года существования издательства в Берлине им было выпущено около 50 названий книг и журналов.

Наиболее печатаемым автором «Геликона», безусловно, являлся Илья Эренбург, с которым Вишняк был не только в деловых, но и в дружеских отношениях. О последних свидетельствуют, в частности, цитируемые ниже воспоминания Эренбурга, а также ряд книг писателя с его автографами, которые до сих пор хранятся в Женеве, в семье сына издателя.

Из книг Эренбурга необходимо упомянуть прежде всего «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», впервые увидевшие свет в «Геликоне» в 1922 году, а затем многократно

Вера (Ревекка) Вишняк, Абрам Вишняк и Андрей Белый
1922(?), Херингдорф

переизданные в России. В том же году Вишняк издал еще три книги Эренбурга: «Шесть повестей о легких концах», иллюстрированные оригинальными коллажами Лисицкого; «А все-таки она вертится» и «Золотое сердце: мистерия. Ветер: трагедия». А в 1923 году вышли «Тринадцать трубок» (с обложкой работы художницы Любови Козинцевой, жены автора), «Звериное тепло» и второе издание «Лица войны».

Вот как вспоминает о знакомстве с Вишняком Илья Эренбург: *«Издательство, выпускавшее “Хулио Хуренито”, называлось поэтично – “Геликон”. Горы, где обитали некогда музы, не оказалась; была маленькая контора на Якобштрассе, и там сидел молодой человек поэтического облика – А.Г.Вишняк. Он сразу подкупил меня своей любовью к искусству <...> Эмигрантские критики его называли “полубольшевиком”. А мы его прозвали “Мурзуком”. Он внес в берлинский быт нравы московской зеленой богемы <...> Я подружился с ним и с его женой Верой Лазаревной...»⁷. (Кстати, сын Вишняка – Жак – в письме к автору статьи называл свою мать ее еврейским именем – Ревекка. – Л.Ю.)*

Здесь же уместно привести отрывки из дневника девятилетней Ариадны Эфрон, дочери Марины Цветаевой, которая неоднократно, вместе с матерью, бывала в конторе издательства.

Контора его – для него – весь мир. Стол, который стоит у окна, с толстым стеклом и на котором разложены все издания Геликона – чужих изданий на своем столе он не терпит; три шкафа с книгами; над ними – китайский божок. За стеной, в маленькой комнатке, стучат на машинках сквозная барышня-секретарша и иногда молодой человек разбойного вида – сам себя печатающий Эренбург.

Посещают Геликона самые разнообразные личности: какой-то старый господин с часами на обрывке собачьей цепи (золотая цепочка продана!), худые унылые вдовы писателей, приходящие в надежде на то, что Геликон будет выдавать им пособие за мужей; судорожно пляшущие на стуле литераторы, надеющиеся облагодетельствовать Геликона переводом своей же книги на испанский язык... Все, что никому понадобится не может, приходит (на двух ногах) и притаскивается (в портфелях) к Геликону, он старается никого не обидеть, но все ругаются, что он мало платит...»⁸

О практически неограниченной творческой свободе, которую Вишняк предоставлял авторам при подготовке издания, и вместе с тем о соблюдении четких издательских установок свидетельствует,

к примеру, книга Эренбурга о новом стиле в искусстве «А все-таки она вертится». Достаточно привести своеобразное уведомление «От книгоиздательства», помещенное в начале книги: *«Книгоиздательство “Геликон” считает нужным заметить, что оно далеко не во всем солидарно с высказанными в книге И.Эренбурга суждениями. В свою очередь, автор просит подчеркнуть, что книга эта набрана по старой орфографии против его желания».*

Идя навстречу писателям, Вишняк нередко соглашался и на существенные дополнительные расходы по особому оформлению их работ. Так, в той же книге Эренбурга 16 иллюстраций помещено на специально вклеенных листах мелованной бумаги и 5 — в тексте. Причем, наряду с высококачественными фотографиями, воспроизводящими новинки технической и архитектурной мысли, представлены репродукции с литографии Эля Лисицкого, дизайнерского проекта А.Родченко, эскиза театрального костюма П.Пикассо и т.п. Особенно активно используются в книге графические работы Ф.Леже; им же оформлена обложка книги.

Абрам Вишняк с сыном
Женей (Жаком)
(1923 (?) Германия)

Активно сотрудничал в 1922 году с «Геликоном» и Андрей Белый. Он не только подготовил для издательства двухтомник «Записки чудака» и «Путевые заметки: Сицилия и Тунис», но и взялся за редактирование литературного ежемесячника (фактически — неперiodического сборника) под названием «Эпопея» (вышло всего 4 выпуска). Тут же, попутно, упомянем еще об одном периодическом, на этот раз еженедельном издании «Геликона» — «Бюллетене Дома Искусств в Берлине».

В 1923 году сблизился с издателем молодой Виктор Шкловский. Его первая книга в «Геликоне» — «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза» — принесла автору заслуженный успех и вскоре была дважды переиздана в России. Высокую оценку книге дал и Юрий Тынянов⁹. Затем в издательстве вышли еще две книги Шкловского: «Сентиментальное путешествие», состоящее из мемуарных очерков 1917–1922 годов, и книга статей «Ход конем».

Из других книг более известных к тому времени авторов следует назвать «Россию в письменах» Алексея Ремизова (1922), сборник стихов Бориса Пастернака «Темы и вариации» (1923), повесть Федора Сологуба «Барышня Лиза» (1923). Несколько особняком на фоне изданий современных авторов смотрятся три книги, вышедшие в 1922 году: две из них – И.С.Тургенева («Песнь торжествующей любви» с рисунками В.Масютина и «Казнь Тропмана: Из литературных и житейских воспоминаний» с иллюстрациями Марсе-ля Слodkaго) и одна – Н.В.Гоголя («Нос» с рисунками Масютина). Видимо, это были попытки укрепить свое дело в Берлине, когда легче было издать безгонимого классика, к тому же всегда желанного и бесспорного на российском книжном рынке. Кстати, именно в 1922 году – в период расцвета издательской деятельности «Геликона» – Вишняку удалось на какое-то время стать владельцем собственной типографии в Берлине¹⁰.

В начале 1922 года «Геликон» выпустил сборник стихов Цветаевой «Разлука». Инициатором этого издания, как и знакомства поэта с издателем, был Эренбург. Вишняк откликнулся на его просьбу выпустить новый сборник Цветаевой, чтобы помочь ей собрать денег на поездку к мужу в Прагу, попавшему туда после поражения Белой армии¹¹. Абрам Вишняк – любивший поэзию и разбиравшийся в ней, сам изредка писавший стихи для себя – восхищался Цветаевой как поэтом. Уже по собственной инициативе им была издана другая книга ее стихов – «Ремесло», он же предложил ей перевести повесть Г.Гейне «Флорентийские ночи», а также убеждал Марину Ивановну подготовить книгу прозы из ее дневниковых зарисовок московской жизни 1917–1919 гг. Наконец, роман, возникший между поэтом и издателем, стал поводом для создания еще одного, на этот раз эпистолярного произведения Цветаевой. Его основой стали девять писем к Абраму Вишняку и одно его ответное письмо, переведенные автором на французский язык. Вкратце остановимся на предыстории этого романа, рассказанной Юрием Клюкиным – переводчиком переписки с французского оригинала.

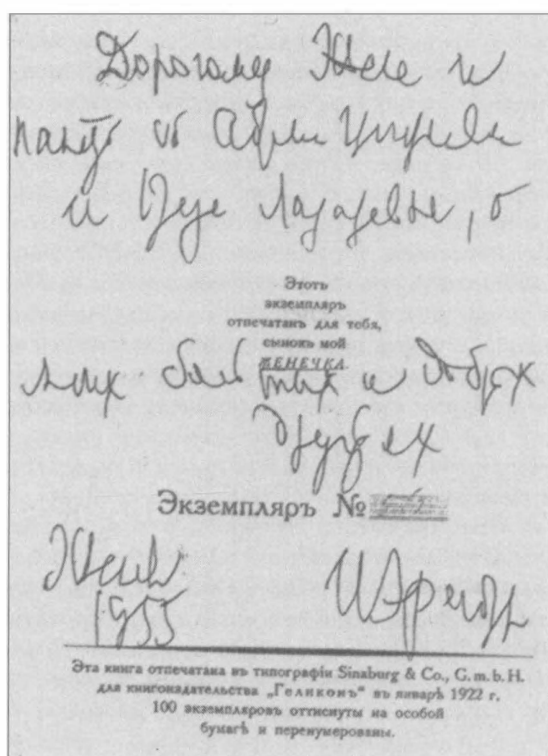
«Однажды Вишняк посвятил Цветаеву в свою семейную драму – увлечение жены, которую он обожал, другим – рассказывал ей о своих душевных муках, ища сочувствия и утешения. Он, по-видимому, не предполагал, на какую благодатную почву падут его исповеди. Цветаевой, движимой всепоглощающей страстью любить, показалось, что она нужна человеку. Да и Вишняк давал по-

нять, что неравнодушен к ней. Трудно сказать, насколько искренне Вишняк был увлечен Цветаевой. Человек аристократической стати и мягкой обходительности, столь импонировавших женищинам, он, по некоторым свидетельствам, пользовался репутацией сердцееда. Как бы то ни было, возникшее взаимное притяжение перешло в почти ежевечерние долгие прогулки с чтением стихов, беседами, признаниями. Полетели цветаяевские письма, писанные ночами после встреч, полились стихи, обращенные к возлюбленному»¹².

Прервем рассказ, чтобы привести ряд фрагментов из этих цветаяевских писем и стихов.

Из Письма первого: «<...> Я знаю Вас, Вашу породу, Вы больше вглубь, чем ввысь, всегда будет погружение в Вас: не подъем — говорю лишь об ощущении направленности <...> Есть люди страстей — чувств

— ощущений. Вы — человек дуновений. Мир Вы воспринимаете на-кожно: это не меньше, чем душевно. Через кожу Вы воспринимаете и чужие души, и это верней. Ибо в своей области Вы — виртуоз. Вам не надо всей руки в руку, достаточно одного — даже

Авантитул книги «Хулио Хуренито» с автографом И.Эренбурга: «Дорогому Жене на память об Абраме Григорьевиче и Вере Лазаревне, о моих больших и добрых друзьях. Женева. 1955. И.Эренбург»

смутного – желания <...> Мне от Вас нежно (человечно, женственно, зверино) как от меха. Другие будут говорить Вам о Ваших высоких духовных качествах, еще другие – о прекрасной внешности. Может быть. – А для меня – огненность (лисьего хвоста). Но мех – разве меньше? Мех – ночь – логово – звезды – завывающий голос (голос – волос) – и опять просторы...»¹³.

Из Письма второго: «<...> Не знаю, залюблены ли Вы (закормлены любовью) в жизни – скорей всего: да. Но знаю – (и пусть в тысячный раз слышите!) – что никто (ни одна!) никогда Вас так не... И на каждый тысячный есть свой тысяча первый раз. Мое **так** – не мера веса, количества или длительности, это – величина качества: сущности. Я люблю Вас ни так сильно, ни настолько, ни до... – я люблю Вас **так** именно. (Я люблю Вас не настолько, я люблю Вас **как**). О, сколько женщин любили и будут любить Вас сильнее. Все будут любить Вас больше. Никто не будет любить Вас **так**. Если моя любовь остается исключительной во всех жизнях, то исключительно благодаря двуединству в ней любимого и меня. Поэтому ее никогда не принимают за любовь...»¹⁴.

Проходит время, накал страстей слабеет, и тон писем несколько меняется...

Из Письма восьмого: «Вы любите слова, Вы к ним нежны, и Ваша нежность ко мне – на самом деле к ним. Я не знаю, любите ли Вы глагол, требующий большего, требующий всё. Но точно знаю: Вы любили меня через мои стихи. Другие любили мои стихи через меня. В обоих случаях скорее терпели, чем любили. Чтоб было совсем ясно: меня всегда было несколько больше для людей, со мной соприкасавшихся: «несколько» – читайте: на большую половину, на еще одну меня или меня живущую или живущее во мне моими стихами. Никому не приходило в голову, что это – два лика одной и той же силы, силы, способной принимать тысячи ликов, и быть, тем не менее, единым целым»¹⁵.

И, наконец, последнее, прощальное письмо...

Из Письма девятого: «<...> От Вас как от близкого я видала много боли, как от чужого – только доброту <...> Это скоро кончится – чую – уйдет назад, **под** веки, **за** губы. – Вы ничего не потеряете, стихи останутся. Жизнь прекрасно разрешит задачу, Вам

не придется стоять распятием между своими и «другой» (да простят мне Бог и Ваше чувство меры – от которого я так безмерно страдала! – непомерность сравнения).

Родной! Вне всех любезностей, ласковостей, нежностей, бренок, низостей – Вы мне дороги. Но мне с Вами просто нечем было дышать.

Я знаю, что в большие часы жизни (когда Вам станет дышать нечем, как зверю, задохнувшись в собственном меху) – минута мужские дружбы, женские любви и семейные святыни – придете ко мне. По свою бессмертную душу <...>»¹⁶.

Роман Цветаевой с Вишняком длился всего несколько недель. 31 июля 1921 года она, разочарованная и опустошенная, покинула Берлин и уехала в Прагу. Спустя три месяца она получила письмо от Вишняка, которое позже сочла нужным поместить в свою эпистолярную повесть. Вот фрагмент из него:

*«Вы поймите, мой друг, как мне трудно писать: я сознаю себя кругом виноватым, виноватым, прежде всего, в отсутствии той воспитанности, внутренней и внешней, которую Вы так цените. Но постигает же людей чума, и я впал на многие месяцы в состояние жестокой прострации, полного оглушения и онемения. Все проходило мимо, и никакие силы не могли бы заставить меня делать то, что делать было необходимо. Сейчас, когда я Вам пишу, все это позади, и я чувствую какую-то особенную, послеболезненную бодрость. Мне очень тяжело, что мое молчание могло Вас навести на ложные предположения. Спящие не ходят на почту. (Пометка на полях: **но все же ходят в ресторан!**) Прошу этому верить...»¹⁷.*

После непродолжительной спорадической переписки с Вишняком (в основном, делового характера) последний постепенно исчезает из поля зрения Цветаевой. Но перед этим, как последняя дань любви, рождается ее четырехчастное стихотворение «Отрок» с посвящением Геликону, датированное 12–17 августа 1921 года и опубликованное через год во втором номере сборника «Эпопея». Именно из этого стихотворения и процитировал Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» две запомнившиеся ему строчки о глазах Вишняка:

*Орлы и гады в них, и лунный год –
Весь грустноглазый твой, чужой народ...¹⁸*

А спустя чуть более десяти лет Цветаева воскрешает Вишняка в образе одного из двух (правда, безымянных) героев «Флорентийских ночей»¹⁹.

Собственно, трагический жизненный сюжет, составляющий пафос «Флорентийских ночей», как, впрочем, и ряда других произведений Цветаевой, был весьма характерен для ее непродолжительных романов, время от времени возникавших в годы эмиграции. Так, Ариадна Эфрон вспоминает о «личной, не эпистолярной — но куда более обоюдной» дружбе Цветаевой с Ильей Эренбургом. Рассуждая о причинах кратковременности большинства романов матери, Ариадна, в частности, пишет:

«Перенасыщая своими щедротами хилые души, она открывала в них собственные жеклады, дивилась им и восславляла их — но доньшико было близко, всегда слишком близко; отношения пересыхали — оставались стихи, уже забывшие об источнике, их породившем...»

*«Справедливости ради надо сказать, — замечает далее Ариадна, — что некоторые из этих душ были хилыми лишь по сравнению с Марининой мощью; что в своем (общепринятом) измерении они оказывались порою не столь уж мелководными — но что до того было самой Марине с ее безмерностью в мире мер!»*²⁰

Любопытны в этой связи и мемуары писателя-эмигранта Романа Гуля «Я унес Россию», где, вспоминая о дружбе литературоведа Марка Слонима с Цветаевой (в пражский период ее жизни), он замечает:

«Дружба со Слонимом, Марина внутренне требовала от него большего, чем дружба, а Слоним... Слоним этого дать ей не мог: он женился на очень милой, интересной женщине... Это — как “измена” — вызвало взрыв негодования Марины, вылившийся в блистательное, по-моему, самое замечательное ее стихотворение “Попытка ревности”:

*С пошлюиной бессмертной пошлости,
Как справляетесь, бедняк...»*

«Думаю, — пишет далее Гуть, — что в Марине было что-то для нее самой природно-тяжелое. В ней не было настоящей женщины.

В ней было что-то андрогенное, и так как внешность ее была не привлекательна, то создавались взрывы неудовлетворенности чувств, драмы, трагедии...»²¹

Однако вернемся к издательской деятельности Абрама Вишняка. Успешно начатая им в Берлине в 1921 году и годом позже достигшая своего расцвета, она резко пошла на убыль к концу 1923 года. Помимо изменившихся экономических условий в Германии, тяжелым ударом для эмигрантских издательств стал введенный российским правительством запрет на ввоз в страну зарубежных изданий²².

В начале 1926 года, после краха своего дела в Берлине, Вишняк переезжает в Париж, где ведет достаточно закрытую от русской общины жизнь, лишь изредка обращаясь к издательской деятельности. Одними из последних его изданий были две книги все того же Ильи Эренбурга, вышедшие в 1933 году под маркой «Геликона». Это – книга очерков «Испания» и роман «Москва слезам не верит». А 22 июня 1941 года Вишняка арестовали и отправили в концентрационный лагерь Грос Розен в Германии. Три года спустя, работая там на соляных коях, он умер от силикоза²³.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *РЕВЗ*. Т.1(6). С.164.

² См.: *Сидоров А.А.* Московские книголюбы // Альманах библиофила. 1977. Вып. 4. С.66.

³ *Вишняк Ж.* Письмо Л.Юнивергу от 27 ноября 1995 г. // Личный архив Л.Юниверга.

⁴ См.: *Русский Берлин* / Сост. Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз. Париж, 1983. С.159.

⁵ См.: *Левитан И.* Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Н.-Й., 1968. С.448. Более подробно о вкладе евреев в зарубежное русское книгоиздание см.: *Юниверг Л.* Еврей-издатели и книготорговцы Русского Зарубежья // Евреи в культуре Русского Зарубежья / Сост. М.Пархомовский (Далее – ЕВКРЗ). Иерусалим, 1992. Вып. 1. С.129–141.

⁶ Литературное приложение к «Накануне». 1923. 7 янв. (№ 34). С.10. Кстати, по поводу «Геликона» в упомянутой выше статье И.Левитана сказано: «...Запросы высокого вкуса и художественная строгость в оформлении характеризовали авангардное изд-во Вишняка – “Геликон”» (С.450).

⁷ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т.8. С.409. По непонятным для нас причинам (видимо, техническим) в приведенной цитате фамилия *Вишняк* дважды дана с ошибкой, т.е. *Вешняк*.

⁸ Эфрон А.С. О Марине Цветаевой. М., 1989. С.125–126.

⁹ См.: Тынянов Ю. Литературное сегодня // Русский современник. 1924. №1. С.305. Впоследствии книга была переведена на основные европейские языки, а также на сербохорватский и чешский.

¹⁰ Так, на обороте авантюра книги П.Муратова «Три рассказа» (1922), удачно оформленной и иллюстрированной Ф.-П.Блюмом, можно прочесть: *Эта книга отпечатана в собственной типографии книгоиздательства «Геликон».*

¹¹ См.: Цветаева М.И. Девять писем с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным, – и Послесловием / Предисл. и публикация Ю.Клюкина // Болшево: Лит. историко-краеведч. альманах. 1992. № 2. С.298.

¹² Там же. С.298–299.

¹³ Там же. С.302–303.

¹⁴ Там же. С.304.

¹⁵ Там же. С.312–313.

¹⁶ Там же. С.315.

¹⁷ Там же. С.316.

¹⁸ Эренбург И.Г. Люди, годы... С.409. Заметим попутно, что у Эренбурга цитата приведена неточно: вместо *гады* дано *годы*.

¹⁹ Оригинальный русский текст эпистолярной повести Цветаевой был вписан в одну из ее сводных тетрадей и недавно опубликован (см.: *Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради*. М., 1997. С.99–100). Там же опубликован «Конец Флорентийских ночей» (с.229–230), где вновь в центре А.Вишняк без упоминания его имени.

²⁰ Эфрон А.С. О Марине... С.125.

²¹ Гуль Р. Я унес Россию. Т.1: Россия в Германии. Н.-Й., 1984. С.63–64.

²² Подробнее об этом см.: Блюм А.В. Зарубежная русско-еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры (по материалам «Секретного бюллетеня Главлита» за 1923 г.) // ЕВКРЗ. Иерусалим, 1993. Т.2. С.240–246.

²³ См.: Вишняк Ж. Уже цитированное письмо Л.Юнивергу. Согласно письму, уточняются годы рождения и смерти А.Г. Вишняка: вместо неправильно указывающихся в литературе 1895–1943 правильно: 1893–1944, а также название концентрационного лагеря.

БЕССАРАБСКИЕ ЕВРЕИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Евреи сыграли выдающуюся роль во французском движении Сопротивления (около 15–20% всех участников движения). <...> По числу участников-евреев выделялись организации коммунистического и троцкистского толка. <...> В других организациях был также высокий процент евреев; так, среди шести основателей организации «Либерасьон» трое были евреями. <...> Среди 16 членов Национального комитета – высшего органа движения Сопротивления – трое были евреями. Много евреев погибло, сражаясь в рядах движения Сопротивления в боях за освобождение Франции.

Краткая Еврейская Энциклопедия
(Иерусалим, 1999. Т.9. С.378)

I. Тамара Пагис¹

**Юлия Систер,
Бецаль Гендлер
(Кирьят-Экрон, Израиль)**

Своими воспоминаниями об участнице французского движения Сопротивления Тамаре Пагис с нами поделились ее родные сестры Сусанна Иосифовна Грозман и Элеонора Иосифовна Пагис, живущие в настоящее время в Израиле (Афула). Они также предоставили в наше распоряжение документы Тамары Иосифовны и некоторые написанные ею рассказы.

Бессарабия дала миру видных деятелей искусства, литературы, науки. Зеленый теплый край стал домом для многих поколений евреев. В маленьком городке Оргееве

**Тамара Пагис со своим
четвероногим другом**

(Орхей), утопающем в садах и виноградниках, жила дружная семья Пагис. Ревекка (Вера) Ихилевна работала врачом-стоматологом, Иосиф Израилевич – адвокатом. Он блестяще выступал в суде, его уважали и называли Златоустом.

В 1914 г. в семье родился первый ребенок, девочка, ее назвали Тамарой, дома называли Марой. Она росла интересным и любознательным ребенком. В 1919 г. у нее появилась сестра Сусанна (Сана), а в 1920 – Элеонора (Нора). Мара любила своих сестричек, а они во всем старались подражать старшей, которая была очень живой, любила танцевать, петь и обладала несомненными артистическими способностями.

В 1923 г. семья переехала в Кишинев. Иосиф Израилевич, открыто выступавший против оккупации Бессарабии румынами (так он считал), был арестован. Ему грозил расстрел, и лишь благодаря вмешательству священника отца Жемчужного, демократа и защитника обиженных, он смог вернуться домой.

Тамара в 16 лет (1930) блестяще окончила женскую французскую гимназию им. Жанны д'Арк в Кишиневе и получила звание бакалавра. Но эта гимназия не давала права на учебу в вузах Румынии. Поэтому Тамара прошла экстерном курс румынской средней школы и тоже стала бакалавром. Она поступила на медицинский факультет Бухарестского университета, после окончания которого в апреле 1939 г. поехала в Париж для специализации по внутренним болезням.

В это время во Франции уже жили родственники семьи Пагис – сестра и брат Тамары: Рая Софир (в девич. Хинкис) и Шура Хинкис. Впоследствии они стали художниками. Тамара одно время жила у Раи и потом часто встречалась с ней и Шурой.

Шура в годы войны был активным участником движения Сопротивления, и его потом наградили орденом Почетного легиона. Он – интересный художник – сделал много зарисовок военного времени и оставил после себя целую картинную галерею. Но это уже другой рассказ.

Начало войны (1939) застало Тамару Пагис в Париже. Вскоре она переехала на юг Франции, а после присоединения Бессарабии к СССР в июне 1940 г. обратилась в советское консульство в Виши с просьбой предоставить ей советское гражданство. 26 апреля 1941 г. она получила советский паспорт (в обмен на заграничный румынский, с которым выехала из Румынии).

22 июня 1941 г. Тамара находилась в Каннах, надеясь получить сведения о возможности возвращения домой. Но вскоре узна-

ла, что советское представительство покинуло Францию. Ей оставалось только спрятать советский паспорт (после окончания войны она его предъявит в советском консульстве в Париже).

С этого момента она проживала по документу, выданному ей французской полицией при въезде в страну. Между прочим, в графе «национальность» там значилось: румынка. Она ведь приехала из Румынии. И это оказалось очень кстати.

Тамара не представляла себе жизни без сопротивления нацизму. Без колебаний она стала активной участницей французского движения Сопротивления и все военные годы посвятила этой борьбе. Ее подпольная кличка была Мари.

С лета 1941 г. Тамара была связана с МОИ². По указанию руководства этой организации в Ницце Тамара вошла в ведущую тройку МОИ в Каннах, а в ноябре 1941-го была назначена ее секретарем («ответственной»). Она оставалась в этой должности не только до освобождения Канн, но и после.

Первым ее заданием была организация Национального движения против расизма – широкой сети групп, которые должны были оказывать помощь всем, кого преследовали фашисты.

В задачи групп входили: сбор денег, продуктов, поиск безопасных квартир, обеспечение документами, хлебными карточками и т.д.

Группы также занимались распространением антифашистской подпольной литературы. Работа в Национальном движении против расизма давала возможность устанавливать связи с французским населением всех социальных категорий, начиная с рабочих и кончая монахами в монастырях, контактировать с французскими коммунистами, потерявшими связь с партией, а также с людьми, сочувствовавшими движению Сопротивления и желавшими к нему присоединиться. Из этих людей организовывали ячейки, охватившие важнейшие предприятия города: почту, телефон, телеграф, электростанцию, железнодорожную станцию Канн и Канн-Бекка, грузовой узел Канн и т.д. Такие же ячейки были созданы в предместьях Канн (Мужен, Пегемас).

Тамаре удалось установить связь с вольными стрелками и партизанами маки, находившимися в лесах за Ниццей.

Она стала членом Национальной ассоциации вольных стрелков и партизан-маки (федерация Приморских Альп, секция Канн. Удостоверение № 15285). Выполняла различные задания от имени МОИ, ФВСП³ и ФКП⁴. Тамара подбирала для маки людей, которых переправляла в лес, поставляла хлебные карточки и, по мере

возможности, – оружие. Весной 1944 г. она наладила связь между партизанами и советскими военнопленными, находившимися у немцев.

Поздней осенью 1943 г. Тамару назначили временно исполняющей обязанности секретаря МОИ в Ницце. После трех провалов этой организации, следовавших один за другим, приехавший из Лиона инструктор ЦК распустил ее руководство и передал Тамаре все связи организации. Перед ней поставили задачу: сохранить профсоюзы, антифашистские группы, подпольную типографию, лабораторию документов, склады с подпольной литературой и обеспечить им нормальную работу. Эту задачу она выполняла и весной 1944 г. передала организацию присланному секретарю.

В ожидании высадки немцы укрепляли побережье и усиливали расположенные там воинские части. Среди немецких гарнизонов, занявших побережье за Каннами, были части, сформированные из польских и советских военнопленных. По заданию ЦК МОИ группа Тамары установила связь с немецкими солдатами, говорившими по-русски, и организовала среди них группу. Эта группа распространяла литературу на русском языке, вела среди солдат пропагандистскую работу, добывала и передавала данные разведки о численности и местоположении немецких частей на побережье, их вооружении и т.п.

Во Франции готовилось восстание против оккупантов, и группа этих солдат перешла с оружием в руках на сторону партизан. Солдаты вместе с ними освобождали Канны-Бекка, и французы назвали эту группу русской боевой группой. Перед восстанием Тамара находилась в непосредственной связи с его штабом, принимала участие в подготовке боевых операций. В день восстания работала в штабе.

В освобождении города (август 1944 г.) принимало участие и вооруженное население. Штаб восстания работал в здании суда. К двум часам дня в Каннах не осталось ни одного фашиста. Когда вечером американские части въехали на главную улицу города, все дома уже пестрели флагами стран антигитлеровской коалиции.

Освобождение Франции и легализация французской компартии изменили характер работы Тамары. Как иностранка и гражданка Советского Союза она не могла принимать участие в политической жизни французов (плебисцит, выборы и т.д.). Она занималась организацией антифашистских групп среди иностранцев: созданием в Каннах и Ницце секций «Советский патриот» (позже «Друзья Советской Родины»), Итальянской антифашистской орга-

низации, молодежных организаций. Под руководством советской военной миссии она находила советских граждан, сражавшихся вместе с партизанами-маки. Тамаре также поручили пропагандистскую работу по всему побережью: она выступала с лекциями о роли Советского Союза в борьбе с фашизмом и др.

В 1946 г. Тамару Пагис наградили Дипломом, выданным Комитетом французских стрелков и французских партизан «...за мужество и храбрость в период борьбы за национальное освобождение Франции».

Сохранилось удостоверение, выданное в Париже 17 февраля 1947 г., в котором говорится, что «мадемуазель Тамара Пагис приняла весьма активное участие в Сопротивлении с начала оккупации и до освобождения». Сохранился также ее членский билет (№44) Ассоциации выходцев из Бессарабии.

Среди документов того незабываемого времени есть и трогательные справки, более патетичные и взволнованные, чем любой официальный документ. Одна справка выдана сразу же после освобождения Канн местным руководителем движения Сопротивления по департаменту Приморских Альп. В ней говорится: *«Я, нижеподписавшийся Гальяне Губер, подпольная кличка Эдмон, имею честь удостоверить, что участник Сопротивления Тамара во время оккупации полностью выполнила свой долг республиканки и француженки...»*.

Или другая справка: *«Я, нижеподписавшийся, Эдуард Вуазэн, член бюро Французской компартии департамента Приморские Альпы, удостоверяю, что знал товарища Тамару-Мари в Каннах во время подполья в качестве ответственной за секцию МОИ <...>. Ницца, 19 декабря 1944 г.»*.

Тамара была человеком немногословным, очень умным, обладала необыкновенной интуицией. После войны она редко делилась своим военным прошлым. В кругу семьи рассказала лишь несколько эпизодов того времени.

Однажды у нее была назначена встреча в явочной квартире. В окне должен был быть условный знак, говорящий, что явка не провалена. Тамара проходит мимо дома, смотрит на окно на втором этаже. Знак, что войти можно, на месте. И она входит в подъезд. И вдруг чувствует — какая-то необъяснимая сила выталкивает ее из подъезда. Она зашла в соседний ларек якобы купить сигареты. И тут какая-то женщина шепнула ей, что квартира провалена. Потом Тамара узнала, что все, кто вошел в квартиру, были схвачены гестапо.

Или другой рассказанный ею эпизод.

Как-то летом надо было поездом перевезти нелегальную антифашистскую литературу. Как это сделать? Все поезда контролировались немцами. И вот родился смелый и авантюрный план – сыграть роль беременной крестьянки, простушки, очень примитивной. Тамара реализовала свои артистические способности. Она обложила себя книгами, особенно живот, оделась так, как одевались крестьянки, и села в поезд. Вошли гестаповцы, начали проверять документы и проводить обыск. Тамара прекрасно сыграла роль тупой, ничего не понимающей деревенской женщины. Гестаповцы проверили у нее документы, а обыскивать не стали. Тамара поняла, что если она сойдет с поезда на ближайшей остановке, то ее все же могут заподозрить. Она проявила выдержку и хладнокровие: оставалась в поезде до тех пор, пока гестаповцы его не покинули. Задание было успешно выполнено.

Как-то еще в Париже Тамара зашла в ресторан пообедать. Вошли немцы, началась проверка документов. Подошли и к ней, спросили, что она делает во Франции. Она ответила, что исследует творчество Бетховена (это был ее любимый композитор, Тамара пять лет занималась музыкой и именно в Париже начала играть на фортепиано). Она так правдоподобно отвечала на вопросы, проявив хорошие познания в музыке и в творчестве Бетховена, что ей поверили.

И еще рассказ – о времени, когда она руководила подпольным округом на юге Франции вблизи Канн, где протекала река. Ее отряд был на одном берегу, а на другом находился отряд со своим руководителем. Обстоятельства сложились так, что ей пришлось командовать обоими отрядами, и она должна была с одного берега добираться до другого. В ее распоряжении был велосипед. Но мост оказался сломан, и надо было переходить речку вброд, неся на себе велосипед. Однажды, когда вода в реке была особенно ледяная, Тамара вся промокла. Негде было укрыться, переодеться, согреться. (Это впоследствии привело к заболеванию почек.) По дороге ей встретился подвал с запасом угля. Она вошла и легла на уголь. Начался жар. Состояние ее становилось все тяжелее и казалось безвыходным. Вскоре в подвал вошел какой-то человек и обнаружил ее. Стал расспрашивать, кто она, откуда. И вот счастливый случай: этот человек, оказавшийся рабочим, был тоже из Бессарабии и хорошо знал и уважал отца Тамары. И он спас ее.

Окончилась война. Тамара сразу же начала добиваться разрешения на возвращение домой. Ей долго (1,5 года!) не давали

**Диплом, выданный Пагис Тамаре – Мари
Комитетом французских вольных стрелков и партизан**

вездной визы. Это время Тамара использовала для изучения гомеопатии, которая во Франции успешно развивалась и была очень популярна; училась с большим усердием, постигая новую для себя область знаний. Перед ней открывался новый мир. И как здесь пригодились ее интуиция, понимание душевного состояния другого человека! И еще: во Франции Тамара начала писать рассказы. Она их привезла с собой, как и книги по гомеопатии. Все это бережно хранят ее сестры.

Осенью 1947 г. Тамара возвращалась в Кишинев. Это было тяжелое возвращение. В Бресте ей угрожала отправка в Сибирь, не разрешали связаться с родными. Она попросила на почте одну сотрудницу (которой подарила дорогую вещь) послать родителям телеграмму и сообщить, что находится на границе. Женщина ее просьбу выполнила: телеграмма дошла до адресата, и Иосиф Израилевич тут же выехал в Брест. Вернулись они вместе.

И вот после долгих лет разлуки Тамара снова в Кишиневе, сильно пострадавшем во время войны. Радостная встреча с родными, сестры снова вместе, им есть, что рассказать друг другу...

Коротко о дальнейшей судьбе Тамары Пагис.

Человек с широким кругозором и разносторонними интересами и увлечениями, в том числе и театром, она поступила в Ленинградский театральный институт, где занимала особое положение: была старше всех, многое знала и умела. Как всегда, ее окружали друзья, ее уважали и любили.

Особенно она подружилась со своей однокурсницей Люсей, которая пережила блокаду и жила только бабушкой в старом деревянном доме. Там Тамара бывала часто. Однажды бабушка сказала, что на чердаке хранятся старые книги и журналы. Подруги нашли там сундук с книгами по гомеопатии! Радости Тамары не было предела. Вскоре ей на себе пришлось испытать гомеопатические средства. Однажды Тамара не пришла в назначенное время, и обеспокоенная Люся отправилась к ней. Найдя подругу в очень плохом состоянии, привела к Тамаре знакомого врача-гомеопата.

И он в течение трех суток поставил ее на ноги. Тамара понимала, что официальная медицина этого сделать не смогла бы, и стала еще больше углубляться в гомеопатию, ее философию. Впоследствии она стала прекрасным врачом-гомеопатом, первым в Молдавии, сама творила чудеса, бескорыстно помогая людям.

Театральный институт она вынуждена была оставить: полностью она не выздоровела, и ей посоветовали отдохнуть и сделать перерыв в учебе.

В этот тяжелый для Тамары период ее разыскал друг по Бухарестскому медицинскому факультету Всеволод Черкез. Вскоре они поженились и в 1953 г. переехали в Бендеры – город на берегу Днестра. Всеволод Аркадьевич преподавал в медицинском училище, а Тамара Иосифовна занималась гомеопатией и писала рассказы.

Там мы их однажды в шестидесятые годы и навестили. Выйдя из вагона пригородного поезда, свернули на незнакомую улицу. Шли медленно, наслаждаясь тишиной, летней утренней прохладой и лучами солнца, пробивавшимися через широкие листья старых кленов. Вот и тихая тенистая улица Советская, на которой жили Тамара Иосифовна и Всеволод Аркадьевич в одноэтажном доме под черепичной крышей, с небольшим палисадником вдоль фасада. Дверь открыл Всеволод Аркадьевич, и мы оказались в первой комнате. Стены увешаны полками из необработанного дерева. Но какие книги стояли на этих полках!.. По медицине, гомеопатии, искусству, театру, многие на французском. Беглый взгляд вдоль книжных полок, и мы входим во вторую комнату.

Наши глаза встретились с приветливым и пытливым взглядом привлекательной женщины с худощавым смуглым лицом. Она сидела на небольшом диванчике, поджав одну ногу под себя. Перед ней тумбочка из простого дерева со старой печатной машинкой, рядом – пепельница (Тамара Иосифовна много курила). Вся обстановка в квартире была скромной. Тамара Иосифовна разговаривала быстро, короткими фразами. Она вообще была немногословна, о себе рассказывала мало и очень скупно.

В этот период она много и спешно писала, как будто чувствовала, что впереди у нее не так много времени. Ее волновал вопрос публикаций, она надеялась, что увидит свои рассказы напечатанными.

Наш земляк и одноклассник стал известным в Молдавии писателем, и мы решили показать ему рассказы Тамары Пагис. Они ему понравились, и он их порекомендовал в художественно-литературный журнал «Кодры». Часть рассказов была опубликована, в том числе «Олеандры цветут»⁵, в котором описаны некоторые события военных лет во Франции.

Тамара Иосифовна Пагис умерла 12 февраля 1974 года. В этот день было сыро и ветрено. В последний путь ее проводили родные, друзья и коллеги.

В краеведческом музее г. Бендеры стоят стенды, посвященные Тамаре Иосифовне, висит ее портрет, хранятся документы тех далеких лет, когда она, девушка из Бессарабии, вместе с патриотами Франции боролась с фашизмом.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *РЕВЗ*. Т.3(8). С.68.

² МОИ (Main-d'Oeuvre Immigrée; MOI) – организация проживавших во Франции иностранцев, входившая во французскую компартию.

³ ФВСП (Francs-Tireurs et Partisans Français; FTPF) – Организация французских вольных стрелков и партизан – боевая организация французской компартии во время Сопротивления, состоявшая из вольных стрелков в городах (по составу строго партийная) и партизан-маки – боевых групп в лесах. Термин «вольные стрелки» возник после поражения Франции в 1870 г., когда французские патриоты боролись в одиночку против немецких оккупантов.

⁴ ФКП (Parti Communiste Français; PCF) – французская коммунистическая партия.

⁵ Кодры: Журнал. Кишинев. 1971. №5. С.65–77.

II. Доктор Франсуа¹

*Татьяна Вайсман, Юлия Систер
(Кирият-Экрон, Израиль)*

**Бачкуринские. Слева направо:
Люба (сестра), Арон, Люба (жена)**

«Брат и сестра Бачкуринские принимали активное участие во французском движении Сопротивления» — написано в небольшой заметке «Герои Франции» в еврейской газете «Кохава» (2001, №2), издающейся в Бендерах. Ее прислала нам жительница этого города М.Парканская вместе со скрупами материалами о семье Бачкуринских.

Заинтересовавшись судьбой семьи, мы обратились в Музей Яд ва-Шем и получили копии личных документов Арона Бачкуринского, его сестры Любы (Вольфовны) и жены Любы (Матусовны), копии справок об их участии в Сопротивлении и об их гибели, отрывки из публикаций об антифашистской группе, в которую они входили, с упоминанием их имен, свидетельские показания о погибших в период Катастрофы. Документы хранятся в архиве Музея Яд ва-Шем под номером О.9/246.

Одно из свидетельских показаний об Ароне было заполнено его младшим братом Шамаем в 1989 г. К счастью, там был указан его адрес в Ялте. Мы позвонили в Ялту. К телефону подошла Рива Симоновна Бачкуринская. От нее мы узнали, что ее муж Шамай Вольфович, тоже врач, умер в 1992 г. и что у нее находится семейный архив Бачкуринских. Через некоторое время мы получили из Ялты большую бандероль с этим архивом².

На берегу Днестра раскинулся город Бендеры (рум. Тигина). До войны в нем проживало много евреев, и среди них, на ул. Харузинской, дом 18, семья Бачкуринских. Вольф, человек со средним достатком, владел обувным магазином в центре города. Его уважали, и до сегодняшнего дня старожилы города тепло о нем от-

зываются. В семье было два сына – Арон (родился в 1908 г.), Шамай (1923 г. рождения) и дочь Люба (родилась в 1910 г.), воспитанием которых занималась их мать Сура. Все дети среднее образование получили в Бендерах, там же сдали экзамены на аттестат зрелости. Чтобы продолжить учебу, Арон в 1929 г. уехал во Францию, следом уехала и Люба. Из Франции часто приходили письма, которые радовали родителей.

Арон вначале учился на факультете естественных наук в Монпелье (1929/30 г.). Там же в 1930–33 гг. окончил три курса медицинского факультета. После каждого учебного года он стажировался в больницах, прошел семь специализаций: по медицинской пропаганде, общей хирургии, педиатрии, дерматологии, фтизиатрии и др.

Четвертый и пятый учебные годы он занимался уже в Париже, в Сорбонне (1933–35 гг.), прошел пять специализаций: по терапии, офтальмологии, урологии и др. 25 июня 1936 г. Арон успешно защитил свою дипломную работу.

После завершения учебы он посещал курс педиатрии и работал детским врачом. Вскоре А.Бачкуринскому была присвоена ученая степень доктора медицины (диплом от 19 октября 1936 г.).

Сестра Арона приехала в Париж со своей ближайшей подругой Любой Хош (р. 1909 г., Бендеры, отец Матус, мать Песя). Обе они зарабатывали на жизнь шитьем.

Люба Бачкуринская не имела французского гражданства, и по имеющимся документам за 1939 г. видно, что ей грозила высылка из страны. Вероятно, из-за начавшейся войны этого не произошло.

Молодежь проводила вместе много времени. Их объединяли не только родственные узы, воспоминания о родном городе, но и общие взгляды, которые владели умами многих молодых людей того времени.

Бачкуринские были членами Бессарабского землячества во Франции. Арон пользовался там большим уважением и был постоянным членом правления. Он принимал активное участие в издании газет «Эхо Бессарабии» и «Вестник Бессарабии»; писал статьи, переводил материалы из газеты «Молдова социалистэ» (Тирасполь) и журнала «Красная Бессарабия» (Москва). Во время гражданской войны в Испании (1936 г.) А.Бачкуринский занимался сбором денег, вещей и медикаментов для интернациональных бригад в Испании и для бессарабцев-добровольцев, отправлявшихся из Парижа в Испанию.

С первых дней войны (сентябрь 1939 г.) он – общепризнанный лидер – вступил добровольцем во французскую армию.

Сохранились военный билет на имя доктора медицины Арона Бачкуринского, выданный в 1939 г. под №2901, а также свидетельство от 11 сентября 1940 г., в котором говорится, что доброволец, руководитель отряда А.Бачкуринский «с честью и преданностью служил Франции».

Сохранились и фотографии, которые Арон посылал из армии Любе Хох с надписью «Дорогой солдатке», а она в ответ присылала свои: «Моему любимому солдату от его солдатки».

Через несколько месяцев Арон Бачкуринский по состоянию здоровья был демобилизован и вернулся в Париж.

Арон полюбил подругу своей сестры, милую, симпатичную девушку с выразительными живыми глазами и гладко причесанными волосами. Чувство было взаимным, и 28 сентября 1940 г. они поженились (сохранилось их свидетельство о браке, выданное в департаменте Сены).

Франция была уже оккупирована германскими войсками. И как только начали создаваться первые группы Сопротивления, Бачкуринские приняли активное участие в их деятельности. Документы удостоверяют, что Арон Бачкуринский, его сестра и жена были активными участниками французского движения Сопротивления с 1940 г.

Арон действовал в румынско-бессарабском секторе, организовывал среди эмигрантов из Румынии и Бессарабии сбор продуктов и отправку посылок политическим заключенным сначала во Франции, а затем в Алжир, в лагерь Джельфа. Позже занимался сбором оружия и теплой одежды для участников Сопротивления и партизан, а также спасением детей участников Сопротивления и других преследуемых нацистами людей, переправляя их в безопасные места и квартиры, поддерживал связь между югом и Парижем. Есть сведения, что он был связан с партизанским отрядом Манукьяна.

Среди участников Сопротивления в Париже были раненые, нуждающиеся в квалифицированной медицинской помощи. Было решено создать подпольную медицинскую службу, состоящую из врачей – участников Сопротивления и сочувствующих. В целях безопасности и конспирации каждый отряд имел своего врача, но между этими специалистами не было контактов. Только руководитель службы знал пароли и адреса. Организатором и руководителем медицинской службы был доктор А.Бачкуринский, подпольная кличка Франсуа. Его называли доктор Франсуа.

Сестра Арона перевозила оружие, необходимые материалы для изготовления бомб. Она также была связной.

Его жена готовила посылки для политических заключенных и отправляла их, а также распространяла подпольную антинацист-

скую литературу. Вместе с мужем она занималась и спасением детей, устройством их в надежные места.

Дом Бачкуринских в Париже был известен всем выходцам из Бессарабии и Румынии, в нем ощущалось тепло человеческих отношений, благородство, преданность идеалам.

Друзья советовали им жить в разных местах, как требовали правила конспирации, но Бачкуринские не хотели разлучаться и под одной крышей жили Арон с женой и его сестра Люба с мужем Яковом Зильберманом. И только в 1942 г., когда начались аресты, Арон с женой перебрались на другую квартиру, расположенную достаточно близко. Они продолжали встречаться.

Трагические события последовали одно за другим весной 1943 г. При выполнении очередного задания погиб Яков, а 25 мая 1943 г. молодую вдову (сестру Арона) забрали в полицию во время встречи с другим отрядом. За неимением улик ее отпустили, но установили слежку. 2 июля того же года в квартире Любы была устроена засада. В тот вечер Арон проходил мимо дома сестры, было еще светло. Он решил зайти к ней, утешить.

Бачкуринский постучал в дверь и сразу попал в руки гестапо.

В его собственной квартире Люба ждала мужа к ужину, а его все не было. Ужин давно остыл... Она решила, что он задержался у сестры, и пошла к своей подруге. И... тоже была арестована.

Люба была беременна и вместе с Ароном часто думала о будущем своего ребенка... Молодые и бесстрашные, они не представляли, что с ними может что-то случиться.

Фашисты догадывались, что у них в руках находится ответственный руководитель одного из секторов Сопротивления. Его отправили в крепость Роменвиль, где пытали в течение трех месяцев, но ничего не смогли узнать. Арон держался мужественно, как и его жена, не выдал даже адреса своей квартиры. Его отправили в лагерь Дранси, где уже были обе Любы.

Участники Сопротивления пытались устроить Бачкуринским побег, но из-за недостатка необходимых средств побег не удался.

На волю к друзьям из Дранси пришло сообщение, что заключенные начали рыть туннель³ длиной 37–40 м и шириной 2 м, который должен был выйти на поверхность в определенном месте города. Сторонники де Голля поставляли рабочие инструменты. Коммунисты, среди которых был А.Бачкуринский, работали с энтузиазмом по ночам, а иногда и днем. Возможно, часть заключенных смогла бы убежать, но это не было решением проблемы для тысяч других, которым грозила депортация в лагерь смерти.

30 сентября 1943 г. комендант лагеря Дранси А.Брунер, помощник Эйхмана, послал своему шефу сообщение, в котором просил дать разрешение для отправления седьмого октября конвоя №60. Первого октября Эйхман ответил положительно и уточнил, что будет послана команда из Штутгарта для того, чтобы сопроводить конвой: седьмого октября в 10 ч. 30 мин. конвой №60 покинет лагерь и десятого октября в 5 ч. 30 мин. прибудет на место.

Конвой состоял из 564 мужчин, 436 женщин и 108 детей моложе 18 лет. В числе этих людей были Бачкуринский Арон (гражданин Франции), Бачкуринская Любовь Вольфовна, Бачкуринская Любовь Матусовна.

Конвой №60 был отправлен в Аушвиц (Освенцим)⁴.

После окончания войны Вольф и Сура Бачкуринские узнали о судьбе своих детей. В шестидесятые годы официальные документы из Франции были переданы младшему брату Арона и Любы Шамаю Вольфовичу.

Чтобы узнать подробности трагической гибели брата и сестры, Шамай поехал в Польшу, посетил Освенцим. Хранительница музея нашла личный номер Арона: 156984, он находился в блоке 21 (хирургия) и погиб в газовой камере 19 января 1944 г. Бачкуринская Люба, личный номер 64717, погибла 14 апреля 1944 г. и Бачкуринская Люба, личный номер 326/758, погибла 18 марта 1944 г.

После войны Бессарабское землячество во Франции возобновило свою работу. Имя доктора Бачкуринского вспоминали с благоговением. Эта организация имела свое помещение, и один из залов носил имя «Франсуа Бачкуринский».

Была сделана также виньетка, в которой увековечена память бессарабцев – героев французского Сопротивления, в том числе Бачкуринских. Такая же фотография закреплена на памятнике героям Сопротивления в пригороде Парижа Баню (в 500 м от станции метро «Аустерлиц»). На ней написано: «Héros Bessarabiens morts pour la Liberté. – Gloire immortelle» («Бессарабские герои, погибшие за свободу. – Немеркнущая слава»).

Были выпущены марки с их изображением и надписью «Все они погибли в Освенциме», которые наклеивали на членский билет землячества.

В журнале «Бессарабское землячество» (декабрь 1945 г.) было написано: *«Наряду со своими героями французский народ с гордостью передает истории подвиги, совершенные на его земле во имя свободы и справедливости уроженцами разных стран, для которых Франция стала второй родиной»*. В этом журнале рассказывается и о подвиге Бачкуринских.

Перевод текста виньетки на русский язык:

Вечная слава героям-бессарабцам, погибшим за свободу

- 1) Сильдкрот Боря, погиб на фронте в 1940 г.
- 2) Бачкуринский Франсуа, погиб в Освенциме
- 3) Стерн Яков, расстрелян 23 февр. 1943 г.
- 4) Бачкуринская Люба, жена Франсуа, погибла в Освенциме
- 5) Бачкуринская Люба, сестра Франсуа, погибла в Освенциме
- 6) Банчик Ольга (ФСП /французские стрелки и партизаны/), казнена 10 мая 1944 г.
- 7) Эйдельман, расстрелян как заложник
- 8) Бровер (ФСП), убит 26 августа 1944 г.
- 9) Груман (ФСП), убит 26 августа 1944 г.
- 10) Палария Лёва, расстрелян 9 июля 1944 г.
- 11) Клиш Иосиф (ФСП), погиб 7 июля 1943 г.
- 12) Лернер Боря, расстрелян 1 октября 1944 г.

Выражаем глубокую признательность главному библиографу центральной библиотеки г. Бендеры М.Г.Парканской, сотруднице архива Яд ва-Шем Рите Марголиной, госпоже Р.С.Бачкуринской, подарившей нам архив Бачкуринских (после завершения подготовки книги он будет передан на вечное хранение в Яд ва-Шем).

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: РЕВЗ. Т.3(8). С.78.

² В этот архив входят:

1. Книга Бориса Холбана, военного руководителя французских стрелков и партизан среди коммунистов-иностранцев в Париже, тоже выходца из Бессарабии. Он дружил с Бачкуринскими и вместе с ними вступил в группу Сопротивления. *Boris Holban. Après 45 ans de silence, le chef militaire des FTP-MOI de Paris parle...* (Спустя 45 лет молчания военный руководитель ФСП–МОИ Парижа рассказывает...). Calmann-Levy, 1989. 324 p.

2. Воспоминания Я.М.Хахама, члена компартии Франции с 1930 по 1947 г., знавшего Бачкуринских по Парижу и Бессарабскому землячеству, вместе с Ароном вступившего добровольцем во французскую армию. 2 стр. машинописного текста.

3. Книга «Знакомьтесь: Советская Молдавия», издание Молдавского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами / Сост. *Е.В.Мочалова*. Кишинев: Тимпул, 1985 г. 41 с. (на рус., англ., нем. яз).

4. *Мани Н.* Герои третьего сословия // Газета евреев Молдовы и Одессы «Наш голос». Июнь 1992. № 12 (56). С.2.

5. Фотоколлекция: Семья Бачкуринских. Франция, Бессарабия. 20–30-е гг. XX в. (50 фотографий).

6. Письмо И.Шпира от 1.02.1990 г. в Ялту Ш.В. и Р.С.Бачкуринским (2 стр. рукописного текста) о фотовиньетке с портретами героев-бессарабцев, погибших за свободу, и о памятнике им в Баню (Vagneux), который он посетил.

7. Свидетельство об окончании женской гимназии «Принцесса Елена», выданное Бачкуринской Любе в гор. Тигина (Бендеры) 9.02.1929 г.

8. Удостоверение личности, выданное Любе Хох в гор. Тигина (Бендеры) 22.01.1931 г.

9. Демобилизационный лист Арона Бачкуринского от 10 сент. 1940 г.

10. Акты приема материалов, отданных Ш.В.Бачкуринским в мае 1985 г. в Республиканский музей дружбы народов при Министерстве культуры МССР (Кишинев). Среди них находятся подлинники диплома о присуждении Арону Бачкуринскому звания доктора медицины (от 19.10.1936 г.), удостоверений, выданных 30 июня 1960 г. организацией по ликвидации дел национального движения Сопротивления, свидетельствующих, что доктор Арон Бачкуринский, его жена и сестра принимали активное участие в движении Сопротивления во Франции, и др.

³ *David Diamant. Les Juifs dans la Résistance Française 1940–1944 (Avec armes ou sans armes).* (Евреи во французском Сопротивлении. 1940–1944 /С оружием и без него/). Paris: Lepavillon, 1971. 213 p.

⁴ *Klarsfeld, Serge. Le Mémorial de la déportation des Juifs de France. Convoi №60.* (Мемориал депортации евреев Франции: конвой №60). Paris: Klarsfeld, 1978.

Сразу оговоримся, что документов и других точных данных, подтверждающих участие героя этого третьего очерка во французском Сопротивлении, найти не удалось. Но есть несколько свидетельских показаний об этом участии; опубликовать очерк об Ароне Ротштейне мы решили и потому, что в нем очень четко отражаются реалии и тревоги того времени.

Редакция

III. Мой брат Арон (Артур) Ротштейн¹

Эсфирь Ротштейн (Безр-Шева, Израиль)

Мой брат, Арон Ротштейн, родился 30 декабря 1912 г. в Кишиневе в молодой семье среднего достатка. Учился во французской гимназии, а после переезда семьи в Яссы (Румыния) в 1924 г. – в лицее. Арон отличался начитанностью и общей образованностью, был книголюбом, но не читал все подряд. Выбирая все интересное на русском, французском и румынском языках, создал хорошую библиотеку – родители никогда ему не отказывали в деньгах для этой цели.

Отец и мать учились в царской гимназии и умели разбираться в хорошей литературе, а также и в музыке. Они посещали лучшие концерты – в то время в Кишинев и Яссы приезжали многие музыкальные знаменитости. В Яссах был скромный еврейский театр («Помул верде» – «Зеленое дерево»), в котором выступали гастролирующие талантливые еврейские артисты. В семье сохранялись еврейские традиции, и мы регулярно посещали эти спектакли.

Брат был старше меня на семь лет и считал своим долгом следить за тем, что я читала, – с малых лет и до подросткового возраста. В 1933 г. он уехал учиться во Францию. По его инициативе мы переписывались на французском, благодаря чему я овладела этим языком.

Вначале он учился в Институте колониальной агрономии в Нанси, но через год, из-за сырого климата в этом городе, переехал на юг – в Тулузу, где стал студентом такого же института. В 1939 г. он защитился в Сорбонне и получил звание доктора агрономических наук.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *РЕВЗ*. Т.3(8). С.86.

Арон (Артур) Ротштейн
Фото 1935 г.

По убеждениям брат был сионистом-ревизионистом. Собираясь ехать на работу по специальности на Мадагаскар (тогда – французская колония). В том же году он получил французское гражданство, в том же году женился на француженке Жоржет Карони (Georgette Carroni), родом из Лиона, тоже окончившей университет в Тулузе. Они были знакомы все годы его учебы в этом городе, и Жоржет согласилась ехать с ним на Мадагаскар.

Ежегодно Арон приезжал на летние каникулы домой. Для нас это всегда было праздником. В 1939 г. он собирался привезти жену, и мы готовились их принять по-особенному, строили планы их

встречи и времяпрепровождения. Однако жизнь повернулась совершенно иначе: мы больше не увидели брата.

Фашистские войска вторглись во Францию. Тогда же пришло последнее письмо от Арона. Он писал, что у них особые счета с Гитлером и они собираются пойти в армию Сопrotивления.

Далее все закружилось вихрем. В 1940 г. СССР вторгается в Бессарабию. Я с родителями покидаю Яссы и в числе тысячи других евреев возвращаюсь в Кишинев. Меня – студентку медицинского факультета – вместе с другими бессарабскими студентами направляют для окончания учебы во Львов, где мы сталкиваемся с зарождающимся враждебным бандеровским движением. Начало войны я с мужем, Львом Фишовым, встретили уже дипломированными врачами в Бендерах, где

Эсфирь Ротштейн
Фото 1937 г.

оказывали первую помощь раненым во время бомбежек. Потом была очень непростая эвакуация на Восток, рождение первенца, ожидание писем с фронта от Льва, потеря отца...

Запросы о брате мы начали писать в 1944 г. Вернувшись в Кишинев в 1946 г. и кое-как обустроившись, мы стали его искать более интенсивно. В течение 12 лет мы не прекращали посылать запросы. Писали во все инстанции Союза и Европы, которые, по нашему мнению, могли сообщить нужную информацию.

Привожу перечень адресатов отправленных писем:

- 1) министерство иностранных дел Франции;
- 2) префектура Haute-Garonne;
- 3) представительство Французской республики в СССР;
- 4) министерство колоний Франции; на этот запрос пришел ответ, подтверждавший учебу студента Арона (Артура) Ротштейна в Тулузском агрономическом институте в 1936-39 гг.;

- 5) Международный комитет Красного Креста. Центральное агентство военнопленных в Женеве и Отделение розыска в Париже;

- 6) последнее место проживания брата в Тулузе;

- 7) муниципалитет города Лиона – в поисках гражданина Карони – отца жены брата;

- 8) Центральное справочное бюро по перемещенным лицам;

- 9) Красный Крест. Центральное справочное бюро в Москве;

- 10) жена брата Жоржет Карони. Ее ответ, полученный лишь в 1956 г., – единственный, из которого кое-что выясняется: в мае 1944 г. Арон Ротштейн воевал в составе группы французского Сопротивления, направлявшейся к франко-испанской границе через маленький курортный городок По. Там исчезают его следы. Жоржет объявляет розыск по всем доступным ей инстанциям и рассылает фото мужа. В течение семи лет поиски остаются безрезультатными. В 1951 г. она получает ответ из трибунала о том, что Ротштейн Арон (Артур) пропал без вести. Жоржет Карони выходит вторично замуж, получив разрешение трибунала;

- 11) Александр Серебряков (Зильберман) – парижанин, участник французского Сопротивления, автор статьи «Их имена не забыты», появившейся в газете «Вечерний Кишинев» 17 сентября 1980 г.;

- 12) Шарль Кац, создатель Музея Сопротивления в Гренобле, побывавший в Кишиневе вместе с группой энтузиастов, желавших увековечить имена участников французского Сопротивления.

В большинстве случаев приходили вежливые отрицательные ответы: «Нет, не числится», «Неизвестно». Несколько писем вернулись обратно – «Адресат не найден».

Последние сведения я получила, уже будучи в Израиле, с помощью журналистки Марины Аристовой – автора статьи о жителе Тулузы, который помогал своему отцу вывозить евреев из Франции, спасая их от немецких оккупантов. Этот человек тогда жил в Тель-Авиве, и я смогла услышать от него самого рассказ о том времени. Он открыл мне дикую и грустную картину: многие участники Сопротивления бежали в Испанию через Пиренейские горы и именно через тот же городок По. Однако не все добирались до цели. Контрабандисты многих из них грабили и убивали.

Может быть, Жоржет Карони знала об этом, но в своем единственном послевоенном письме к нам не хотела, не могла жестоко огорчить маму и меня...

На этом кончается долгий и тяжелый рассказ о моем единственном и любимом брате.

Помощь врачам – жертвам войны и преследований («Энтр-эд-медикаль»)¹

Э.Н.Левина (Париж)

Общество здравоохранения евреев – ОЗЕ – как медико-санитарная организация, не могла существовать без участия врачей. Большинство руководителей Общества, сотрудников и друзей, поддерживавших его деятельность, были врачи. Они отдавали ОЗЕ много энергии, времени, а если могли, и средства. Когда же они сами очутились в положении разоренных, все потерявших беженцев, не имеющих права практиковать, ОЗЕ не могла не отозваться на их трагическое материальное и моральное положение. Так возник при Центральной дирекции ОЗЕ в Париже в 1934 году Отдел помощи врачам – «Энтр-эд-медикаль» (ЭЭМ).

Началась эта работа еще в 1933 г. с помощи студентам-медикам, которые из-за антисемитизма не смогли завершить медицинское образование в высших учебных заведениях стран Восточной Европы. Наступившие в тот момент финансовые ограничения лишили их помощи со стороны семьи и поставили в тяжелое материальное положение. Франция их приняла. Они могли здесь жить и учиться, но не имели права работать и зарабатывать на жизнь.

Дирекция ОЗЕ в Париже решила выдавать медикам двух последних курсов ежемесячное пособие. Комитет по распределению представленных им ОЗЕ средств был избран среди самых заинтересованных студентов. Во главе его стоял доктор Илья Львович Ольшвангер, которого в течение 16 лет существования комитета сменяли другие члены Экзекутивы (Исполнительного комитета. – *М.П.*) – доктора Кремер, Фаерман, Якир и др.

Во Францию, в большинстве случаев при содействии ОЗЕ, приехало довольно большое количество врачей. Растерянные, выбитые из колеи в чужой стране, часто не знавшие ее языка и законов, они, естественно, искали в ОЗЕ моральной поддержки и материальной помощи. И эту помощь им оказывал Отдел помощи врачам – «Энтр-эд-медикаль».

Деятельность ЭЭМ менялась в связи с изменением общих политических событий. Но перед ней всегда стояла трудноразрешимая проблема – будущее врачей-беженцев. Что ждало их во Франции или в стране новой эмиграции, к которой они готовились? Что сделать, чтобы они могли в будущем, не теряя времени, обеспечить

существование своих жен и детей, пользуясь профессиональными знаниями, на приобретение которых они потратили столько энергии, средства и молодые годы жизни? Иностранцы, окончившие медицинский факультет за границей и даже получившие диплом во Франции, не имели права практики в этой стране. От них требовались диплом французского бакалавра и натурализация – иными словами, пять лет пребывания в стране. Только тогда их допускали к экзамену, дававшему право получения так называемого «государственного» диплома и право практики.

Трудно представить себе врача, обремененного семьей, практиковавшего в своей родной стране иногда уже четверть века, а то и больше, который решился бы засесть за учебник географии, за решение алгебраических задач или за сочинение о лирике Виктора Гюго. На какие средства жить и учиться?.. Но находились смельчаки, которые, поддерживаемые ЭЭМ, преодолевали все трудности и препятствия и приступали к такому экзамену. Им ЭЭМ выдавал специальную стипендию и учебные пособия, оплачивал их подготовительные курсы, печатание тезы² и т.п. В результате, ценою усиленного труда, врачи этой категории получали все права и окончательно обосновывались во Франции. Их, правда, было немного.

Руководители ЭЭМ чутко прислушивались к нуждам врачей и реагировали на них созданием самой разной помощи. Так, узнав о призыве министерства колоний к французским врачам принять свободные посты в отдаленных французских колониях, дирекция ОЗЕ вошла в переговоры с властями о допущении на эти посты бесправных иностранных врачей. В результате человек 20 евреев-иностранцев были устроены на государственную службу с правом частной практики среди местного населения. После пяти лет работы в колониях эти врачи имели право вернуться во Францию, получить французское гражданство и право на известные льготы для получения «государственного» диплома. На собранные в колониях средства они открывали кабинеты в Париже или в провинции.

К другой группе относились врачи, большей частью обремененные семьями, которые вынуждены были отказаться от звания врача и искать заработков. При содействии ЭЭМ они научались какой-нибудь специальности, более или менее близко стоящей к медицине («парамедикаль»), дающей право на работу во Франции. Им ЭЭМ помогал научиться массажу, лечебной гимнастике, медицинскому педикюру, кустарному производству различных фармацевтических продуктов «красоты» – мазей для лица и рук, средств для ращения волос и т.п.

Были и такие врачи, которые колебались, присматривались к ходу событий, прежде чем принять окончательное решение. Но большинство из них ждало возможности дальнейшей эмиграции – в Канаду, Австралию, Южную Америку, а чаще всего в США. Попасть в Палестину в то время было почти невозможно.

Ждать получения визы, особенно в США, приходилось подолгу – иногда год и два. Чтобы врачи не теряли времени и – что еще важнее – чтобы томительное ожидание, неизвестность будущего, неуверенность в возможности осуществления планов и бездеятельность не деморализовали окончательно подавленных и теряющих уверенность в своих силах эмигрантов, ЭЭМ открыл для них вечерние курсы английского языка, где желающие одновременно готовились к предстоящему по приезду в страну эмиграции медицинскому экзамену, без которого в большинстве заокеанских стран врачи-эмигранты не имели права практики. С такой подготовкой эти врачи приступали к экзаменам и к работе вскоре по приезду в чужую страну.

Так работал отдел помощи врачам при ОЗЕ в Париже до начала войны. Одни врачи уезжали, другие приезжали. Особенно много приехало в 1938 г., после захвата Гитлером Австрии. Количество врачей, опекаемых ЭЭМ, росло и с ростом популярности организации. Довоенные архивы ОЗЕ были захвачены оккупационными властями или уничтожены самими сотрудниками ОЗЕ из предосторожности, и теперь трудно сказать, скольким врачам ЭЭМ помог за довоенный период. Приблизительно их было человек 300, а с членами семей – 450–500.

Деятельность ЭЭМ продолжалась и во время оккупации и после окончания войны, но носила уже другой характер.

С первых дней объявления войны немецкие и австрийские подданные во Франции жили под угрозой интернирования во французские лагеря. Но французские власти принимали гарантию ОЗЕ в политической лояльности отдельных лиц, и таким образом ЭЭМ освобождал их от интернирования. Когда же депортация приняла массовый характер, ОЗЕ открыло специальный подотдел под руководством госпожи Грумбах, очень влиятельной в то время и пользовавшейся большим доверием и уважением политической деятельности. Благодаря вмешательству ЭЭМ многие врачи, подданные вражеских стран, не попали в лагеря или освобождались оттуда. Это помогло им впоследствии, на свободе, защитить себя, укрыться и избежать опасности депортации.

Во время оккупации немецкими войсками Парижа, в первые ее дни, дирекция ОЗЕ, а с нею и ЭЭМ, переехали в Виши, но ненадолго.

В течение всех лет оккупации ОЗЕ приходилось перекочевывать с места на место, из одного города в другой. В Виши евреям нельзя было оставаться из-за близости правительства Петена; в Монпелье после оккупации так называемой свободной зоны – из-за возможности высадки Армии Освобождения; из департамента Канталь пришлось перекочевать в Шамбери (От-Савуа), потому что префект не желал иметь в своем департаменте «бандитов», т.е. евреев и их организацию. Но при каких трагических обстоятельствах ни кочевал бы ЭЭМ и где бы этот отдел ни устраивался хотя бы на короткое время, нуждающиеся в его помощи врачи находили его. Часто ЭЭМ при помощи сети сотрудников ОЗЕ, работавших во всех департаментах Свободной зоны Франции, сам разыскивал врачей, нуждавшихся в его помощи. Если они прятались в какой-нибудь глухой деревушке или находили работу сторожа, дровосека, рабочего на ферме, то они кое-как перебивались и больше всего нуждались в моральной поддержке, в сознании, что связь с ЭЭМ не порвана и, если грянет беда, ЭЭМ позаботится об оставшихся в живых членах семьи и приютит их детей.

Работая в концентрационных лагерях Южной зоны Франции, сотрудники ОЗЕ привлекали к своей работе интернированных врачей. Как все нуждающиеся коллеги, они получали от ЭЭМ небольшое ежемесячное пособие, которое впоследствии позволило причислить их к списку сотрудников, требуемому правительством Виши, и таким образом спасти от депортации.

В лагере Гюрс удалось получить барак, в котором ЭЭМ оборудовал своего рода клуб, вернее, уголок для врачей, где они могли уединиться и на время отдохнуть от кошмара окружающей обстановки, почитать газету, поиграть в шашки. Эта моральная помощь интернированным врачам очень ценилась ими.

Позже, в 1943 г., когда среди интернированных стали все больше появляться больные, страдавшие от голода, ЭЭМ оборудовал в лагере Гюрс специальную кухню для врачей. Это с трудом осуществимое в то голодное время, довольно примитивное усиленное питание все же спасло многих врачей от голодной смерти.

Во время оккупации существовали также так называемые «трудовые лагеря». Оттуда, под ответственность дирекции ОЗЕ, можно было нанимать работников бюро или сельскохозяйственных рабочих в детские дома. ОЗЕ и здесь выручило нескольких врачей. Вообще оно было начеку и не упускало ни одного случая, ни одной возможности облегчить горькую участь еврея-врача. Так, например, получив однажды из какой-то глухой деревни просьбу о помощи от врача, отца двух детей, не имевшего средств к существованию, ру-

ководители ЭЭМ были поражены жизнеописанием просителя. Было ясно, что проситель – очень скромный молодой ученый. Его вместе с семьей немедленно переселили в Монпелье, где среди профессоров медицинского факультета было немало участников Сопротивления. ЭЭМ предоставил ему стипендию, а медицинский факультет – возможность продолжить свою научную работу и, до некоторой степени, защиту от преследований. Сейчас же после освобождения Франции он занял высокий пост в Сорбонне и издал свой научный труд. Были и другие стипендиаты, даже среди студентов-медиков, которым ЭЭМ помог во время оккупации и преследования евреев сдать при медицинском факультете в Монпелье экзамены и получить диплом врача.

Параллельно с легальной работой ЭЭМ во время оккупации вел усиленную подпольную деятельность. Посыпались ежемесячные почтовые мандаты по фальшивым именам во все концы южной зоны Франции, уже оккупированной немецкими войсками; выдавались фальшивые документы; платились большие суммы за нелегальный переход границы врачами (в Швейцарию или в Испанию). А тем, кто в средствах не нуждался, ЭЭМ предоставлял «пассеров» (проводников), к помощи которых ОЗЕ приходилось непрерывно прибегать для спасения детей.

После окончания войны и освобождения Франции от оккупационных войск в Париж хлынула волна пострадавших евреев, а среди них и врачей. Кого только среди них не было! Французы и иностранцы, молодые и старые, больные и здоровые, но измученные преследованиями и постоянной угрозой депортации, изнуренные голодом и холодом, годами прятавшиеся в подвалах, на чердаках и в темных углах. Были и спасшиеся от смерти в немецких лагерях, потерявшие близких, потерявшие все, что у них было и чем они жили до войны. Почти все они были подавлены пережитым и далеко не готовы начать жизнь сначала...

Сотрудники ЭЭМ встречали их с распростертыми объятиями, радуясь каждому спасшемуся от гибели врачу, стараясь помочь им как можно скорее вернуться к нормальной жизни и работе. В этот период каждому врачу предоставлялись средства к существованию; им покупались нужные вещи; их посылали в дома отдыха; их лечили, разыскивали членов их семей (через ОЗЕ в Швейцарии), им, по возможности, ни в чем не отказывали.

В этот тяжелый период ЭЭМ начал помогать и вдовам врачей.

Французское правительство тоже очень сочувственно встретило пострадавших врачей. Врачи – французские граждане получили единовременно значительную сумму; для иностранцев был издан

временный закон о допущении врачей, «оказавших услугу Франции» – воевавших в рядах участников Сопротивления, вернувшихся из немецкого плена или из депортации, – к сильно сокращенному экзамену по медицине. Предварительно требовалось сдать вместо экзамена на диплом бакалавра экзамен по общей французской культуре и подать прошение о натурализации.

Если к медицинскому экзамену врачи, часто уже много лет практиковавшие, были более или менее готовы, то экзамен по общей культуре требовал подготовки – особенно у плохо владевших французским языком. На такую подготовку ЭЭМ давал нужные средства: расходы на жизнь, учебные пособия, оплату преподавателей. После получения государственного диплома и права практики ЭЭМ выдавал врачам комплект медицинских инструментов и ссуду, которую они обязывались выплачивать в течение двух лет. Ссуда позволяла им оборудовать, правда скромно, кабинет и приступить к работе.

Среди врачей, приехавших во Францию после войны, было много поляков. Эвакуированные в начале войны советскими властями в глубь России, работавшие под конец войны как врачи в польских военных отрядах, они вернулись после окончания войны на родину в надежде найти свой дом и своих близких. Но большинство из них не нашли в разрушенной Польше ничего, кроме тяжелых воспоминаний о погибших. Естественно поэтому их стремление уехать «куда глаза глядят». Получив транзитную визу во Францию, они здесь много месяцев подряд – а то и год и два – выжидали визу в какую-нибудь страну эмиграции. Когда привезенных с собой средств на такое длительное пребывание во Франции без права зарабатывать на жизнь уже не хватало, врачи стали обращаться за пособием в отдел помощи эмигрантам при Кожазоре³, располагавший предоставленными ему Джойнтом средствами. ЭЭМ за все время своей деятельности ни от одной организации никакой субсидии не получал и только в 1946 г. вошел в переговоры с Кожазором, который согласился предоставить ему суммы для врачей-транзитеров. В первый же месяц отдел помощи транзитерам при ЭЭМ зарегистрировал 79 врачей, а вместе с членами их семей – 170 эмигрантов.

В ЭЭМ врачи-транзитеры встречались со своими коллегами, делились различными сведениями, касающимися выбора страны эмиграции или получения визы, обсуждали сообща планы на будущее. При ЭЭМ в их распоряжении были библиотека и читальня, где имелись медицинские книги и журналы не только на французском, но и на польском, русском, немецком, английском и др. языках. В помещении ОЗЕ они могли прослушать доклад на интересующую

их медицинскую тему или могли сами его прочесть. Так, следя за прогрессом в медицине, они не отставали от своих практикующих коллег, и их поддерживало сознание, что по приезду в страну эмиграции они смогут спокойно приступить к работе.

Если в Израиле требовался тот или иной врач-специалист, ЭЭМ помогал кандидату предварительно окончить соответствующий курс при медицинском факультете в Париже, оплачивая курсы, учебники и прочие расходы.

Возможностью специализироваться пользовались и врачи, получившие право практики во Франции или намеревающиеся устроиться в Париже или в провинции. Вообще ЭЭМ всегда был готов прийти на помощь врачу при нарушениях его скромного бюджета, будь это болезнь, рождение ребенка, печатание диссертации или поездка в провинцию в поисках работы. ЭЭМ не имел ни в одной стране отделений. Если надо было помочь врачу, например в Швейцарии, это делалось через соответствующее отделение ОЗЕ. Таких случаев, правда, было немного.

Хочется верить, что разбросанные по всему свету сотни врачей, пользовавшиеся в свое время помощью Юниона ОЗЕ, оценили его благотворную роль в тяжелую минуту их жизни и не забыли об этом впоследствии.

---

¹ «Энтр-эд-медикаль» (франц. *entraide médicale*) – букв.: «медицинская взаимопомощь»; впервые эта статья была напечатана в кн.: *In Fight for the Health of the Jewish People: 50 Years of OSE* / Ed. *Wulman L.* N.Y., 1968. P.135–142; публиковалась с незначительными редакторскими правками в кн.: *ПЕВЗ*. Т.3(8). С.278.

² *La thèse* – диссертация (*фр.*), здесь, по-видимому, дипломная работа.

³ Кожазор (COJASOR) – Еврейский комитет социального действия и реабилитации (*Comité Juif d'Action Sociale et de Reconstruction*). (Благодарим госпожу *Danièle Bismuth* за эту информацию. – *Ред.*).

Луи Рапкин, последний ученик Баруха Спинозы¹

Константин Кикоин (Ришон ле-Цион)

J'ai tant d'amour et pour tant des choses².

Луи Рапкин

Попробуйте вообразить себя французским ученым, ну, скажем, физиком или биологом средних лет с высокой репутацией в академических кругах и более чем солидным положением в одном из ведущих парижских научных центров... в черную осень 1942 года. Наци в Париже, большая часть Франции под их пятой. Они захватили почти всю континентальную Европу. Немецкие танки утюжат Северную Африку, и где-то на востоке, почти на границе с Азией, нацисты, по-видимому, добивают русских. А вы, допустим, еврей, и ваши ближайшие жизненные перспективы предстают перед вами с беспощадной ясностью.

И вдруг сообщают, что относительно вашей судьбы и судьбы ваших близких у кого-то имеются совсем иные планы. Вам со всей семьей помогают добраться до одного из средиземноморских портов, сажают на корабль, заполненный беженцами, вы пересекаете Атлантику. В Нью-йоркском порту вас встречает человек, с которым вы были едва знакомы в довоенной, мирной жизни. Вам помогают оформить документы, без которых беженец ни шагу не может ступить в Новом Свете. В Америке – почти забытое мирное изобилие и жизнь кипит, хотя многие работают «на оборону». Вас тоже ожидает работа по специальности. Вашим близким помогают получить работу или продолжить учебу. Оказывается, вы не один такой счастливец. Еще несколько ваших парижских коллег, и не обязательно еврейской национальности, были вызволены подобным образом. Это похоже на сказку, но это несомненная реальность.

Что за могущественная сила перенесла десятки ученых через океан, волшебным образом спасла их от неминуемой мучительной гибели и вернула к полноценной профессиональной деятельности? Какая организация сумела в беспросветной ночи почти восторжествовавшего нового нацистского мирового порядка столь блестящим образом устроить под носом у оккупационных властей перемещение и обеспечение работой стольких математиков, физиков, биологов мирового ранга и их семей? И какие имена... Адамар! Перрен! Бриллюэн! Оже! Леблон! Вюрмсер! Леви-Стросс... Организация эта состояла из одного человека, и звали его Луи Рапкин. В 1942 году ему было тридцать восемь, и впереди у него оставалось всего шесть лет жизни...

Перед войной французский биохимик Рапкин работал в Институте Пастера. За плечами у него было три (!) эмиграции. Родившийся в местечке под Минском, он был увезен родителями во Францию в семилетнем возрасте в 1911 году. Отец его был портной, покинувший черту оседлости в поисках лучшей доли на волне эмиграции после погромов, которые охватили западные окраины Российской империи на рубеже веков. Во Франции Рапкины задержались ненадолго и через два года перебрались в Канаду, во франкоязычный Монреаль. Нелегкая эмигрантская жизнь скрашивалась теплыми отношениями, царившими в семье Рапкиных. Луи был любимым ребенком, физически развитым, темпераментным и любознательным. Стипендии помогли ему успешно окончить школу, а скопленные отцом небольшие средства – поступить на медицинский факультет университета McGill. Проучившись на факультете два года, Луи в один прекрасный день огорошил родителей просьбой разрешить ему использовать деньги, отложенные на его образование, на продолжение учебы во Франции. Именно там, по его мнению, происходили важнейшие события в избранной им науке – биологии.

Мировая экономическая ситуация в начале 20-х годов как нельзя более благоприятствовала проекту Луи – доллар стоил 25 франков, и можно было надеяться, что при экономной жизни имеющихся средств хватит, чтобы завершить учебу в Париже. После долгих колебаний родителипустили сына, и мать, которая была малограмотна, но очень его любила, тоже взялась за учебу, чтобы переписываться с сыном через океан. И вот двадцатилетний Луи Рапкин в Париже. Он поступает на интересующие его курсы в Сорбонне и получает наконец возможность утолить интеллектуальный голод. Однако его подстерегает голод реальный – ведь практически все

родительские доллары ушли на то, чтобы пересечь Атлантику, притом что пришлось устроиться посудомойщиком в камбузе, чтобы покрыть дорожные расходы. Да и здесь, в Париже, он по утрам подрабатывает в обувном магазине на самой черной работе. Уплатив за жалкую меблированную комнатушку, Луи остается до следующего месяца с полсотней франков в кармане, и нередко ему приходится решать, купить кусок хлеба с сыром или пойти в душ. Выбор, как правило, делается в пользу душа... А до следующей полочки он дотягивает с помощью глюкозы из лабораторных запасов. Опыт литературного персонажа из гамсуновского «Голода» становится его собственным опытом. Но зато он имеет свой угол в лаборатории профессора Переса и право заниматься тем, что считает нужным.

То, чем интересуется двадцатилетний канадец, в середине 20-х годов еще не имеет установившегося названия, но в скором будущем превратится в биофизику и биохимию. Предметом его интереса становится эволюция живых клеток. В письме домой он описывает свои ощущения начинающего исследователя: *«Наблюдать живые клетки... разбираться в том, что происходит внутри них. Я чувствую себя таким крошечным перед клеткой, этой загадочной вселенной... Бог мой! Я надеюсь, что моя мечта осуществится! Создавать, открывать неизвестное и помогать другим делать то же»*³. Давайте запомним эти строчки, они помогут нам понять необыкновенную жизнь этого человека.

Французские наставники Луи Рапкина довольно быстро оценили приверженность юноши к научным исследованиям и качество его первых экспериментов. На втором году учебы в Сорбонне ему было предложено подать прошение на стипендию Рокфеллеровского фонда. Юноша долго колебался. Всегда готовый помогать другим, сам он принимал помощь крайне неохотно. Он полагал, что Rockefeller Foundation – это какая-то благотворительная организация, и категорически не желал просить милостыню у кого бы то ни было. Лишь получив исчерпывающее объяснение о присуждениях стипендий на исследования, он заполнил соответствующие формы и через некоторое время стал Рокфеллеровским стипендиатом. Теперь он мог позволить себе перебраться в только что отстроенный корпус общежития для канадских студентов, Maison Canadienne, в Университетском городке между парком Монсури и Орлеанскими воротами, обновить свой донельзя обветшавший гардероб, посе-

щать концерты классической музыки... и от стипендии кое-что еще оставалось, чтобы помочь нуждающимся студентам.

Летний семестр 1925 года Рапкин провел в Англии на береговой научной станции Роскофф, изучая эволюцию яиц морских ежей. Вскоре после этого он получил приглашение от профессора Рене Вюрмсера в его лабораторию в Школе высших исследований (École des Hautes Études). Во время последующих визитов в Роскофф он свел знакомство с многими английскими учеными, и в частности с биохимиком Дж. Нидхэмом, который впоследствии стал выдающимся историком науки и китаеведом. Человеческие и научные качества Луи Рапкина были по достоинству оценены. Нидхэм пригласил его в Кембридж и представил самым именитым кембриджским профессорам того времени – Резерфорду, Эддингтону и другим. Научная репутация Рапкина во Франции тоже быстро укреплялась, некоторые его эксперименты по делению клеток были доложены в Академии наук Франции. В 1930 году лаборатория Вюрмсера и Рапкина вошла в состав вновь образованного Института физико-химической биологии, и Рапкин был назначен заместителем директора отдела биофизики.

Жизнь, по всей видимости, входила в определенное русло. В 1929 году Луи съездил в Канаду и приехал оттуда не один. С Сарой Меламуд он дружил с детства, и она стала его женой. В перспективе была успешная научная карьера, красивые эксперименты, ученики, академические регалии – нормальные радости и треволения ученого, занимающегося делом, к которому он призван. Один из самых заметных результатов Рапкина по биохимии разделения клеток был, как это называется, «одновременно и независимо» получен крупным английским биохимиком Фредериком Хопкинсом, директором биохимической лаборатории Кембриджского университета. Когда сэр Хопкинс узнал о работе Рапкина, он задержал свою публикацию, чтобы молодой ученый мог утвердить свой приоритет. Впоследствии они сблизились, и Хопкинс неоднократно отмечал фундаментальную важность работ Рапкина по функционированию клеток.

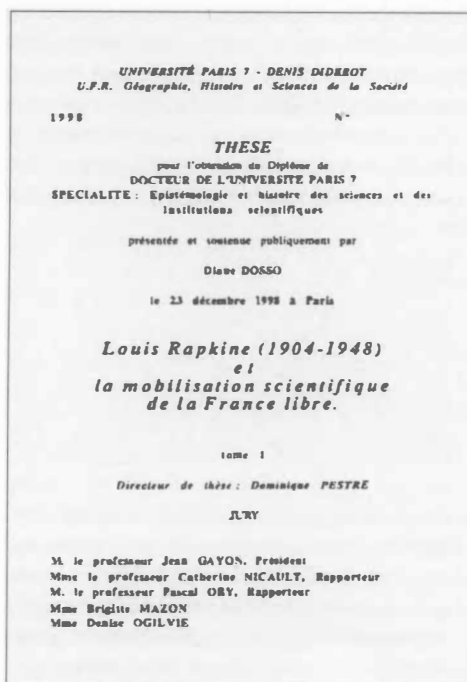
Наступил год тысяча девятьсот тридцать третий. В Германии к власти пришли национал-социалисты, и вскоре в немецкой науке повеяли новые – холодные ветры. Этническая принадлежность профессоров, о которой никто не думал в Германии уже лет пятьдесят – со времен реформ Бисмарка, принесших Германии экономическое могущество, вдруг стала предметом повсеместного

пристрастного обсуждения. В университетах начались чистки по расовому признаку. Канадский подданный российского происхождения еврей Луи Рапкин немедленно создает Французский комитет по приему иностранных ученых и организации их научной деятельности (Le Comité français pour l'accueil et l'organisation du travail des savants étrangers). Не по спасению несчастных еврейских «лишенцев» от притеснений и унижения (о планах «окончательного решения еврейской проблемы» в то время за пределами Германии еще никто не подозревал), а по профессиональному трудоустройству первоклассных специалистов в научных учреждениях Франции. В комитет входили многие из именитых друзей Рапкина, но именно Луи и его жена Сара беседовали с каждым беженцем, вникали в детали его положения, старались подыскать ему такое место, чтобы его профессиональный опыт не пропал и возможности были реализованы наилучшим образом, помогали получить официальный статус, используя связи в государственных организациях, искали частные источники финансирования. Комитет сумел принять более тридцати ученых из Германии, Австрии, Испании и Португалии... При этом сам Рапкин оставался во Франции иностранцем вплоть до 1937 года, когда он, наконец, получил французское гражданство. Он был прекрасно осведомлен о французской ксенофобии. Он писал своему другу Нидхэму: *«Здесь все научные учреждения, кроме нашего Института биологии и Института Пастера, закрыты для нефранцузов. Когда я говорю “закрыты”, я имею в виду невозможность получить в них позицию. Да и Институт Пастера в последнее время становится ужасающе враждебным к иностранцам и даже в большой степени антисемитским»*⁴. Но Рапкин делал то, что считал нужным, стараясь не афишировать эту сторону своей жизни и не обращая внимания на тягостную политическую и психологическую атмосферу во Франции, да и во всей Европе. Свои этические и моральные принципы он унаследовал от родителей. Он рассказывал о своем деде, который в ледяную российскую зимнюю ночь подобрал пьяного крестьянина, лежавшего посреди улицы, дотащил его до своего дома, отогрел, привел в чувство, накормил и только после этого отправил восвояси.

В те же предвоенные годы, когда Рапкин развернул свою первую гуманитарную акцию, он сделал самые яркие работы по механизмам каталитической активности ферментов. К концу 30-х годов он был автором трех с лишним десятков отличных научных статей, имел устойчивую репутацию одного из ведущих биохимиков Франции, и его авторитет в научном сообществе по обе стороны

Атлантического океана был весьма высок⁵. Но миссия, которую он принял на себя, отнимала все больше сил, и все больше времени ему приходилось проводить не в своей любимой лаборатории, а в переговорах с официальными и частными лицами, которые помогали ему в его тайной деятельности. «Странная война» и вторжение германской армии во Францию застали его в Англии. Рапкин использовал создавшуюся ситуацию так, как мог сделать только он, — стал первым ученым, мобилизовавшим себя на избранный им фронт, где был поначалу единственным офицером и бойцом. Созданное им *Научное бюро* имело ту же цель, что и *Французский комитет*, организованный семью годами раньше, — спасение и профессиональное устройство ведущих ученых, теперь уже французских, в научных организациях стран антигитлеровского блока. Рапкин связался с генералом де Голлем, который принял его Бюро под эгиду «Свободной Франции». Рокфеллеровский фонд и другие американские организации обеспечили финансирование его Бюро со стороны США, и механизм заработал. 11 декабря 1941 г. Рапкин получил от правительства де Голля в изгнании телеграмму с подтверждением официального статуса его Бюро, а через несколько дней представил первый список лиц, получавших разрешение на въезд в Соединенные Штаты.

Возможности, которыми располагал Рапкин, были весьма велики. Научное бюро действовало в США и Канаде. Государственный департамент в Вашингтоне и лондонский Foreign Office оказывали ему твердую поддержку, хотя Рапкин ни в коей мере не

**Титульный лист диссертации
Дианы Доссо о Л.Рапкине и его деятель-
ности по спасению ученых**

принадлежал к сильным мира сего. Фактически он был такой же изгнанник, как и те, кого он теперь пытался спасти. Никаких шансов продолжить научную работу в своем институте у него не было. Гестапо занесло Рапкина в черные списки, и люди в немецкой военной форме наведывались в его пустующую парижскую квартиру (жена и дочь в это время уже перебрались в демилитаризованную зону на юг Франции). Все могущество Бюро основывалось на личных качествах и организационных способностях этого удивительно человека. Рапкин действовал так, как если бы имел статус аккредитованного дипломата, своего рода научного атташе, связи которого простирались от официальных учреждений стран антигитлеровской коалиции до ячеек французского Сопротивления и тайных убежищ, где прятались евреи, спасавшиеся от депортации.

В безжалостной мясорубке войны гибли солдаты и мирные жители, счет погибших и вывезенных в концлагеря шел на десятки и сотни тысяч, армиям Гитлера и его союзников на континенте противостоял только Советский Союз, французские маки и партизаны в Балканских горах. А Лун Рапкин составил список из 57 человек и пытался вызволить каждого из них вместе с семьей, найти индивидуальный путь к его спасению. Гибли государства, готовились и осуществлялись «оптовые смерти», а он неуклонно и спокойно выполнял *свою* миссию. Бюро не прекратило деятельность и тогда, когда последний из этого списка ступил на американскую землю. Ведь задача заключалась не только в том, чтобы спасти ученых, но и в том, чтобы обеспечить им возможность работать в науке. И Рапкин посещал министерства, университеты и институты, добывал паспорта и другие необходимые документы, требовал, доказывал и убеждал. Перед силой его характера, твердостью и искренностью устоять не мог никто. Один из высоких американских чиновников в раздражении спросил у Рапкина:

– А вы не хотите получить американское гражданство?

– Послушайте, – немедленно ответил Рапкин, – я родился в России, воспитывался в Канаде, потом натурализовался во Франции. Вы что, будете меня больше уважать, если я еще раз сменю гражданство, как костюм?

Жена и дочь Рапкина после опасного путешествия по оккупированным и нейтральным территориям и длительного плавания через океан на корабле, заполненном беженцами из поверженной Европы, оказались в Нью-Йорке, который был центром активности Научного бюро и куда собирались все ученые, вызволенные Рапкин и его помощниками и агентами. Квартирка на 83-й улице Ман-

хэттена, снятая к их приезду, быстро превратилась в пункт по приему беженцев. Луи Рапкин лично встречал каждый пароход и каждый самолет, привозил эмигрантов к себе, помогал с первоначальным обустройством в новом, незнакомом мире. Людям, потерявшим родину, видевшим смерть вблизи, лишившимся многих родных и близких, испытывавшим горечь разрушения всего векового жизненного уклада, не так-то просто было привыкнуть к неизбывному американскому оптимизму и несокрушимой вере в то, что все будет о'кэй, выходить на улицы, заполненные энергичными людьми, не спеша заходящими в магазины с яркими витринами и не боящимися внезапной бомбежки. Рапкин, помогший им добраться до Нового Света, был для них фигурой всемогущей, почти мифической. По его слову открывались двери во все департаменты, выдавались документы, находились места в университетах и исследовательских центрах... А ведь Луи Рапкин был всего лишь *один из них*, не побоявшийся взять судьбу в свои руки и взвалить на себя ответственность за судьбы других. Сверхзадачей Научного бюро и его руководителя было сохранение целостности французской научной колонии. Рапкин был душой этого маленького сообщества и делал все, чтобы предотвратить растворение своей маленькой группы в огромном мире американской науки, вобравшей в себя огромное число эмигрантов из всех стран.

Впрочем, могущество Рапкина не было абсолютным. Правительство США резко ограничивало доступ иностранцев к оборонным работам, опасаясь шпионов (как мы теперь знаем, опасения были более чем обоснованными, хотя выяснилось это обстоятельство много позже, когда началась гонка за обладание атомным и ядерным оружием). И здесь кончались возможности Луи Рапкина, хотя среди его протеже было немало специалистов в областях, имевших отношение к будущему Манхэттенскому проекту. Некоторые из них (Бертран Гольдшмидт, Жюль Герон, Франсис Перрен, Станислас Винтер) после войны вошли в руководство Французского комиссариата по атомной энергии. Группа специалистов по цепным ядерным реакциям стараниями Рапкина была включена в англо-канадскую ядерную программу, базировавшуюся в Монреале, но после того как Манхэттенский проект вобрал в себя все остальные ядерные программы союзников, французам не нашлось в нем места...

Все эти события происходили в 1943 году. После успехов русских в Сталинграде, американцев в Салерно и англичан в

Эль-Аламейне, когда стало ясно, что в ходе войны произошел перелом в пользу стран антигитлеровской коалиции, приоритеты в проекте Рапкина изменились. Теперь речь уже шла не о спасении, выживании и трудоустройстве. Конечной целью было обозначено восстановление научного потенциала Франции, катастрофически пострадавшего в результате нацистской оккупации. В 1944 году группа Рапкина начала постепенно перебираться обратно через океан, в Англию, где по его инициативе возникла новая организация – French Scientific Mission in London (Французская научная миссия в Лондоне). Помимо участия в государственных научных программах Великобритании, она ставила своей задачей подготовку научных исследований в будущей послевоенной Франции. Вернувшись в Париж вместе с союзными армиями, Луи Рапкин начинает новый этап своей деятельности в Институте Пастера и немедленно приступает к решению этой задачи. Рокфеллеровский фонд, который поддерживал Рапкина в течение всей его научной жизни, способствует реализации его новых инициатив. Осенью 1945 года он получает от фонда гранты на приобретение современного научного оборудования и на организацию международных конференций. В отчете о работе Французской научной миссии он не только описывает ее деятельность в последние военные годы, но и выдвигает план реорганизации всей системы научно-исследовательской работы во Франции. Многие из идей, высказанных в этом отчете, действительно были реализованы во время реформ, проведенных в конце 50-х годов. Французская республика награждает его орденом Почетного легиона. Наконец можно вернуться к любимой работе, от которой он самоотверженно отказался шесть лет назад во имя принятой на себя миссии. Но судьба вполне беспристрастна и безжалостна к смертным. Рапкин был завзятый курильщик, то, что у англичан называется *chain smoker*. Его жизнь во Франции и затем в эмиграции требовала постоянного напряжения всех духовных и физических сил. Медицина знает, что предельно мобилизованный организм обладает повышенной сопротивляемостью к болезням. Они, однако, ждут своего часа и набрасываются на человека, когда напряжение спадает. Вскоре после победы стали появляться первые симптомы болезни, и рак легких, бич многих курильщиков, унес Луи Рапкина в могилу 13 декабря 1948 года – в возрасте сорока четырех лет. Похоронен Рапкин на Парижском кладбище Montrouge, неподалеку от Maison Canadienne, в котором он провел, быть может, самые счастливые годы своей недолгой жизни.

Конечно, Луи Рапкин был не единственным *праведником* последней мировой войны. Множество людей и организаций участвовали в спасении людей, которых нацистский режим намеревался уничтожить по политическим, идеологическим и расистским соображениям. Среди самых активных организаций этого рода был Чрезвычайный комитет спасения (Emergency Rescue-Committee), который создал в Марселе В.Фрай. К сотрудничеству в этом комитете он привлек большую группу известных американских либералов и многих представителей европейской элиты. В числе тысячи двухсот спасенных этим комитетом деятелей европейской культуры были Марк Шагал, Андре Массон, Конрад Хайден, Макс Эрнст, Ванда Ландовска, Жак Липшиц, Генрих Манн и многие другие. На этом фоне список Рапкина из пятидесяти семи фамилий выглядит не столь впечатляюще, даже если иметь в виду имена вошедших в него выдающихся ученых, упомянутых в начале этой статьи. Конечно, если вы пишете многотомную историю мировой войны и следите с высоты птичьего полета за перемещением или гибелью огромных масс людей, попавших в шестеренки чудовищной военной машины, то *список Рапкина* останется незамеченным, так же, как и *список Шиндлера*, до того как на него упал волшебный луч кинематографа. Но для каждого, попавшего в эту мясорубку, масштаб исторических событий определяется тем, что случилось с ним самим и его близкими. *Sub speciae aeternitatis*, история солдата значит несколько не меньше, чем история армии.

В книге мемуаров о Луи Рапкине⁶, в архиве Института Луи Пастера и в диссертации, посвященной истории его Бюро, собраны свидетельства многих из тех, чьи жизни были спасены его усилиями и чьи биографии были predetermined знакомством или дружбой с этим человеком. Почти все эти люди, не сговариваясь, называют его святым либо апостолом. Apostolos – по-гречески означает «посланник». Но если вы зададитесь вопросом, чьим посланником был Луи Рапкин, то ни один из стандартных ответов не выглядит убедительным. Рапкин, по-видимому, не был религиозен в традиционном смысле слова. Вопросы об устройстве мира и месте человека в нем были в центре интересов Рапкина, но ответ на эти вопросы он искал прежде всего в сфере науки. Вспомним, что первым предметом его научных исследований была клетка – элементарная ячейка, в которой возникает «живое». Клетка для него была равновелика Вселенной. Детальное изучение биохимии деления клеток Луи Рапкин считал неотъемлемой частью исследования мироустройства в целом. Среди трудов Рапкина есть и «Заметки по

научной теории эстетики». В этих заметках он применяет идеи термодинамики необратимых процессов, управляющие закономерностями эволюции неживой и живой природы, к художественному творчеству. С его точки зрения, работа художника или музыканта есть акт, направленный против необратимости времени и противостоящий мировой термодинамической тенденции к старению и разрушению. Физическое и умственное состояние музыканта в момент исполнения великой музыки Баха или Бетховена реализует на несколько мгновений тот высший порядок, который этой музыкой зафиксирован и озвучен.

Друзья замечали в характере Рапкина необыкновенную смесь идеализма и реализма. Но для самого Луи Рапкина никакого зазора между абстрактными идеалами и конкретными практическими поступками, по-видимому, не существовало. Он просто поступал в соответствии с этими идеалами. Именно эта кажущаяся простота *правильного* поступка недоступна большинству из нас. Потому-то Рапкин и казался святым многим своим друзьям, хотя сам он никакого нимба над челом не ощущал и никогда ни в малейшей степени не вел себя, как знаменитость или Very Important Person.

Леон Эдель, канадский журналист, а позднее – известный литературовед и биограф Генри Джеймса, друживший с Рапкиным еще с полугодных студенческих лет в Париже, пишет: *«Я всегда замечал в Рапкине странную смесь невинности и высокоумия. В ранней молодости он открыл для себя Спинозу и принял его в качестве жизненной модели... Было нечто в его воспитании, что предохраняло его от самодовольства или интеллектуального снобизма, которые нередко являются спутниками "высоколобого" интеллектуализма – возможно, это шло от глубоко прочувствованной еврейской традиции, воспринятой еще в хедере. Она стала основой, на которую он мог опереться, приступив к чтению Платона и Спинозы. Полировальщик линз Барух Спиноза воспламенил его ум идеей, что все конечное является неотъемлемой частью бесконечного, идеей целостности, равновеликости материальной и духовной жизни и неделимости пространства»*¹. В письме другу Солу Мюльштоку, датированном 2 января 1934 г., Рапкин писал: *«Любой человек может представить себе, что существует некто, более совершенный, чем он, или, другими словами, всегда можно вообразить индивидуума, находящегося в большем равновесии с природой и ее законами, чем ты сам. К этой категории я отношу таких людей, как Спиноза, Бах, Шекспир, некоторых из еврейских пророков...*

Пока я нахожу мои научные методы гораздо менее адекватными, чем, скажем, методы Спинозы... но я надеюсь, что, усовершенствовав ум и сердце, я когда-нибудь смогу достичь этих высот»⁸.

Спиноза, проведший жизнь в Амстердаме, был, тем не менее, внутренним эмигрантом. Подвергшийся херему и изгнанный из еврейской общины за вольномыслие, он не стал изгоем и не отрицал Бога. Он просто вел с ним особый диалог. «Геометрический метод», которым Спиноза обосновывал свои богословские, политические и этические взгляды, был для него инструментом познания целостного и неделимого мира. «Теоремы» спинозианской этики многое объясняют в мировоззрении и биографии Луи Рапкина:

- человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлениях не о смерти, а о жизни;

- человек, руководствующийся разумом, стремится, насколько возможно, воздавать другому за его ненависть, гнев, презрение к себе и т.д., напротив, любовью и великодушием;

- сострадание в человеке, руководствующемся разумом, само по себе дурно и бесполезно⁹.

Эта последняя максима, возможно, кажется парадоксальной, но именно она помогает понять направленность *гуманизма* Рапкина. Если и можно назвать Рапкина чьим-нибудь апостолом, то человек, пославший его с миссией, звался Барух Спиноза.

Свое сострадание к жертвам нацизма Луи Рапкин проявлял максимально конкретно и целенаправленно. Для него гуманитарная деятельность по спасению ученых была естественным продолжением научной работы и подчинялась тем же принципам целостности познаваемого мира. Не партизанская война вообще, не негодующая публицистика или участие в международных комитетах, а четкая и, что очень важно, *реализуемая* программа действий. Никаких деклараций и петиций. Он просто составил список, продумал методы работы и последовательно реализовывал программу, пока все люди, внесенные в этот список, не оказались там, где должны были оказаться. Тридцать девять научных статей и несколько десятков спасенных ученых и членов их семей – это *личный* вклад Луи Рапкина в борьбу с мировым хаосом и силами разрушения. И это не так мало перед лицом вечности.

А срок жизни, отмеренный Спинозе, был тот, же, что и у Рапкина. Барух Спиноза умер от туберкулеза в возрасте 45 лет.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *ПЕВЗ*. Т.4(9). С.212.

В основе этой работы лежат два труда – воспоминания о Рапкине (*Louis Rapkine*. Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988) и диссертация Дианы Доско (*Dosso Diane*. Louis Rapkine /1904–1948/ et la mobilisation scientifique de la France libre: Thèse... docteur de l'Université Paris 7 / Dir. Dominique Pestre. 2 t. Paris, 1998, 23.12.). О герое статьи мы узнали от проф. Ж.И.Абрамовой, которая обратила наше внимание на названную диссертацию. Благодарим Жанну Исааковну, а также Константина Абрамовича Кикоина, который согласился написать о Луи Рапкине, несмотря на чрезвычайную занятость по основной работе и необходимость отъезда в длительную командировку. – *Ред.*

² «У меня было столько любви и к столь многим вещам» (*фр.*) – надпись на надгробном памятнике Луи Рапкину.

³ Introduction // Louis Rapkine. Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988. P.1–2.

⁴ Fonds Rapkine: Correspondance avec Joseph et Dorothy Needham. Archives de l'IP.Paris. Цит. по: *Dosso Diane*. Louis Rapkine (1904–1948) et la mobilisation scientifique de la France libre: Thèse... Vol.I. P.77.

⁵ О значении этих работ говорит тот факт, что на них до сих пор ссылаются в биохимической литературе, и это значит, что высказанные Рапкиным идеи не исчерпали себя. Так, в 2001 г. цитировались два его фундаментальных исследования, в то время как обычные статьи цитируются в течение 10 лет, а особо выдающиеся – 25. Благодарим за это сообщение В.Петрановского. (*Ред.*)

⁶ *Louis Rapkine*. Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988. 168 p.

⁷ *Edel Leon*. Unwritten Lives: Memoir of Louis Rapkine // Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988. P.23.

⁸ *Muhlstock Saul*. An Enduring Friendship // Idem. P.87.

⁹ *Стиноза Б.* Этика. СПб.: Азбука, 2001. С.280, 282, 298.

Евгений Вольман¹

Андре Львов (Париж)

Евгений Вольман родился в Минске 1 мая 1883 г. Здесь же прошло его раннее детство. Марк Вольман, его отец, врач, из-за своих либеральных взглядов вынужден был покинуть Россию, и семья воссоединилась с ним в Нью-Йорке. После смерти Марка Вольмана его вдова с двумя детьми в 1896 г. вернулась в Минск, где Евгений завершил среднее образование. В 1902 г. он едет в Льеж, где, не найдя в себе призвания к инженерному делу, переходит к изучению медицины и естественных наук. Ему повезло — он оказался учеником двух выдающихся мэтров: физиолога Леона Фредерика и зоолога Эдуарда ван Бенедена, ассистентом которого состоял в 1906–1909 гг. Бенеден был в дружеских отношениях с Ильей Мечниковым и горячо рекомендовал ему своего воспитанника. Таким образом Вольман стал ассистентом в Институте Пастера, где осуществилась его карьера.

Евгений Вольман
(1883–1943)

Примерно в это время он женился на подруге детства, с которой встретился в Льеже, — она там изучала физику и химию. В Институте Пастера Елизавета Вольман несколько лет проработала с Жаком Дюкло² — ему мы в основном обязаны трудами по осмотическому давлению коллоидов, — а потом стала сотрудницей мужа.

Общеизвестен интерес Мечникова к кишечной флоре, и очередную серию опытов на животных (крысах и собаках) по дезинтоксикации тонкой кишки он провел со своим новым помощником Евгением Вольманом. Эти и их более поздние исследования роли кишечных бактерий внесли определенный вклад в изучение нормальной и патологической физиологии млекопитающих. Вольмана интересует и соотношение между насекомыми и пресмыкающимися, с одной стороны, и введенными в их организм бактериями,

патогенными для человека, – с другой. И тут его опыты дают интересные результаты.

В начале войны 1914–1918 гг. Евгения Вольмана мобилизуют, он – врач батальона, а затем полка. В качестве полкового врача он участвует в кампании в Салониках. Возобновив свою исследовательскую работу после демобилизации (1919), ученый проводит многочисленные опыты по определению влияния витаминов (в основном витамина С) на уже частично изученные развитие и метаболизм бактерий в кишечнике, а также на выработку ими витаминов в макроорганизме. Он занимается бактериофагией и фагоцитозом. Но во главе угла всех исследований остаются проблемы иммунитета.

В 1922 г. Вольман получает французское гражданство.

По просьбе Эмиля Ру³ и Альбера Кальметта⁴, Е.Вольман в 1929 г. становится директором Института здоровья в Сантьяго (Чили). Здесь, в числе прочего, он проводит опыты на гигантских лягушках *Calyptocephalus Gayi*, которые, как выясняется, по-разному реагируют на холерный вибрион при различной температуре.

После возвращения в 1932 г. он больше не покидает Институт Пастера, где его карьера завершилась в должности заведующего Научно-исследовательской лаборатории бактерий. Он изучает хромосомную субстанцию бактерий и их наследственность, фильтрующиеся вирусы и их роль в опухолевых процессах. Участвует в работах Института по анафилаксии. В опытах на животных и в наблюдениях за человеком исследует протеолитические свойства кишечной, сенной и туберкулезной палочек, выработку ими индола и др. Евгений и Елизавета Вольманы выявляют взаимозависимость между бактериофагом, бактериями и лизоцимами; влияние повышенного давления, температуры, радиации и т.п. на бактерии и клетки животных, на опухолевые клетки, на фильтрующиеся вирусы. Например, они нашли, что давление в 1800 атмосфер инактивирует образцы раковой ткани, без этого давления вызывающие заражение. Результаты опытов уточняют биологическую и патологическую природу феноменов.

Последняя публикация супругов Вольман датируется сентябрем 1940 г. В ней речь идет о термостабильности фагов. Именно в этом году, согласно немецкому законодательству, они лишились права публиковать свои труды, и протоколы части их интересных находок пропали.

После трагического поражения Франции в июне 1940 г. Вольманы могли без каких-либо трудностей покинуть Париж или, по

TOLLILA	ANDRE	19.09.09	UTPEST	WOLFF	LEONIE	08.08.00	PARIS
TOLNAT	OSCAR	26.10.88	LOSONCZ	WOLFF	MARGOT	21.12.01	BECKUM
TOTIS	MONA	.94	CASABLANCA	WOLFF	MAURICE	21.01.96	PARIS
TOUBOULE	CAMILLE	01.01.21	PARIS	WOLFFSDORF	ABRAHAM	30.08.94	PRAGUE
TOUPAS	MICHEL	30.04.04	ST PETERSBS	WOLLMAN	ELISABETH	15.08.88	MINSK
TRACHTENBERG	EUGENIE	28.12.93	VAMSOVIE	WULFOWITZ	EUGENE	26.05.83	MINSK
TYLBOB	BINEM	14.01.08	PARIS	WULFOWITZ	HENRI	11.12.27	PARIS
ULMANN	GEORGES	30.06.23	BORDEAUX	ZABLOTZKI	JOSEPH	04.05.94	NOWO MINSK
ULMANN	GISELE	10.05.21	PARIS	ZABLOTZKI	MINDELA	26.10.00	KALUZHIN
ULMANN	PAUL	02.06.93	FORIENTRUY	ZABOURI	ARI	17.12.61	MINSK
URWICZ	ABRAHAM	15.04.89	VARSOVIE	ZELASOW	ESTHER	15.01.91	ODESSA
URWICZ	GITTE	14.07.13	VARSOVIE	ZERMATI	ROVER	25.02.23	VALENCE
VAINPRESSE	LEIB	04.01.85	AMSTERDAM	ZINGER	SHELL	04.08.91	KALUSZYN
VAN CLEEF	JOSEPH	11.03.96	ROTTERDAM	ZINGER	CLAIRE	29.11.66	ALGER
VAN RAALTE	HENRI	24.02.75	KICHINEFF	ZILBERMANN	LIVIA	02.08.28	BUDAPEST
VECKSLER	PINKAUS	.71	KOSICE	ZILBERMANN	OLGA	26.08.97	BUDAPEST
VIGDERHAUS	SARAH	16.06.15	PARIS	ZILBERMANN	BERNAED	19.04.15	PARIS
VITANYI	NICOLAS	15.03.01	VITKOVICE	ZILBERMANN	CLAUDINE	11.04.43	ODESSA
VIVANEL	ESTHER	05.04.09	LUBLIN	ZILBERMANN	ESTHER	.89	PARIS
VOGEL	RENEST	02.03.13	PARIS	ZILBERMANN	FOXTUNE	10.12.22	PARIS
VOGELGARN	MEINDEL	02.06.89	PARIS	ZILBERMANN	ARON	.04.91	MOHILEW
VOLF	ADELE	16.11.17	PARIS	ZLOCCOWER	EVA	15.06.91	MILAWA
VOLF	GILBERT	01.07.41	PARIS	ZONLIGT	MOSES	11.09.77	AMSTERDAM
				ZYLBERSTEIN	LAJA	.67	MELNOW

Страница из списка евреев с именами Евгения и Елизаветы Вольман, депортированных из Франции транспортом №63 17 декабря 1943 г.

Из книги Serge Klarsfeld. *Le memorial de la deportation des Juifs de France*

крайней мере, принять какие-либо минимальные предосторожности, которые позволили бы им избежать санкций немецкой полиции. Но они продолжали работать в своей лаборатории.

10 декабря 1943 г. немецкие полицейские пришли за Вольманом в больницу при Институте Пастера. В лагере Дранси он встретил свою жену, которая была арестована за несколько дней до этого. И менее чем через неделю Евгений и Елизавета Вольман попали в конвой, отправлявшийся в Освенцим. Всем известно, с какой садистской жестокостью немцы организовывали эти депортации, как большая часть несчастных, загнанных в вагоны для скота, погибали, не достигнув места назначения, а с выжившими обращались, как с животными, или уничтожали. И не удивительно, что не удалось

найти следов двух депортированных, разделивших участь миллионов человеческих жертв.

Те, кто был знаком с Евгением и Елизаветой Вольман, представляют себе, что этот конец, который они четко предвидели, был принят ими мужественно.

Знавшие Евгения Вольмана сохраняют память о нем как об исключительно порядочном человеке, широко образованном и высококультурном, интересовавшемся не только наукой, но и всеми видами искусства. Работа в лаборатории не отбила у него любви к природе. Мы нередко беседовали под тенью деревьев, посаженных им около собственного деревенского дома. Его острый и всегда настороженный ум светился в едких высказываниях, смягченных законами гостеприимства и тихой свежестью сада.

В действительности Евгений Вольман тщательно скрывал свою чувствительную душу и глубоко ранимое сердце. Без сомнения, ему было бы не очень приятно выслушивать перечисление его добрых человеческих качеств, так что мы воздержимся от этого.

Мысленно воскрешаю тонкое, нежное и в то же время энергичное лицо Елизаветы Вольман, которая была подругой этого мужчины, сотрудницей ученого и даже в смерти оставалась его спутницей.

Увы, мы можем только оплакивать судьбу, так чудовищно остановившую карьеру плодотворного ученого и превратившую узы дружбы в воспоминания.

*Андре Львов, руководитель Отдела
физиологии микробов Института Пастера*

---

¹ Сокращенный перевод М.Белого статьи А.Львова из книги: A la mémoire de quinze savants français lauréats de l'Institut assassinés par les Allemands, 1940–1945. Paris: Gauthier-Villars., 1958. P.133–145. (фр.: Памяти пятнадцати французских ученых – лауреатов Института Пастера, убитых немцами в 1940–45 гг.). Впервые опубликовано в кн.: РЕВЗ. Т.4(9).С.260.

² Жак Дюкло – Duclaux, не путать с Жаком Дюкло – Duclos, известным деятелем компартии Франции.

³ Эмиль Ру (1853–1933) – микробиолог; основные труды в области бешенства и дифтерии.

⁴ Альбер Кальметт (1863–1933) – выдающийся бактериолог и гигиенист, основатель и директор Пастеровского ин-та в Лилле, вице-президент Пастеровского ин-та в Париже, член АН. Особенно известен своими работами по туберкулезу.

Из воспоминаний, или Память о Шоа¹

*Исаак Цельникер (Париж)
Публ., вступ. заметка и коммент.
Дмитрия Гузевица, Ирины Гузевич
Пер. с фр. Максима Гузевица (Париж)*

Исаак Цельникер (Celnikier) родился в Варшаве 8 мая 1923 г. В четыре года потерял отца и в 1934-38 воспитывался в Доме сирот Януша Корчака — удивительно и воистину святого человека. Свет, который он зажигал в душах своих учеников, продолжает гореть и поныне. Художник Цельникер — один из немногих ныне здравствующих «детей» Корчака².

В 1939 Исаак с матерью Эстер и сестрой Сарой бежал в советскую зону оккупации и, получив советское гражданство, стал Исааком Шмулевичем Цельникером.

С тех пор он хорошо говорит по-русски. Но писать ему проще на французском, и он любезно согласился подготовить текст для РЕВЗ. Это — отрывки из воспоминаний, результата многолетней работы. Их перевод, как и текст интервью, помещенный после воспоминаний, были Исааком Цельникером просмотрены, отредактированы и подписаны, что позволило не выделять сокращения отточиями.

Когда читаешь воспоминания Цельникера, представляешь работу художника, который, многократно возвращаясь к уже написанному: еще мазок, еще один штрих, — превращает набросок в законченную картину.

Герои воспоминаний И.Цельникера

Обращает на себя внимание нечастая в литературе точка зрения: притом что вторжение Красной армии в Польшу в сентябре 1939 г. являлось прямой агрессией, оно спасло сотни тысяч жизней. И в первую очередь еврейских. Сомневаемся, что Сталин ставил такую цель. И, тем не менее, жизни были спасены. Из двух зол – в тот момент и в той ситуации – советское оказалось меньшим.

*Воспоминания Исаака Цельникера неординарны не только по этому. Мы знаем имя немца, чей дом служил пристанищем для бежавших из гетто или возвращавшихся в него, – *Науртман*. И был еще сержант Йозеф, дававший евреям бессмысленную работу, лишь бы иметь предлог накормить их, а потом просто дезертировавший, чтобы не участвовать в зверствах. Но неизвестно имя немецкого жандарма, пропускавшего евреев через границу, спасая их жизни и свою бессмертную душу одновременно. А как звали польскую нищенку, польского сапожника и русскую женщину, которые укрывали беглых евреев? А крестьян, которые уничтожали евреев, пытавшихся найти оружие для гетто? Ничто из этого не должно быть забыто. Память, коллективная память, должна быть с именами.*

В октябре 1957 года польский, а затем советский еврей, издававший германские и советские лагеря, художник и график Исаак Цельникер добрался до Франции. Он посвятил свое творчество Катастрофе и своему учителю Янушу Корчаку³. Смотреть его работы так же тяжело, как и читать его воспоминания. И все же начнем...

Немцы

Они входят в Польшу и убивают. Они убивают с первого дня. Евреев, учителей, ксендзов... Казни происходят у всех на глазах: чтобы поддерживать террор и задавить в зачатке стремление людей к сопротивлению самим фактом разрешенного садизма: сделать из них сообщников или сумасшедших.

Вторжение было первого сентября 1939 года. После месяца осады и непрерывных бомбежек Варшавы начались нацистские ужасы. Наш маленький домик был разрушен в самые первые дни сентября, и мы бродили из дома в дом. Улицы перекрыты баррикадами. Между ними мечутся перепуганные и раненые лошади. Агония животных под железным дождем. Люди бросаются на них. И раздирают еще горячую плоть. Голод.

С момента окружения Варшавы, в ночь с седьмого на восьмое сентября, тысячи евреев-волонтеров (и среди них мой кузен) ушли

защищать столицу. Варшава горела. Через 10–15 дней пошли слухи, что Красная армия вошла в Польшу, перешла Буг и идет на Варшаву. Неожиданная солидарность объединила нас с поляками в этот момент. Прямая, осязаемая в помощи, под бомбежками, среди пожаров борющейся Варшавы. Но все было слишком коротко. С первых дней их вступления в Варшаву – крики, вопли, удары. Немцы с помощью польской шваби выгоняют евреев из очередей за хлебом. Жизнь очень быстро становится невыносимой.

Октябрь 39-го в Варшаве

Я продавал книги на улице. Главной проблемой были банды. Эта египетская казнь поразила весь город. Еще недавняя общая борьба очень быстро превратилась в охоту на евреев. Я часто убегал с тяжелыми чемоданами, набитыми книгами, встречая по дороге польские лица – напряженные, стыдливые, но иногда ободряющие. От перепуганных беженцев мы узнавали о новых зверствах: о еврейских деревнях и местечках, сожженных вместе с жителями.

К середине октября 39-го я познакомился с писателем на идиш Урке Нахальником (Ourke Nakhalnik), который принес мне свои книги для продажи. Через десять дней я узнал, что он был расстрелян в Отвоцке (Otwotsk) с 50 заложниками, после того как немцы заставили их съесть свои волосы. Через некоторое время мы с матерью и сестрой бежали на восток, на территорию, освобожденную советскими войсками.

20 месяцев, прожитых при советской власти, – заметный след в нашей жизни. Мы бежали от немецких зверств. Ничего не прося взамен, русские принимали как могли это огромное количество беженцев – почти 300 000 евреев из разоренной и оккупированной немцами Польши. Мы прибыли в конце октября 1939 через Малкиню (Malkynie) – будущую Треблинку. Проводник, польский крестьянин, настучал на нас немецкому жандарму: «*Jude!*». Ему ответили: «*Тебе заплатили? Loss, loss, raus*»⁴. И нас пропустили. Нейтральная зона охранялась. Тысячи людей замерзали в полях под дождем. Ночью, увидев теряющую сознание женщину, я отнес ее к советским солдатам: «*Не дайте ей умереть*». Была ночь. И ледяной ветер. «*Ладно, входите!*». Караул сменился. Утром я притворялся местным жителем, бегал с солдатами и помогал им. В подходящий момент, заметив брешь, подал знак своим. Они перешли границу. С тех, кто был уже по эту сторону, русские ничего не требовали. Потом был поезд, забитый беженцами. Русские отвезли нас в Бялы-сток⁵: кого – в город, кого – в пригороды.

Советский гражданин

Еврейское население Восточной Польши было солидарно с массой беженцев и браталось с Красной армией. Все было просто и естественно, как будто гитлеровский ад не стоял за спиной. Я как губка впитывал русский язык. Меня захватило его звучание. Появилось чувство языка. Вскоре записался в художественный кружок Дома народного творчества, который вел один советский художник и несколько таких же беженцев, как мы: скульптор *Smurlo*, художники *Abraham Frydman*, *Rapaport*, *Rafael*, *Kubrik* и гравер *Krzeczanowski*. В это же время я начал работать на текстильной фабрике. В феврале 1940 власти предложили выбор: либо мы принимаем советское гражданство с многочисленными ограничениями в праве на проживание (запрещалось жить в столицах, в областных городах, в 100-километровой полосе от границы и т.п.), либо возвращаемся в оккупированную Польшу. Большинство беженцев выбрали второе, в надежде найти свои семьи и не веря в продолжение немецких зверств. Их тут же депортировали в окраинные регионы России, как пару моих друзей по Дому Корчака, которых отправили в Коми АССР. Я получал от них письма, посылал им посылки. Ныне они живут в Израиле. Участвуя в войне, в том числе и в рядах Красной армии, многие из депортированных спаслись. И я позднее встречал их в Польше и в Израиле. Мы же предпочли советское гражданство и разъехались в разные стороны. Мама с Сарой без средств отправились в Слоним (в 300 км от Бялыстока по дороге на Минск). А я поехал в Пинск, где Александр Левин, мой друг и сотрудник Корчака, мог помочь найти работу в окрестностях города. Сам Пинск, как областной центр, для меня был закрыт. Я пропутешествовал до Брест-Литовска и, с остановками, до Кобрина и Янова пешком через болота Припяти, где небо и земля были одного цвета и где белорусские крестьяне приносили мне хлеб и молоко. С внезапным чувством отрешенности и благодарности, как в утренних еврейских молитвах, я проходил деревни и местечки со смешанным или еврейским населением, жившим спокойно в Белоруссии, как на картинах Шагала или в повестях Шолом-Алейхема.

Через несколько дней после прибытия в Пинск я был приглашен принять участие в республиканской выставке в Минске и вернулся в Бялысток. После получения официального приглашения я пошел к начальнику городской милиции Дружинину, так как мне было все еще запрещено жить в городе. Вот наш разговор: «Ты не имеешь права оставаться здесь и работать. Да и откуда я знаю, что

ты художник? Покажи!». Я разворачиваю несколько своих работ. Он зовет милиционеров: «Ну, что вы думаете?» – «Да он кое-что умеет. Пусть вернется через месяц, с работами». Я так и сделал – принес полотна, предназначенные для выставки в Минске. Дружинин снова зовет милиционеров. И вот слышу: «Я из тебя человека сделаю». И дает указание выдать мне временные бумаги. Позднее они были заменены на постоянные, уже после республиканской выставки в январе 1941 г., где меня взахлеб хвалила пресса. После возвращения я остановился в Слониме (всего через полгода, в конце июня – начале июля 1941 г., немцы устроят здесь ужасную резню евреев).

Ничего этого я еще не знал и вдалеке от войны с радостью и облегчением встретил маму и сестру. Они жили в нищете в маленькой синагоге вместе с несколькими еврейскими семьями. Однако благодаря моему участию в выставке вскоре все тот же комиссар Дружинин пригласил меня и объявил, что семья может жить вместе со мной на тех же правах. И тут же мир изменился. Я работал на текстильной фабрике в Бялыстоке и рисовал, подрабатывая картинами. Мы, наконец, смогли все вместе нормально жить. Сестра готовилась к сдаче экзаменов на аттестат зрелости и собиралась поступать в военную авиашколу. Даже сейчас я помню захватывающее чувство легкости и счастья от простой и стабильной повседневной жизни, от открытия нового языка...

Вывравшись из гитлеровских тисков, мы вспоминали о Варшаве как о чем-то очень далеком. И хотя знали, что за 100 км от нас горела Европа, Красная армия и «историческое ясновидение большевистской партии» защищали нас. К тому же советские офицеры говорили, что трагедия на Балканах уменьшала опасность, нависшую над СССР.

Я продолжал обучаться живописи в той же прекрасной компании бежавших, как и мы, из разных оккупированных Германией районов Польши. Была весна. Помню тишину цветущего Бялыстока в 1941 г. Я привязался к этому городу. Помню Первое мая и Дружинина на коне в парадной форме, встречающего первомайскую демонстрацию.

Постоянно получая новости из разоренной Европы, мы чувствовали себя под защитой непобедимой Красной армии, каковой она и была. Но, учитывая немыслимые политические и стратегические ошибки, катастрофические просчеты и предательства, для описания того, что произошло, могу подобрать лишь слово «преступление».

Опять под немцами

Из всех сталинских преступлений самым ужасным было предательство своей армии, одной из самых сильных в мире, но брошенной на произвол судьбы без каких-либо ориентиров с самого первого дня войны. Почти без боев были оставлены на растерзание германскому варварству земли и население СССР, десятки миллионов людей – от Прибалтики до Бессарабии: Вильно, Минск, Ковель, Львов, Киев...

В канун германского наступления в Бялыстоке и всей пограничной зоне ничего не происходило. В ночь на 22 июня 1941 военные летчики танцевали, чтобы не провоцировать немцев! Бялысток был взят 27 июня. На следующий день немцы собрали 1000 евреев в большой синагоге и сожгли их живьем. А остальных с ведрами бросали на «тушение пожара». Мы прятались в нескольких десятках метров оттуда. Город сходил с ума. Все происходило очень быстро. Организованный хаос, кровавый и продуманный террор, превращавший каждый день в ад. Зверства удешевлялись сплавом предумышленности, ярости и жажды убийства. Избиение велось с такой точностью и скоростью, словно какой-то ген смерти пробудился и действовал так же натурально, как любая другая физиологическая причина.

К середине июля через город начали проходить десятки тысяч советских пленных – изголодавшиеся привидения, жизнь которых висела на немецком штыке или пуле. Солдаты из охраны пропустили меня к ним с ведром воды и моркови. Вблизи я слышал: «К Сталину пешком пойдю и все расскажу, сволочи».

В четверг, 3 июля, немцы схватили в Бялыстоке 300 еврейских интеллигентов и расстреляли их в лесу *Piekrasie*. В субботу, 12 июля, еще 3000 евреев, и еще, и еще... За 2–3 недели – 5 тысяч человек.

В конце июля немцы перевели всех оставшихся евреев Бялыстока в квартал, предназначенный для гетто. За два дня переселение было закончено под звуки ударов, под градом камней, плевков и ругательств. Гетто закрыло свои ворота 1 августа 1941 г. Одновременно был издан указ о ношении желтой звезды (на идиш *di geile late* – «желтый лоскут»): смертный приговор, который каждый носил на груди у сердца и на спине. Евреям было запрещено ходить по тротуарам, появляться в общественных местах, общаться с «арийцами». Половина города состояла из евреев и носила *late*. Мы ходили, смотрели друг на друга и жили с желтым лоскутом, окропленным кровью. А эта жизнь была на милости любого убийцы, и мы стали жертвами мстительной черни.

На рубеже августа-сентября мне встретилась Гина (Gina), жена Абрама Фридмана, моего учителя. Она поднималась по Купецкой улице. Я стоял на балконе, она помахала мне рукой. Я спустился. Гина сказала: «Абрама схватили во время первой чистки и расстреляли». Я онемел и лишь сделал жест, приглашая ее подняться. Мы долго оставались с ней, доселе почти незнакомой, – я, мама и Сара. Сидели и молчали.

Бесследные исчезновения. Безответные крики. Гетто жило в ритме чисток, пропав и горестей войны. И все же оно избежало голодной агонии под открытым небом, как Варшавское гетто или лагеря. Людские отношения выдержали испытание. Я узнал о существовании человечности, самозабвенной, тихой, всегда помнящей о висящем над нами дамокловом мече. Тишина Йом-Кипура – ни плача, ни криков. Молитвы и голод. «Гетто» значит одиночество, ужасное одиночество евреев, приговоренных в краткие моменты жизни к смерти (извращение этого слова стирает исторические реалии). Я не помню (и это благодаря солидарности жителей гетто), чтобы на улице были брошены умирающие дети или трупы, кроме тех, кого мучили и убивали сами немцы.

В 1942 г. геноцид евреев принял новый оборот. В июле 1942-го я прочел в немецкой газете Бялыстока статью «*Warschaus Israeliten lernten arbeiten*», написанную языком обмана и садизма. Ни ругательства, ни даже слова «Jude», но апология счастливой жизни «*Israëlitens*», вышедших из смердящих гетто и работающих на полях «на Востоке». Это был период больших депортаций из Варшавского гетто, уже ставшего огромной бойней. Ну а «Восток» – это были душевые с «циклоном Б» в Треблинке.

В конце ноября 1942, когда неудачи Германии на Восточном фронте возрождали надежды на ее поражение, мы узнали, что *Einsatztruppen* дорезали последних евреев в пригородах Бялыстока. Они вернулись и окружили город в конце января 1943, когда на полях Сталинграда сдавалась немецкая армия. Узнав об этом, мы устроили побег в ночь на 1 февраля 1943 г. через стену немецкого дома, где работали наши друзья, Mela Berenzwajg и Малка. На две ночи мы нашли приют в сберкассе Бялыстока, у неких Hauptman, которые даже не знали нас. 3 февраля мы могли видеть через окно начало резни и депортации евреев, которых сгоняли прикладами и дубинками к закрытым грузовикам. В тот же вечер мы расстались. Сестра с мамой ушли к одной крестьянке, а мы с Гиной к польскому сапожнику, ее знакомому, который приютил нас на несколько дней. Потом была пожилая дама, которая прятала нас, в том числе и от

своего мужа; затем русская женщина; и опять полька, нищенка, скрывавшая и кормившая нас в комнатенке над немецкой таверной.

По возвращении в Бялысток, в 1945 году, я зашел к сапожнику, однако трех женщин найти не удалось. Ныне они живут лишь в моей памяти. Mela Berenzwajg и ее подруга, поняв, что их засекло гестапо, вскрыли себе вены.

23 февраля 1943 г. мы вернулись в гетто, где должны были встретиться с сестрой и мамой. За 10 дней гетто потеряло 15 тыс. человек – убитых на месте, покончивших с собой или депортированных. Во время «акции» рабочий-еврей Ицхак Меламед облил серной кислотой немца, который, ослепнув, начал палить во все стороны и убил другого немца. Были взяты 100 заложников. Меламед бежал, но потом сдался, чтобы спасти им жизнь. Его повесили, а заложников расстреляли. Стукачей, посылаемых немцами, в гетто убивали молотками. Начались волнения. Но люди были безоружны и зажаты в тиски смерти. Тех же, кто уходил в поисках оружия, убивали крестьяне.

Нашему возвращению в гетто в феврале 1943 помог тот же дом, что и бегству. Нас встретил тот же незнакомый немец, принявший нас без слов, несмотря на риск. Улицы были пусты. И мертвы. Я вспоминаю момент возвращения, как, открыв дверь, вижу силуэт матери, бледность ее лица. Любовь и удивление переполняют нас. Я вижу, как приближается сестра, ее глаза в слезах, говорящие мне: ты тут. Был день ее 18-летия. Этот вечер 23 февраля 1943 года стал лейтмотивом моих произведений. Он всегда со мной. Не как воспоминание, а как внезапное пробуждение к жизни. Дом был разорен. Мать Лейба Элкона (Elkon), жившая с нами, маленькая трясущая женщина 60 лет, возникла рядом с моей матерью и заговорила: *«Лейб, привязанный к кровати, бормотал бессмыслицу. Но, услышав, как поднимаются немцы, как стучат и вышибают двери, внезапно крикнул: "Krihk a'runter" ("Уноси ноги"). Я залезла в груды тряпок под его кроватью, а он опять забился в горячке. Немцы, найдя его в таком состоянии, бросают: "Er wird so krepieren" ("Он все равно подойдет") и уходят. Поздно ночью я слышу: "Krihk a'rois" ("Вылезай"). И с тех пор его бред уже не прекращался».*

Когда мы вернулись, гетто больше походило на кладбище, чем на место для жизни. Однако мне потребовалось много дней, чтобы понять истинный размах бедствия. Кого из друзей депортировали, а кто покончил с собой, как Ольга Шварцкопф с родителями. И юденрат⁶ раздавал одежду уже депортированных... Смерть летала над нами.

Немного позже Гина привела меня к немецкому сержанту Йозефу, у которого она работала. Он заставил меня красить две недели одну и ту же стену, чтобы иметь предлог для выдачи мне хлеба. Они с напарником явно страдали от того, свидетелями чего стали. Быть может, сияние, красота и достоинство Гины, ее прекрасное знание немецкого и безбоязненная элегантность ее слога тоже сыграли свою роль. Немного позже мы узнали о дезертирстве Йозефа.

Кадиш

Однажды я ждал Гину на входе в гетто. Она сделала мне знак отойти и через несколько секунд показала русский наган образца 1905 года, который сумела купить и пронести в гетто в своей сумке. Гина создала маленькую группу сопротивления, которая должна была либо соединиться с другой группой в 70 человек с Фабричной улицы, либо попытаться уйти из гетто в леса и связаться с белорусскими партизанами. Главой группы был бывший солдат Польской армии. В июле 1943-го при изготовлении взорвалась бомба. Два мальчика, делавших ее, погибли. Тут же прибыли немцы и усилили надзор.

Я помню группу евреев, проходивших по улице, – их избивали до крови немцы. Этому шествию посвящена моя гравюра – «Возвращение пыток».

Гетто жило в ритме немецких поражений – Курск и Орел, падение Муссолини. Возродились иллюзорные надежды на внезапную германскую капитуляцию. Одновременно пришла излишняя слабость.

Я помню пятницу 13 августа 1943-го. Мама и сестра вернулись с работы. Мама принесла мне только что починенные башмаки и сказала: «Снаружи ходят слухи о подготовке нового окружения гетто». Однако, словно для их опровержения, юденрат раздавал в субботу и воскресенье двойные порции картошки и лука.

В ночь с воскресенья 15 на понедельник 16 августа, часа в два ночи, немецкие танки вошли в гетто и застали нас врасплох. Они объявили, что любой еврей, находящийся на улице после 9 утра, будет расстрелян. В это время мы должны были собраться «с рабочими инструментами» и подготовиться к отъезду. К трем часам я ушел из дому, уверив мать и сестру, что вернусь. Я пошел на улицу Полную, на встречу с Гиной и с ее группой из 8 человек. Наган Гиной взял для проверки глава группы два дня назад, но в последний момент оказалось, что он сбежал, захватив его. Улицы были уже блокированы. Все разваливалось. Группа с Фабричной улицы была окружена и приняла бой, который продолжался несколько часов, но к вечеру 16 августа она была уничтожена. Мы просочились по переулкам, договорившись встретиться в 8.30 у нашего дома. Нам с Гиной удалось выбежать на поиски мамы и сестры. Но в доме уже никого не было, кроме сумасшедшего Лейба Элкона, привязанного к кровати, у которого внезапно наступило прозрение: «*Keyner iz nishto*» («Никого больше нету»). И мы пошли по улицам гетто под немецкие насмешки: «*Sehe mal den Stolz*» («Посмотрите на этих гордецов») – к другому укрытию. Большой шкаф скрывал небольшое пространство, где мы стояли. В конце дня пришел еврейский дежурный «*ordnungdinst*» (чья жена была с нами), чтобы проводить нас в юденрат, уверяя, что это действительно для отправки на работу. Вечером под немецкой охраной нас отвезли на завод, которым владел Oscar Steffens. Там я работал всего несколько дней назад – завод находился прямо напротив нашего дома. Утром 17 августа я подошел к немецкой охране и, увидев солдата вермахта, хватающегося за голову и причитающего «*Gott, mein Gott!*», сказал ему внезапно: «*Kommen sie schneller finden meine mutter!*»⁷. Дом был напротив. Он посмотрел на меня и без слов проводил через улицы, заваленные трупами, повторяя: «*Gott, mein Gott!*». Солдат разрешил мне пробежать по всем этажам, заглянуть во все углы, но, кроме безумного Лейба Элкона, привязанного к кровати и повторяющего

«*Keyner iz nishto*», я никого не нашел. Мы вернулись на завод: он – на стражу, я – в толпу.

Завод, на который мы были согнаны, выходил на главную улицу гетто – Купецкую. В окна были видны телеги, заполненные трупами расстрелянных. Лошади тянули их на кладбище. Улицы гетто, еще вчера живые, стали воплощением смерти. Я вспоминаю, как мы лежали с Гиной на земле, а в гетто входили эсэсовцы. Цинизм их взгляда, когда они осматривали 2500–3000 человек, которых собирались «обработать». Я не способен восстановить события: мужчины и женщины, оказавшиеся в западне, доживали последние минуты, а я был парализован бессилием и ненавистью. Я был неспособен думать ни о чем другом, кроме обещания, данного маме и сестре, вернуться к ним, и о моих двух безуспешных попытках. Я их не нашел, они пропали бесследно, без последнего прощального взгляда (через 26 лет, в 1969, моя первая гравюра была «*L'Introspection*»: восстановление образов мамы, сестры и Гиной, наших соседей и Януша Корчака, наклонившегося над ребенком).

18 августа к полудню СС начали отбирать 150 ремесленников. Гина проталкивала меня. В последнюю секунду я смог затесаться в эту группу как третий брат художников Зейденбойтель (*Zeidenboitel*), известных немцам. Внезапно все ускорилося. Крик: «*Die Frauen kommen besonder!*»⁸. В ужасной суматохе, среди выстрелов и криков, Гина успевает мне бросить по-польски: «*Bądź człowiekiem!*» («Будь человеком!»). Они бьют и выталкивают... И в этом хаосе я вижу, как Гина бросается с ножом на немцев. Я теряю дар речи. Стрельба учащается. Нас подгоняют ударами, толкают через кровь и трупы, с криком и ревом к кладбищу, где ждут пьяные поляки, кричащие: «*Żydzi ukrzyżowali Pana Jezusa!*» («Жида распяли Господа нашего Иисуса!»). Град плевков, камней, бутылок. Проходя через кладбище, встречаемся взглядами с несколькими евреями, разгружающими телеги с трупами.

Это был мой последний взгляд на Бялысток. Где люди? Мои глаза останавливаются на горах трупов. Нас толкают к вокзалу.

Из 60 000 обитателей Бялыстокского гетто на тот момент выжило 150 человек, как в Хиросиме. Но там была анонимная бомба и американские пилоты, один из которых сошел с ума, а другой покончил с собой. Мы же имели дело с убийцами, и было бы пустой тратой времени искать среди них случаи самоубийства или сумасшествия из-за массовых зверств. Быть может, за редчайшим исключением...

Несколько евреев, работавших в Августово (*Augustowo*), и среди них близкая подруга моей сестры Вера Рехтман (*Wiera*

Rechtman), были присоединены к нам в тюрьме Гродно и, частично, через несколько дней в Ломже (Łomża). На пути между этими городами перевозившие нас закрытые фургоны остановились в поле, и солдаты баловались тем, что раздавали воду в обмен на золото. На наших глазах расстреляли семью инженера Ленковицера (Lienkowicer) — отца, мать и дочь. Затем грузовики снова отправились в путь. Я делил свою камеру с двумя художниками, братьями Эфраимом и Менаше Зейденбойтелями. Жандармы нашли на другой день им краски и всю утварь для живописи. После чего их усадили в здании охраны. Жандармы начали приносить семейные фотографии и сами позировали. За несколько дней комната превратилась в мастерскую. Я занимался подготовительными работами, холстами, красками...

То, что мы пережили за несколько дней до этого, отошло в тень: обмен сигаретами, любезности — «*Sehe mal wie schön das ist ...echtige Kuntsler...*» («Смотри, как красиво... это настоящие художники...»). Действительно, братья были известны как хорошие портретисты. Я оставался в стороне. Но тут жандарм задал вопрос: «*Warum spricht der Pan niemals?*» («Почему этот господин никогда не говорит?»). Я встал, не зная, что ответить. Но он не издевался и не иронизировал, и мои губы произнесли: «О чем вы хотите, чтобы я говорил? Вам, вероятно, известно, откуда мы. Где наши матери и жены?» Я ожидал, что меня убьют на месте. Мне было все равно. Но жандарм ответил в мертвой тишине: «Это не мы». Сейчас я пытаюсь восстановить в уме эту картину, которая все еще кажется мне ирреальной. Я продолжал: «*Где они, а где остальные? Знаете ли вы, что русские штурмуют Смоленск и Витебск. Возможно, они сделают с вами и с вашими женами то же, что вы сделали с нашими...*». К моему удивлению, под перепуганными взглядами братьев они принесли нам добавочную порцию супа и хлеба.

Я запомнил этого жандарма, живого человека среднего роста, который хоть как-то пытался загладить личными действиями неизгладимые воспоминания (в октябре, увидев, что я в рубашке, он принес мне ватник; когда в камере находилась подруга сестры Вера, он приказал принести лишнюю миску супа). Сложилась удивительная ситуация, продолжавшаяся вплоть до того дня, когда, возвращаясь с работы, я внезапно увидел у лестницы, ведущей в нашу камеру, другого жандарма, который посещал нас время от времени (он тоже говорил «это не мы»), бьющего до смерти поляка. «*Warum schlagen sie ihm?*» («Почему вы его бьете?»). Жандарм с удвоенной яростью набросился на меня, я успел лишь прокричать:

«*Schlagen sie mich, aber warum schlagen sie ihm?*» («Бейте меня, но зачем вы его бьете?»). Рука жандарма остановилась...

Но все эти незначительные эпизоды – ничто перед нашим горем. Резня, уничтожение гетто – телеги, заполненные трупами, 60 тысяч человек, стертых с лица земли в ходе нескольких актов этой мрачной трагедии, последнее действие которой длилось лишь два дня, – эта Хиросима снова и снова возникает перед моими глазами.

В середине ноября 1943 г. нас окружили во дворе тюрьмы отряды гестапо и СС. И поехали мы в концентрационный лагерь Штутхоф, рядом с Данцигом⁹.

После войны: апрель-октябрь 1945

10–20 апреля 1945 нас вывозили из Флоссенбурга в Дахау транспортом смерти. Я был ранен во время второго воздушного налета на наш поезд. После первого налета немцы расстреляли 200 раненых, вышедших из вагонов. То же произошло через два дня. Немцы собрали и окружили нас в поле у железнодорожных путей. Вспоминаю, как ускорились секунды. Они уже готовились стрелять. «Они не имеют права на мою жизнь», – крикнул я себе и бросил солдату фольксштурма¹⁰: «*Vir wurden hier erschossen?*» Он ответил: «*Ich erschisse niemand*»¹¹. И я понял, что если бы не он, другие нас уже давно уничтожили бы. И у всех на глазах я начал ползти, шпала за шпалой, прочь от места расстрела. Два немецких солдата, заключив пари, смеялись и следовали за мной, чтобы узнать, помру я сам или убьют меня они. Мне удалось заползти в грузовик, набитый выжившими и умирающими. Один из солдат бросает мне две сырые картофелины. Через несколько дней американцы вытаскивают меня из-под трупов.

Кто бы ни был моим освободителем, я хотел во что бы то ни стало сначала вернуться в Бялысток. Меня оперировали, и я пробыл 6 недель в госпитале, прежде чем снова смог ходить. Вскоре я обратился к американским солдатам, охранявшим госпиталь с просьбой отвести меня в военное

Отец и сын

представительство СССР в Вейдене (Weiden), чтобы вернуться на родину. В течение всей войны мы жили в странном симбиозе с Красной армией. И даже то, что произошло дальше, не смогло поколебать мою уверенность в долге человечества перед ней. Мне сказали: «Ладно, приходи через три дня».

По прибытии в советский госпиталь я оказался с несколькими сотнями советских военнопленных, ожидавших возвращения на родину и на свободу. Через пару дней, с песнями и плакатами, 30 больших американских грузовиков отвезли нас, 3000 человек, под советским эскортом к чешской границе. Первое, что мы там слышим, это крики пограничников: «Предатели!». Мы думали, что ослышались или что это шутка. Но это была не шутка, это было начало. Конвой пересек границу и остановился километрах в 50 от нее: «У кого оружие – сдавай, у кого книги, ножи, карандаши – сдавай...». Нас окружили автоматчики. Солдаты американского эскорта, закрыв руками лица, плакали. Они попытались вернуть несколько человек к грузовикам. Тщетно. «Потом разберемся!» – и нас разместили под надзором в специально реквизированной деревне. Большая часть бывших пленных еле держалась на ногах: болезни, туберкулез, тиф.

Меня, как и многих других, приняли в военный госпиталь. Казалось, наши страхи были необоснованны, а саму ситуацию можно было вполне приписать послевоенному хаосу. Взаимоотношения с военными, врачами и медсестрами были прекрасными: «Еврейчика привезли!» Капитан, начальник подразделения, от которого мы зависели, часто приходил играть со мной в шахматы и объяснял королевский гамбит. Но через две-три недели нас по одному начал допрашивать НКВД. Вот мой допрос¹²: «Фамилия, имя, отчество?» – «Исаак Шмулевич Цельникер». – «Значит, еврей?» – «Да». – «Как же так, всех евреев убили, а ты остался жив?» – «Не знаю как...» – «Да мы знаем как. Предатель ты! – 10 лет». За исключением нескольких пожилых людей, так же было и с остальными бывшими военнопленными – жертвами и очевидцами ужасных окружений и стратегических провалов. Я помню этих солдат, русских, монголов, казаков, прибывших в полной неразберихе, без командиров, на танках¹³ в центр Бялыстока, чтобы защищать город. На следующий день их раздавили гусеницы немецких танков. И вот их, чья самоотверженность и самопожертвование спасли страну, судили за «предательство»! Я был единственным евреем среди них, но никогда не чувствовал даже намека на враждебность. Один узбек орал на меня, потому что я не хотел лезть в один чан для мытья вместе с ним: «Ты что, с черножопым не хочешь?!» Пришлось залезть. Мы с ним

больше не разговаривали. Ночью в палате, где было 15 больных, у него начался приступ и сильная рвота. Помог лишь я. Через два дня, придя в себя, он поднялся с кровати и во всеуслышание объявил: «Исаак, слушай, я видел много евреев, но таких никогда!» И добавил позже: «Приезжай ко мне в колхоз, я тебе дам обеих дочерей и сто овец». Его звали Махмед Маджидов. Он часто говорил: «Что такое война? Винтофка, винтофка большой для одного, миска, миска маленький для двоих, одна ложка моя, одна ложка твоя, а потом, потом падает человек...»

Приговоренные, мы должны были искупить свою вину, вызвавшись идти добровольцами на войну с Японией. Я бегал с остальными, туберкулезными и нетуберкулезными, на занятиях кричал: «Кипучая, могучая...». 6 августа 1945 атомная бомба подвела конечную черту под войной. Но для нас ничего не изменилось. В сентябре 1945 нас под конвоем перевезли в Шумперк (Šumperk), чешский город в Моравии. Нас распределили по трем лагерям вокруг города, в которых уже находилось 50–60 тысяч человек. Но пределом цинизма было то, что нас конвоировали настоящие предатели – власовцы. Хотя они и сами были пленниками, но еще носили серые формы вермахта. Меня прихватили с несколькими другими русскими на картофельном поле, где мы искали себе пропитание, чтобы не умереть с голоду. Нас судили за «посягательство на честь Родины», как будто сам факт того, что нас морили голодом и держали как преступников на глазах у пораженного чешского населения, не был «посягательством на честь». Никакие доводы не действовали. Узнав, что Бялыстокскую область вернули Польше, я написал письмо командующему с просьбой, согласно моему происхождению, вернуть меня на родину и с запросом о пересмотре моего «дела». Письмо было переслано в Верховный Совет.

Уходили первые поезда с освобожденными «стариками», и вдруг: «Исаак, Исаак!», – услышал я. Это был Махмед. Он махал рукой, стоя на подножке отъезжающего вагона.

Как художник я должен был писать плакаты и портреты героев в разных казармах вокруг города. Мой пропуск и рабочие принадлежности позволяли пересекать город. К середине октября 1945-го напряжение внезапно усилилось. Несколько солдат предупредили меня о типе транспорта, который готовился для нас: запечатанные вагоны для скота, клоака внутри, колючая проволока, конвойные, собаки. В несколько дней все изменилось. На перекличке нам объявили, что мы обязаны сдать все личные вещи: книги, карандаши, бумагу, бритвы, шнурки, ремни; обриться везде. Одновременно мы

узнали о самоубийстве нескольких солдат, отказавшихся участвовать в конвое.

За два дня до этого, направляясь писать портреты героев, я встретил по дороге двух еврейских девушек. Мы поняли друг друга с полуслова. С тех пор я изменил свое мнение о символическом появлении переодетых ангелов... Мы повстречались на небольшом перекрестке. Они посмотрели на меня, прошептали «*Amkhou?*» («Из наших?»), повернулись и бросили к моим ногам свой адрес. Потихоньку я предложил нескольким русским солдатам бежать. Они ответили мне с фатализмом: иди, ты еврей, ты знаешь языки, а мы в любом случае уже конченые люди. Возвращаясь на закате следующего дня с работы, я проскользнул в улочку, где жили две еврейские девушки. И ночью переодетым женщиной они посадили меня в поезд на Прагу...

Интервью с Исааком Цельником

О своей дальнейшей судьбе художник рассказал нам в ходе бесед, состоявшихся 17 и 18 декабря 2002 года.

И.Д.Гузевич: И что было дальше?

И.Цельникер: Прожил я в Праге месяца два. Боялся, что будут искать. Сменил фамилию. И в декабре 1945 приехал в Польшу, но пробыл недолго. Опять нелегально ушел в Чехию. На границе Польши с Моравией католическая организация *Caritas*, помогавшая беженцам, выдала мне документ, которого было вполне достаточно и для Польши, и для Праги, где я жил и учился в Высшей школе прикладного искусства с 1946 по 1951 год.

Своим учителем считаю Эмиля Филла (Filla) – художника масштаба Брака и Пикассо. Это был прекрасный человек. Мне везло на хороших людей. Затем вернулся в Польшу, где прожил с 1952 по 1957. Выучка у Филла позволила довольно быстро занять видное место в художественном мире этой страны. В 1955 удалось создать группу из нескольких десятков художников-графиков – «Движение Арсенал». Мы выступили против соцреализма и провозгласили конец сталинского искусства. Нас прозвали «Жидокоммуна». На вторую половину 50-х падает новый (после погромов в Кельце и Радоме в 1946/48) взрыв антисемитизма в Польше. Развязка наступила в 1956-57. На пленарном собрании Госсовета культуры, в присутствии двух тысяч человек, я достал доклад Хрущева на XX съезде и, несмотря на запрет, потребовал объяснить, по какому праву я должен отказываться от ленинского завещания... В 1957 я покинул Польшу. Уже окончательно.

ИДГ: Где и на что вы жили во Франции?

ИЦ: Вначале снимал мансарду в Париже, через месяц перебрался в пригород, в St-Cloud, где удалось получить мастерскую. Средств было совсем мало – продажа акварелей, маленькие стипендии, помощь еврейских организаций. Начал большое 4-метровое полотно «Гетто с ангелом» (оно сейчас в *Яд ва-Шем*). Писал четыре года – до 40 вариантов и эскизов. Позднее они были выставлены в Музее Израиля, в Иерусалиме. Летом 1960 удалось переехать в Париж и снять ателье в VII округе. «Гетто с ангелом» получило известность. И однажды ко мне пришел Gaetan Picon, директор кабинета Андре Мальро, министра культуры. Мальро писал, что видел мою картину и на него она произвела большое впечатление. После этого музеи Франции купили у меня ряд работ, встал вопрос о большой выставке. Но тут, в 1964, я потерял мастерскую в Париже (хозяин просто ее затребовал обратно), и выставка не состоялась. В эти же годы я женился. Жена была полькой, по профессии – искусствовед и критик. В 1966-67 мы вместе совершили большое путешествие в Израиль. Я повез туда картины. Побывали в Иерусалиме, Хайфе, Лохамей¹⁴ – кибуце, где чтится память бойцов Варшавского гетто. И везде проходили выставки (в Музее Израиля она длилась месяц). Много работал над пейзажами – более 40 картин. Они хорошо продавались. Находясь в Израиле, получил от Мальро диплом о награждении – я стал «Chevalier des Artes et des Lettres». Когда вернулись в Париж, у нас родился сын – Jacob. Но отношения стали натянутыми, жена возвратилась в Польшу. Это был пик антисемитских выступлений 1968-69 годов, и полугодовалого сына я оставил себе. Сейчас ему уже 34, и у меня двое внучат – Elie и Samuel. С середины 70-х я – гражданин Франции. Позднее женился второй раз. Моя жена Анна – лингвист, работает в Коллеж де Франс и очень мне помогает. У нас дочь, Sarah, 13 лет, и сын Иешуа, приятель вашего Максима.

ИДГ: Встречались ли вы когда-нибудь с Шагалом?

Клэр (1982)

ИЦ: Его я встретил сразу по приезде. Он ничего не понимал из того, что происходило в Польше. Как-то я ему показал несколько репродукций своих работ. Он отговорился тем, что репродукции плохого качества. И более я к нему не обращался.

ИДГ: Находитесь ли вы в контакте с Музеем еврейского искусства в Париже?

ИЦ: С музеем отношения разладились, ибо ныне они почти исключили из своих планов тему Шоа. Для меня это неприемлемо.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *РЕВЗ*. Т.5(10). С.307.

² У Цельника до сих пор хранится рукопись пьесы «Война», которую Корчак в 1937 ставил с воспитанниками.

³ Приводим список основных персональных выставок художника, составленный на основе каталога: *Celnikier Isaac*. 8 novembre – 20 décembre 1994, Arsenal de Pratifori, Rue Pratifori 18, 1950 Sion – Suisse (Sion, 1994), сайта в интернете: http://isaac.celnikier.tree.fr/sommaire_liste.html и его письма от 3.12.2002. Выставки: 1962 – *Chapelle du Collège* в Carpentras (Франция); 1967 – Израильский музей в Иерусалиме; 1968 – городской музей в Хайфе и Музей искусства в *Ein Harod* (Израиль); 1969 – галерея *Katia Granoff* в Париже; 1971 – Центр искусств в *Stavanger* (Норвегия); 1972 – галерея *Chantepierre* в *Aubonne* (Швейцария); 1976 – Тель-Авивский музей; 1981 – *Cité des Arts* в Париже; 1982 – галерея *Ofstedal* в *Stavanger*; 1985 – Музей Яд ва-Шем в Иерусалиме; 1989-90 – музей *Stavanger, Trondheim et Tromso*; 1990 – экспозиция издания «La mémoire gravée» (*atelier George Leblanc*) в галерее *Hermitage* в Париже; 1991 – Музей августинцев в Тулузе и *Le Majorat* в *Villeneuve-Tolosane*; 1992-93/94 – мемориал *Martyr Juif Inconnu* в Париже; 1993 – павильон музея *Fabre* в Монпелье; 1993 – национальная галерея *Zacheta* в Варшаве; 1993 – Музей Сопротивления в *Gouda* (Голландия); 1993 – *Prix Mémoire de la Choa, Fondation Jacob Buchman* в Париже; 1994 – Арсенал в *Sion* (Швейцария); 1995 – галерея *Hollar* в Праге; 1995 – архив департамента *Finistère*; 1995-96 – коллективные выставки в галерее *Toit de la Grande Arche, Défense* в Париже; 1996 – галерея *Stop* в Пльзене (Чехия); 1996–2001 – тематические коллективные выставки в *Palais d'Europe, Palais Carnolès* и *Musée de la préhistoire régionale* в *Menton* (Франция); 2001 – *Imperial War Museum* в Лондоне. При подготовке рукописи к печати мы также использовали: *Isaac Celnikier*. Shoah: Gravures, etchings (*Stavanger Kunstforening*, 10 septembre–1er octobre 1989). *Stavanger*, 1989; *Idem*. 50-ème anniversaire de la révolte du Ghetto de Varsovie: Mémoire, révolte, vie (*Pavillon du musée Fabre*): [Livre et invitation]. Montpellier, 1993. 36, 3 p.; *Hollander S.H.* Isaac Celnikier: Le vide et le blanc du point // *Les cahiers du judaïsme*. 2001. №10. P.89–106. В этих работах имеются также

подробные списки коллективных выставок; в последней статье много говорится о Корчаке.

⁴ «...Уходите, уходите отсюда». – *Пер. Исаака Цельника.*

⁵ Последнее изд-е рос. энцикл. дает два названия этого города: Белосток и Бялысток. По просьбе мемуариста мы оставили последнее. – *Ред.*

⁶ Юденрат – орган «еврейского самоуправления», учреждавшийся германскими властями в годы войны. Юденраты гетто отвечали за все, происходившее внутри гетто, и на них возлагалась функция исполнения нацистских приказов, касавшихся евреев. Подробнее см.: КЕЭ. Т.10. Иерусалим, 2001. Стб. 806–808.

⁷ «Пойдемте быстро поищем мою мать». – *Прим. пер.*

⁸ «Женщинам отойти в сторону!».

⁹ Помимо лагеря Stuthoff, до апреля 1945 года Исаак Цельникер успел также побывать в Birkenau (в январе 1944), Buna (в феврале 1944 – январе 1945), Sachsenhausen (в феврале 1945) и Flossenburg (в марте-апреле 1945), из которого его уже повезли в Дахау.

¹⁰ Фольксштурм – народное ополчение; его солдаты, собранные в конце войны из юных, больных и престарелых, были, как правило, менее жестокими.

¹¹ «Мы будем здесь расстреляны?» – «Я лично не расстреляю никого». – *Пер. Исаака Цельника.*

¹² Допрос, так же как и реплики русских солдат, в тексте Цельника воспроизведены по-русски латинскими буквами во французской транскрипции с французским же параллельным переводом (аналогично тому, как это сделано с репликами на других языках – немецком, польском, идиш).

¹³ Вряд ли были ли монголы и тачанки, но мы не решились править мемуариста.

¹⁴ Лохамей ха-геттаот (Бойцы гетто) – кибуц, основанный группой бывших партизан и бойцов еврейского Сопротивления в Польше и Литве.

Великая миссия Ицхака Шнеерсона¹

Юлия Систер (Ки́рьят-Экрон, Израиль)

Шнеерсон, династия цади́ков, потомков Шнеура (Шнеера) Залмана из Ляд, основателя течения хасидизма Хабад².

**Ицхак Шнеерсон с королевой
Бельгии Елизаветой
(в центре – Жюстен Годар)**

Ицхак Шнеерсон принадлежал к этой семье. Он родился в Каменец-Подольске в 1879 г. и получил традиционное еврейское образование³.

В 1905 г. Ицхак стал первым казенным раввином в г. Городня Черниговской губернии, а затем – раввином в Чернигове. Занимался социальными проблемами еврейского населения, отстаивал его права; участвовал в создании еврейских ссудно-сберегательных касс, ремесленных кооперативов, домов для престарелых.

В этот период он был кадетом – членом конституционно-демократической партии. В 1914 г. Шнеерсона мобилизовали, и он служил в военных госпиталях Москвы. В 1916 г. был гласным Рязанской городской думы, в 1917-18 – товарищем городской думы (затем эта должность была упразднена).

Оказавшись перед необходимостью эмиграции, выбрал Францию. В 1920 г. поселился в Париже с женой и четырьмя сыновьями. Их надо было содержать, и он занялся предпринимательством. Ицхак Шнеерсон быстро занял почетное место среди французских промышленников; благодаря личным качествам и опыту, он вскоре стал главой группы заводчиков, которые занимались изготовлением металлических решеток и жалюзей.

Он преуспел и часть доходов начал выделять на благотворительность. Есть сведения, что он продолжал заниматься и вопросами иудаизма⁴. 26 июля 1921 г. на чрезвычайном собрании еврейского общества трудовой помощи И.Шнеерсон был избран вице-

председателем бюро этой организации⁵. В «Последних новостях» от 6 августа 1921 г. он назван еврейским общественным деятелем и, таким образом, стал известным фактически через год после приезда во Францию⁶.

В парижской квартире Шнеерсонов бывали А.Толстой, П.Милюков, некоторые бывшие члены Государственной думы, эмигранты-евреи из России; посещал Шнеерсона и Х.Вейцман, будущий первый президент Израиля⁷.

Иногда глобальные события, чрезвычайные ситуации заставляют человека раскрыться неожиданным образом, проявить такие качества, которые в обычной обстановке даже ему самому неизвестны. После оккупации Франции он вынужден был покинуть Париж. В 1943 г., находясь в Гренобле, он начал собирать документы о погромных акциях нацистов в годы войны. Какой широтой взглядов и предвидением нужно было обладать, чтобы во мраке оккупации начать думать о будущем и сохранять важные свидетельства совершавшихся зверств!

В Гренобле состоялась встреча Ицхака Шнеерсона с доктором Ароном Сингаловским, одним из руководителей ОРТа. Шнеерсон назвал этого человека великим трибуном и великим евреем. Именно с ним Ицхак составил программу деятельности будущего Центра современной еврейской документации⁸.

Шнеерсон увлек своей идеей М.Гиршлера, высокоэрудированного человека, одного из лучших ораторов Франции. В военные годы он еще совсем молодым человеком занимал пост главного раввина Страсбурга. Гиршлер сопровождал И.Шнеерсона в Лион и познакомил с президентом еврейской общины Франции Леоном Мэйссом. Бывший прокурор и судья, участник французского Сопротивления, Мэйсс говорил: «Я остаюсь с моим народом, что бы с ним ни случилось».

Гренобль и Лион тогда были на территории, оккупированной итальянцами. 27 апреля 1943 г. в Гренобль прибыли представители ОРТа, ОЗЕ и других подпольных еврейских организаций из Сент-Этьена, Ниццы, Лиона, Марселя, Парижа и других мест. На следующее утро, 28 апреля, в доме Шнеерсона на ул. Бизане состоялось первое заседание Центра современной еврейской документации, на котором присутствовало 40 делегатов. Эта дата вошла в историю⁹.

Период относительного спокойствия длился недолго. На смену итальянцам пришли немцы, которые устраивали облавы на евреев. Началась депортация.

Собранные к этому времени документы удалось спасти – их спрятали у местных деревенских жителей. Центр наладил связь с

Сопротивлением. Шнеерсон с женой перебрался из Гренобля в Муссидан (департамент Дордонь), где их сын Мишель руководил отрядом маки. В этом же месте находился основной завод Ицхака.

Но, прибыв туда, Шнеерсон узнал, что, согласно новым правилам, он потерял права на предприятие. Теперь у него осталось одно дело: собирать свидетельства о преследовании евреев.

Как и еврейский историк С.(Ш.)Дубнов, который не устал повторять в оккупированной Риге: «Евреи, записывайте и запомните все!», Ицхак Шнеерсон продолжал собирать сведения об истреблении евреев.

После освобождения Франции в октябре 1944 г. Ицхак Шнеерсон и его Центр переехали в Париж. Группа исследователей приступила к научной обработке документов. Необходимо было продолжить поиск новых свидетельств фашистских зверств, а также сохранить все материалы, собранные по крупицам. Большое внимание было уделено созданию архива.

В Центре работал Леон Поляков, известный историк, которого Шнеерсон высоко ценил. Вот, что пишет Поляков в своих воспоминаниях: *«Ицхак Шнеерсон – крупный промышленник, у которого начиная с 1943 г. была идея собрать документы о преследовании евреев. Он начал с того, что устроил контору в Гренобле, где полдесятка секретарей просматривали Journal Officiel (французская официальная газета), составляя бесконечный список еврейских предприятий, что мне казалось смешным. Я тогда не понимал, что это есть начало всему.*

Вернувшись в Париж после освобождения, Ицхак Шнеерсон, по крайней мере, мог гордиться тем, что создал Центр современной еврейской документации.

Он принадлежал к тому типу людей, которым все удается, потому что, кроме динамизма, они обладают наивной верой в себя и большой доброжелательностью к людям.

Это был очень крупный мужчина и грозный в переговорах человек. “Голова министра”, – сказал мне как-то на ухо его дальний родственник Залман. Короче, не человек, а дьявол, очень увлеченный еврей, унаследовавший свою жизненную силу от своей хасидской династии, но он довольно свободно распоряжался законами, данными ему Моисеем. Мне случалось видеть его покуливавшим сигарету в субботу тайком от жены»¹⁰.

И.Шнеерсону удалось добиться включения Л.Полякова в состав делегации Франции на Нюрнбергском процессе. В статье А.Гуртовцевой «В память о Льве Полякове – историке антисеми-

тизма», опубликованной в настоящей книге, подробно описана большая роль Л.Полякова в сборе материалов для Центра.

Со временем отношения между Поляковым и Шнеерсоном осложнились, особенно после того, как Л.Поляков втайне от своего шефа издал книгу «Молитвенник ненависти» (подробности в статье А.Гуртовцевой), имевшую большой успех.

Фрагмент письма И.Шнеерсона, переданного в «Яд ва-Шем» Д.Кнутом
Вверху справа на бланке ЦДЖЕ указан почетный президиум Центра:
бывший премьер-министр Франции Леон Блюм, заместитель председателя
Государственного совета Рене Кассен, Фредерик Жюлио-Кюри,
член Французской академии писатель Дюамель и др.

Как поступил И.Шнеерсон? Как вообще должен поступить руководитель учреждения, сотрудник которого тайком пишет и издает книгу, основанную на материалах, принадлежащих Центру? Он выбирает единственно правильное решение: оставляя автором Л.Полякова, меняет обложку на включающую гриф Центра, и таким образом книга входит в серию публикаций Центра современной еврейской документации. Поляков считает, что этим шеф «присовокупил книгу к своим трудам». Но Шнеерсон автора не менял, серия принадлежит Центру, руководимому Ицхаком Шнеерсоном. Разве это можно назвать присвоением книги?

Вскоре после этого случая Поляков был уволен из Центра. Вот здесь, действительно, стоит пожалеть о случившемся.

Центр стал важной еврейской научной организацией, которой И.Шнеерсон руководил до конца своих дней. В его архиве хранятся

многочисленные материалы из отделов гестапо, действовавших на территории оккупированной Франции, из немецкого посольства в Париже, германского верховного военного командования во Франции, французского генерального комиссариата по еврейским делам и др.¹¹

В Центр также были переданы документы, использованные представителями США, Англии и Франции на Нюрнбергском процессе, протоколы процессов над нацистскими военными преступниками во Франции, Германии и других странах Европы, материалы процесса над Эйхманом в Израиле, собрание фотографий и т.д.

В 1946–1969 гг. Центром было издано 42 сборника документов, все – с предисловиями Ицхака Шнеерсона. Сотрудники Центра опубликовали десятки монографий и огромное количество статей о Катастрофе европейского еврейства.

В специализированной библиотеке Центра хранится 50 тыс. книг, газет и различных публикаций на семи языках (французском, английском, немецком, русском, идиш, иврите, итальянском), посвященных антисемитизму и истории евреев Европы с XIX в. до наших дней. Фототека насчитывает около 40 тыс. фотографий. Эти материалы используются для научных исследований, написания учебников, при организации тематических выставок и др.

Центр сотрудничает с «Яд ва-Шем». В архиве последнего хранится 11 дел, в которых упоминается имя И.Шнеерсона. В основном, они связаны с этим сотрудничеством¹².

Моя знакомая, посетившая Центр в сентябре 2002 г., рассказала, что ежедневно в нем работают исследователи из разных стран, и в тот день, когда она была там, не было ни одного свободного места. Она встретила с архивистом Сарой Маймон, которая работала с И.Шнеерсоном около 10 лет (1960–1969 гг.) и очень тепло о нем отзывалась. От нее мы узнали, что в Париже живет сын Ицхака Борис, но, к сожалению, связаться с ним не удалось.

В 1946 г. Центр начал издавать журнал «Le Monde Juif» («Еврейский мир»), во главе которого стоял Ицхак Шнеерсон. Этот журнал выходит четыре раза в год со статьями и документами, посвященными теме Катастрофы и др. Поэт Довид Кнут (Давид Миронович Фиксман, 1900–1955) принимал активное участие в деятельности журнала. На титульном листе первого номера он фигурирует в качестве его главного редактора. Д.Кнут в 1948 г. посетил только что созданное еврейское государство. Во время этого своего посещения страны он передал в «Яд ва-Шем» письмо, подписанное И.Шнеерсоном, в котором сообщается об открытии в Париже в де-

кабре 1948 г. международной выставки, посвященной трагедии евреев.

В 1967 г. были опубликованы мемуары Шнеерсона на идиш «Жизнь и борьба евреев в царской России, 1905–1917». Это – воспоминания о молодости, времени, когда он был раввином.

И.Шнеерсон любил свой родной язык и часто рассказывал на идиш разные истории из своей долгой и интересной жизни.

Начиная с 1952 г. он посвятил себя реализации еще одного важного проекта – созданию Мемориала неизвестному еврейскому мученику, жертве Катастрофы. Ицхак Шнеерсон проявил огромное упорство и волю, чтобы справиться с препятствиями и трудностями в осуществлении этой идеи. Своим энтузиазмом он заражал всех, кто с ним сотрудничал. Он умел убеждать, умел затронуть какие-то струны души и всегда добивался того, чего хотел. Даже своих оппонентов превращал в союзников. Он сумел создать комитеты друзей Мемориала в США, Южной Африке, Швейцарии, Бельгии, в Скандинавских странах, Великобритании.

**Открытие Мемориала
неизвестному мученику-еврею
в Париже 30 октября 1956 г.**

И уже 27 мая 1953 г. был заложен краеугольный камень будущего Мемориала. В церемонии приняли участие представители многих наций и правительств.

Под председательством И.Шнеерсона был создан комитет (1956 г.), в который вошли известные политические деятели: генерал де Голль, маршал И.Тито, Уинстон Черчилль, Бен-Гурион, королева Бельгии Елизавета и принцесса Вильгельмина.

Давид Бен-Гурион говорил, что это – первый мемориал, посвященный еврейским жертвам нацизма, и его можно будет увидеть в Париже.

30 октября 1956 г. состоялось открытие Мемориала. В связи с этим событием французское правительство наградило Ицхака Шнеерсона орденом Почетного легиона¹³.

И сегодня в центре Парижа возвышается огромный монумент, который увековечил память жертв Катастрофы. Значение этого Мемориала трудно переоценить. Многие руководители Государства Израиль – Давид Бен-Гурион, Леви Эшколь и др. – посетили

Мемориал и оставили записи в книге почетных гостей. Гостями Мемориала были политические деятели многих других стран.

Жизнь Ицхака Шнеерсона была с самого начала полна трудностей, на каждом шагу его ждали препятствия, которые он преодолевал с завидным упорством. Он был человеком европейской культуры, отличался глубиной и широтой взглядов. Человеком действия, очень энергичным. Бескорыстным, иногда наивным. Ценил дружбу и доброту.

Очень любил жену, которой посвятил свои мемуары, детей. В 1940 г. трое его сыновей были мобилизованы во Французскую армию (есть сведения¹⁴, что потом они оказались в тюрьме). Четвертый, у которого еще не было французского гражданства, был интернирован в Виттеле. В годы войны он выжил. В 1962 г., когда Ицхаку Шнеерсону было 83 года, он потерял его, своего младшего сына, который погиб при трагических обстоятельствах, а спустя несколько лет – жену, верного друга, поддерживавшую все его начинания. Это омрачило последние годы жизни.

Он прожил 90 лет и покинул нашу землю в возрасте Исаака.

Ицхак Шнеерсон умер в 1969 году, в пятницу. По еврейской традиции считается, что только самые высокие праведники (цадики) умирают в пятницу.

На его похоронах главный раввин Франции Яков Каплан сказал: *«Его уход из жизни погрузил в траур не только его семью, патриархом которой он является, не только его друзей, а их у него много, не только Мемориал и Центр современной еврейской документации, но также всю французскую общественность в целом. <...> Место, которое он занимал среди нас, оказалось пустым. <...> Теперь мы можем оценить всю тяжесть потери, которую мы испытываем. В течение четверти века он играл все более важную роль среди евреев нашей страны. Религиозной семейной традицией ему было предназначено заниматься великой еврейской миссией»*¹⁵.

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: РЕВЗ. Т.5(10). С.451.

² Шнеерсон // Краткая еврейская энциклопедия. Т.10 (2001). Стлб.250.

³ Шнеерсон Ицхак // Там же. Стлб.254; Schneersohn Isaac // Encyclopaedia Judaica. 1973. V.14. P.983.

---

⁴ Les obsèques d'Isaac Schneersohn // *Le Monde Juif*. 1969. №54. P.1–11.

⁵ Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. 1920–1975: В 8 т. / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. Т.1–4. 1920–1940. Москва: ЭКСМО – Париж: ИМКА-Пресс, 1995–1997.

⁶ Там же.

⁷ Un portrait d'Isaak Schneersohn, extrait du mémoire de Anne Sikcik, 1984 // Archives du Centre de Documentation Juive Contemporaine. Document B17474.

⁸ Там же.

⁹ Центр совр. евр. документации // КЕЭ. Т.9 (1999). Стлб.1061–1062.

¹⁰ *Léon Poliakov. Mémoires*. Paris. 1999. P.184–185.

¹¹ Описание Centre de Documentation Juive Contemporaine (CDJC) в книге: *La seconde guerre mondiale. Guide des sources conservées en France. 1939–1945*. Paris. Archives Nationales, 1994.

¹² Письмо И.Шнеерсона в «Яд ва-Шем» от 30.03.1948 г. (на фр., №АМ.1/197); его же письмо на бланке Центра (на идиш, №АМ.1/337) с сообщением об открытии в Париже в декабре 1948 г. Международной выставки, посвященной трагедии евреев. Письмо это в переводе на англ. было передано в «Яд ва-Шем» Д.Кнутом.

¹³ Les obsèques d'Isaac Schneersohn... P.8.

¹⁴ Картотека Центра современной еврейской документации.

¹⁵ Les obsèques d'Isaac Schneersohn... P.5–6.

Содержание

К 60-летию победы во Второй мировой войне: Да благословенна будет память о них	5
Памяти ушедших: Воспоминания Е.Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Райсе Блох. <i>Подготовка текста, публ. и примеч. А.Клементьева (Франция)</i>	7
Ю.С.Вейцман – владелец берлинского антиквариата «Россика». <i>О.Ласунский (Россия)</i>	17
Художники Русского Зарубежья – жертвы Катастрофы. <i>М.Генкина (Израиль)</i>	26
«Конец прекрасной эпохи» (Война, Холокаст и конец Первой русской эмиграции в Париже). <i>Б.Носик (Франция)</i>	34
Годы войны 1939–1945. Фрагмент из автобиографии Сергея Гессена «Моя жизнь». <i>Публ. и прим. А.Рогачевского (Великобритания)</i>	42
Слово о погибшем скульпторе. <i>Л.Латт (Израиль)</i>	54
Эфраим Зельцман. <i>Ф.Роголь (Израиль)</i>	67
Владимир Давидович Баранов-Россинэ (1888–1944). <i>А.Шатских (Россия)</i>	72
Поэт Евгений Гессен. <i>В.Каменская (Россия)</i>	79
В оккупированном Париже (Крупницы почти детских воспоминаний). <i>Н.Струве (Франция)</i>	90
Автографы Компьеньского концлагеря. <i>С.Мальшева (Россия)</i>	96

Ролд Хофман – спасенный узник нацизма. <i>А. Черняк (Израиль)</i>	105
Они погибли тогда... <i>В. Телицын (Россия)</i> I. «Был он образцом порядочности и культуры» (О Павле Николаевиче Апостоле)	119
II. Александр Михайлович Кулишер: жизнь и творчество. ...	131
III. «Скажи, певец, на что похож стихов твоих узор?..» (Илья Алексеевич Британ)	137
Абрам Вишняк и его издательство «Геликон». <i>Леонид Юниверг (Израиль)</i>	153
Бессарабские евреи во французском Сопротивлении: I. Тамара Пагис. <i>Ю. Систер, Б. Гендлер (Израиль)</i>	165
II. Доктор Франсуа. <i>Т. Вайсман, Ю. Систер (Израиль)</i>	174
III. Мой брат Арон (Артур) Ротштейн. <i>Э. Ротштейн (Израиль)</i>	181
Помощь врачам – жертвам войны и преследований («Энтр-эд-медикаль»). <i>Э. Левина (Франция)</i>	185
Луи Рапкин, последний ученик Баруха Спинозы. <i>К. Кикоин (Израиль)</i>	192
Евгений Вольман. <i>А. Львов (Франция)</i>	205
Из воспоминаний, или Память о Шоа. <i>И. Цельникер (Франция).</i> <i>Публ., вступ. заметка и коммент. Д. Гузевица, И. Гузевиц,</i> <i>пер. с фр. М. Гузевица (Франция)</i>	209
Великая миссия Ицхака Шнеерсона. <i>Ю. Систер (Израиль)</i>	228

Contents

And blessed be their memory	5
The poets Mikhail Gorlin and Raisa Bloch remembered by Eugenia Cannac. <i>Publication by A.Klementiev (France)</i>	7
Yu.Veitsman, the proprietor of the Rossika antique shop. <i>O.Lasunsky (Russia)</i>	17
Artists – Victims of the Holocaust. <i>M.Genkina (Israel)</i>	26
«The End of the Beautiful Epoch» (War, Holocaust and the End of the First Russian Emigration in Paris). <i>B.Nossik (France)</i>	34
War Years 1939 to 1945. A fragment from the autobiography of Sergey Gessen «My Life». <i>Publ. and notes by A.Rogachevsky (England)</i>	42
Tale of the ruined sculptor. <i>L.Latt (Israel)</i>	54
Efraim Zel'tzman. <i>F.Rogol' (Israel)</i>	67
Vladimir Davidovich Baranov-Rossine (1888–1944). <i>A.Shatskikh (Russia)</i>	72
Poet Evgeny Gessen. <i>V.Kamenskaia (Russia)</i>	79
In the occupied Paris (Grains of almost child's recollections). <i>N.Struve (France)</i>	90
Autographs from Compiègne's concentration camp. <i>S.Malisheva (Russia)</i>	96
Roald Khofman, survivor of Nazi camp. <i>A.Cherniak (Israel)</i>	105

Then they perished... <i>V.Telitsin (Russia)</i>	
I. «He was the example of decency and culture» (On Pavel Nikolaievich Apostol)	119
II. Alexander Mikhailovich Kulisher	131
III. «Tell me, the singer, what does your poem remind?..» (Poet Ilia Britan)	137
Abram Vishniak and his Publishing House «Gelikion». <i>L.Yuniverg (Israel)</i>	153
Bessarabian Jews in French Resistance Movement	
I. Tamara Paghis <i>Yu.Sister, B.Gendler (Israel)</i>	165
II. Docteur François. <i>T.Vajzman, Yu.Sister (Israel)</i>	174
III. My brother Aharon (Artur) Rotshtein. <i>E.Rotshtein (Israel)</i>	181
Aid to physicians - war and persecution victims («Entraide médicale»). <i>È.N.Levina (France)</i>	185
Louis Rapkine, Baruch Spinoza last disciple. <i>K.Kikoïne (Israël)</i>	192
Eugène Volmane. <i>A.Lwoff (France)</i>	205
From the Memoirs, or the Recollections of Shoah. <i>E.Zelnicker. Publ., introd. and comment. by D.Gousevitch and I.Gousevitch. Transl. from the French by M.Gousevitch</i>	209
Yitzhak Schneerson's Great Undertaking. <i>Yu.Sister (Israel)</i>	228

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье»

Центр собирает, изучает и распространяет сведения о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира и о роли евреев – выходцев из России в создании и становлении Государства Израиль.

Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о Русском Зарубежье.

Центром изданы две серии книг: *Евреи в культуре Русского Зарубежья* (Тома 1–5. Иерусалим, 1992–1996) и *Русское еврейство в зарубежье* (Тома 1/6/–5/10/. Иерусалим, 1998–2003). Некоторые материалы 10-томника представлены в интернете (www.organim.ac.il/echo). Информацию о рецензиях (их около 80) на издания Центра см.: <http://www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html>.

Сотрудники Центра проводят конференции, семинары, лекции; разрабатывают учебные программы о русском еврействе в зарубежье.

Кроме настоящего тома, Центром в 2005 г. подготовлены к печати две книги:

«Идемте же отстроим стены Йерушалаима»: Евреи из России, СССР и СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль. Кн.1. Ред.-сост.: *Юлия Систер, Михаил Пархомовский*;

Русские евреи в Америке. Кн. 1. Ред.-сост.: *Эрнст Зальцберг, Михаил Пархомовский*.

Научный руководитель и главный редактор Центра:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh 99013. Israel.

Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@barak-online.net

Генеральный директор:

Dr. Yulia Sister. P.O.B. 6464, 9/14 Narkis St., Kiryat Ekron 70500. Israel.

Tel.: 972-8-9350332; e-mail: martw@bezeqint.net

